

ФРЭНСИС БЭЖОН

НОВАЯ АТЛАНТИДА
ОПЫТЫ И НАСТАВЛЕНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ФРЭНСИС БЭЖОН

НОВАЯ
АТЛАНТИДА

ОПЫТЫ И НАСТАВЛЕНИЯ
НРАВСТВЕННЫЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ

◦

ПЕРЕВОД
З. Е. АЛЕКСАНДРОВОЙ

СТАТЬЯ И ПРИМЕЧАНИЯ
Ф. А. КОГАН-БЕРНШТЕЙН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

1 9 5 4

РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ СЕРИЙ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»:

Академик *В. П. ВОЛГИН* (председатель), академик *В. В. ВИНОГРАДОВ*,
академик *М. Н. ТИХОМИРОВ*, член-корреспондент АН СССР *Д. Д. БЛАГОЙ*,
член-корреспондент АН СССР *Н. И. КОНРАД*, член-корреспондент АН СССР
Д. С. ЛИХАЧЕВ, член-корреспондент АН СССР *С. Д. СКАЗКИН*, про-
фессор *И. И. АНИСИМОВ*, доктор исторических наук *С. Л. УТЧЕНКО*

Серия основана академиком *С. И. ВАВИЛОВЫМ*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
академик Е. А. КОСМИНСКИЙ

ФРЭНСИС БЭКОН

НОВАЯ АТЛАНТИДА

Мы отплыли из Перу (где пробыли целый год) в Южные моря¹, в направлении Китая и Японии, взяв с собою припасов на двенадцать месяцев. В течение пяти с лишним месяцев дули попутные, хотя и слабые, ветры с востока; но затем ветер переменялся и много дней подряд дул с запада, так что мы почти не продвигались и порой подумывали о возвращении. Вслед затем, однако, поднялся сильный ветер с юга и юго-запада, отнесший нас (несмотря на все наши усилия) к северу. К этому времени запасы наши истощились, хотя мы и расходовали их бережно. И вот, очутившись среди величайшей в мире водной пустыни, почли мы себя погибшими и стали готовиться к смерти. Однако мы все еще возносили сердца наши и мольбы ко всевышнему, творящему чудеса на водах, моля, чтобы как при сотворении мира он собрал воду воедино и явил сушу, так и теперь явил бы нам сушу и не дал погибнуть.

И вот ввечеру следующего дня показалось с севера как бы густое облако, вселившее в нас некоторую надежду на землю; ибо мы знали, что эта часть Южного моря совершенно не исследована, и тут могли оказаться острова и материки, дотоле неизвестные. Поэтому направили мы наш корабль туда, где всю ночь виднелось это подобие земли, а на рассвете ясно увидели, что это и была земля — плоская на вид и весьма лесистая, отчего казалась темнее.

Спустя полтора часа вошли мы в удобную гавань, служившую портом красивому городу, не слишком большому, но отлично

построенному и с моря выглядевшему весьма живописно. Считая каждую минуту промедлением, подошли мы к берегу и уже готовились высадиться. Но тут мы увидели, что несколько человек с жезлами в руках запрещают нам это — не криками или угрозами, но предостерегающими знаками. Будучи немало огорчены, мы стали совещаться, как поступить.

Тем временем направилась к нам небольшая лодка, вмещавшая человек восемь; один из них держал жезл из желтого тростника, окрашенный на концах в синий цвет; он вошел к нам на корабль, не обнаруживая ни малейшего недоверия. Увидя, что один из нас выступил несколько вперед, он вынул небольшой свиток пергамента (более желтого, чем наш, и блестящего, но весьма мягкого и гибкого) и вручил его стоявшему впереди. Там начертаны были — на древнееврейском, древнегреческом, на хорошей латыни и на испанском — следующие строки: „Пусть никто из вас не сходит с корабля. И будьте готовы покинуть эти берега не позднее, как через шестнадцать дней, если только срок этот не будет вам продлен. А пока, если нуждаетесь в пресной воде, или съестных припасах, или в лечебной помощи вашим больным, или же корабль ваш имеет повреждения — напишите, что вам надобно, и долг милосердия будет нами исполнен“.

Свиток скреплен был печатью, изображавшей крыла серафимов, но не простертые, а опущенные книзу; а подле них крест. Вручив нам свиток, чиновник удалился, оставив слугу, которому должны мы были передать наш ответ. Посоветовавшись между собою, мы все же пребывали в большом смущении. Запрещение высадиться и приказ вскорости отплыть весьма нас огорчали. Вместе с тем открытие, что народ здешний сведущ в наших языках и полон человеколюбия, немало нас ободрило. Но всего более порадовал нас знак креста на свитке, как верный предвестник доброго. Ответ наш был составлен на испанском языке: „Что до корабля, то он в исправности, ибо в пути мы испытали безветрие и противный ветер, но не бури. Что до больных, то их у нас много — и очень тяжелых; так что запрещение высадиться угрожает им смертью“.

Прочие наши нужды мы отметили особо, добавив, что „имеем с собой кое-какие товары, которые, если угодно будет вступить с нами в сделку, могли бы покрыть наши расходы“.

Слуге мы предложили некоторое вознаграждение в виде пистолей, а для чиновника — кусок алого бархата. Слуга, однако, не взял их, едва на них взглянул и отплыл в другой лодке, которая была за ним послана.

Спустя примерно три часа после того, как отправлен был наш ответ, явилось к нам некое повидимому важное лицо. На нем было облачение с широкими рукавами, из некоей ткани, напоминавшей камлот, превосходной лазурной окраски и более глянцевиной, чем наша; нижнее платье его было зеленым; таков же был и его головной убор в виде чалмы, искусно сделанный — но размером поменьше, чем носят турки — из-под которого спускались локонами его волосы. Вид у него был весьма почтенный. Доставившая его лодка была украшена позолотой; в ней находилось еще четыре человека. За этой лодкой следовала другая, в которой помещалось человек около двадцати.

Приблизившись к нашему кораблю на расстояние полета стрелы, они знаками показали нам, чтобы мы выслали кого-либо навстречу, что мы и сделали, пославши шлюпку, в которую сел второй по старшинству из наших начальников, а с ним еще четверо. Когда мы были в шести ярдах от лодки, они велели остановиться и не подходить ближе, что также было нами исполнено. Тут человек, описанный мною выше, поднялся в лодке и громко спросил по-испански: „Христиане ли вы?“. Мы ответили утвердительно и безбоязненно, помня о кресте, изображенном в их печати. При этом ответе человек воздел правую руку к небесам, а затем медленно поднес ее к устам (этим знаком принято у них благодарить бога) и сказал: „Если все вы поклянетесь муками спасителя, что вы не пираты, а также, что в течение последних сорока дней не пролили крови, будь то законным или незаконным образом, вам разрешено будет сойти на берег“. Мы ответили, что готовы принести такую клятву; после чего один из сопровождавших его (как видно, писец) сделал соответствующую запись. Затем другой

из его свиты, находившийся в одной с ним лодке, выслушав сперва своего господина, громко сказал: „Господин мой оповещает вас, что если не вступает к вам на корабль, то причина этому не гордость или высокомерие; но поскольку из ответа вашего оказалось, что на борту много больных, то блюститель народного здоровья распорядился, чтобы держались от вас на расстоянии“. Мы отвечали с поклоном, что мы — покорные его слуги; что все, уже сделанное для нас, считаем за большую честь и проявление редкого человеколюбия, но уверены, что недуг наших людей не заразителен. С этим они отплыли; а спустя немного, к нам на корабль вошел писец; в руке он держал местный плод, напоминающий апельсин, — но цветом скорее алый, чем оранжевый, — издававший чудесный аромат. Казалось, он пользовался им для предохранения себя от заразы. Он взял с нас клятву „именем Иисуса и мук его“, а затем сообщил, что на следующее утро в шесть часов за нами пришлют, чтобы поместить в Доме чужестранцев (так он назвал его), где мы получим все необходимое как для больных, так и для здоровых. С этим он оставил нас; а когда мы предложили ему несколько пистолей, сказал с улыбкою, что не может дважды получать плату за труды; это (насколько я понимаю) означало, что он получает достаточное жалованье от государства. Как я узнал позже, „дважды оплаченными“ называют они чиновников, берущих дары.

Рано поутру явился к нам тот самый человек с жезлом, который посетил нас первым, и сказал, что прислан доставить нас в Дом чужестранцев, а прибыл рано затем, чтобы мы имели в нашем распоряжении весь день. „Ибо, если послушаетесь моего совета, — сказал он, — со мной сперва отправятся несколько человек, чтобы осмотреть помещение и решить, как его удобнее приготовить; а там можно послать и за вашими больными и остальными вашими людьми, которых вы желаете спустить на сушу“. Мы поблагодарили его, сказав, что бог вознаградит его за заботу о бесприютных чужестранцах. Итак, шестеро из нас сошли с ним на берег; причем он, идя впереди, обернулся и сказал, чтобы мы считали его нашим проводником и слугой. Он провел нас

тремя прекрасными улицами; на всем нашем пути по обеим сторонам улицы собрался народ; но все выстроились правильными рядами и вели себя так вежливо, словно собрались не дивиться на нас, но приветствовать; некоторые, при нашем приближении, несколько выставляли вперед руку, что является у них знаком приветствия.

Дом чужестранцев представляет собой отличное просторное здание, выстроенное из кирпича, имеющего, по сравнению с нашим, синеватый отлив, с красивыми окнами, из которых одни застеклены, другие затянуты промасленной льняной тканью.

Введя нас в красивую приемную залу наверху лестницы, он спросил, сколько у нас больных. Мы ответили, что всего нас (здоровых и больных) пятьдесят один человек, из коих больных семнадцать. Он попросил нас запастись терпением и подождать его возвращения; а около часу спустя вернулся и повел нас осматривать отведенные нам комнаты, коих было девятнадцать. Как видно, они решили в четырех лучших комнатах поместить четверых наших начальников, а в остальных пятнадцати разместить нас по-двое. Комнаты были красивые, светлые и богато убранные. Затем он провел нас в длинную галерею, или спальный покой, где по одной стороне (по другой шла стена со множеством окон) расположен был ряд одиночных спален, очень опрятных, отделенных одна от другой перегородками из кедрового дерева. Эта галерея со спальнями, которых было всего сорок (значительно больше, чем нам требовалось), служила у них лазаретом. Он тут же сказал нам, что по мере выздоровления наши больные будут переводиться в обычные помещения, для чего было приготовлено еще десять комнат, кроме тех, о которых я упоминал выше. После этого он вернулся с нами в приемную залу и, подняв слегка свой жезл, как делают они при объявлении приказов начальства, сказал: „Вам надлежит знать, что обычаи нашей страны запрещают вам выходить отсюда в течение трех дней, не считая сегодняшнего и завтрашнего, которые даются вам для переселения с корабля. Однако пусть это не смущает вас и не почитается за лишение

свободы, но скорее за срок, надобный для того, чтобы осмотреться и отдохнуть. Вы ни в чем не будете терпеть нужды; к вам приставлено шесть человек, которые будут выполнять все ваши поручения, требующие отлучек из этого дома". Мы поблагодарили его со всем усердием и почтительностью, прибавив: „Поистине, господь явил себя в этой стране". Мы также предложили ему двадцать пистолей, но он улыбнулся и сказал только: „Как? вторичная плата?". И с этим оставил нас. Вскоре был нам подан обед; причем и хлеб, и мясо были отличные — лучше чем за любой общественной трапезой, какую я мог припомнить в наших краях. Были также напитки трех сортов, все полезные и приятные на вкус: виноградное вино, напиток из зерна, наподобие нашего эля, но прозрачнее, и род сидра, приготовленного из местных фруктов, — удивительно вкусный и освежающий. Кроме того, принесли нам для наших больных большой запас упомянутых мной красных апельсинов, которые, по их словам, были верным средством от болезни, поражающей мореплавателей. Дали нам также коробку мелких пилюль серого и беловатого цвета, посоветовав давать их нашим больным, по одной пилюле на ночь, для ускорения их выздоровления.

На следующий день, когда мы уже несколько отдохнули от хлопот, причиненных перевозкою с корабля людей и товаров, решил я созвать всех своих спутников; когда же они собрались, сказал: „Друзья мои, соберемся с мыслями и подумаем о нашей судьбе. Мы выброшены на сушу, подобно Ионе, извергнутому из чрева китова, когда уже считали себя погребенными в морской пучине, но и сейчас, обретя землю, находимся между жизнью и смертью; ибо оказались за пределами и Старого, и Нового света; и одному богу ведомо, увидим ли мы когда-либо берега Европы. Чудом попали мы сюда и только чудом сумеем отсюда выбраться. Пусть же, — памятуя недавнее избавление, а также нынешние и грядущие опасности, — каждый из нас обратит взоры к богу и очистится от скверны. К тому же, мы находимся здесь среди христианского племени, исполненного благочестия и человеколюбия. Так не посрамям же себя перед ними, обнаружив свою порочность

и недостойность. Но это еще не все. Ибо они особым приказом (хотя и в учтливой форме) на три дня заключили нас в этих стенах; как знать, не для того ли, чтобы получить некоторое понятие о наших нравах? И если окажутся они плохи, изгнать нас немедля; а если хороши — продлить наше здесь пребывание? Ибо люди, приставленные к нам для услуг, могут, вместе с тем, наблюдать за нами. Поэтому заклинаю вас богом и заботою о душах и телах ваших так вести себя, чтобы быть в мире с господом и снискать расположение здешнего народа“. Спутники мои в один голос поблагодарили меня за полезное увещевание и обещали вести себя учтиво и скромно, не подавая никаких поводов к неудовольствию. И так провели мы три дня с легким сердцем и беззаботно, ожидая, как будет поступлено с нами по истечении этого срока.

А тем временем ежечасно радовало нас улучшение состояния наших больных, которые мнили себя погруженными в некую целительную купель — так быстро и легко они выздоравливали.

По истечении трехдневного срока явился к нам поутру новый человек, до тех пор нами не виденный — одетый, как и прежний, в синее; только чалма на нем была белая, украшенная маленьким красным крестом, да еще пелерина из тонкого полотна. Входя, он слегка склонился и выставил руки вперед. Мы, со своей стороны, приветствовали его со смирением и покорностью, ибо от него ждали своего приговора. Он изъявил желание говорить с несколькими из нас; после чего шестеро из нас остались с ним, остальные же удалились. Пришедший сказал: „Я по должности управитель Дома чужестранцев, а по призванию христианский священник, и пришел предложить вам свои услуги как чужестранцам, но прежде всего как христианам. Могу сообщить весть, которая, я уверен, будет вам приятна. Правительство разрешило вам оставаться на берегу в течение шести недель; и пусть не тревожит вас, если окажется, что вам понадобится больше; ибо закон в этом пункте не слишком строг; и я не сомневаюсь, что сам смогу испросить для вас дальнейшее продление срока. Скажу

также, что Дом чужестранцев в настоящее время богат и всем обеспечен. Вот уже тридцать семь лет накапливаются его доходы; ибо за это время ни один чужестранец не появлялся в этих краях. А потому ни о чем не тревожьтесь; государство берет на себя расходы по содержанию вашему на все время вашего пребывания, так что по этой причине оно не будет сокращено ни на один день. Что касается ваших товаров, то с вами поступлено будет по справедливости и произведен расчет: либо товарами, либо золотом и серебром; ибо для нас это безразлично. А если имеете какие-либо просьбы — говорите без утайки, и увидите, что мы не огорчим вас отказом. Об одном только вас предупреждаю: никто из вас не должен отлучаться из города дальше чем на один каран (это составляет у них полторы мили) без особого на то разрешения“. Мы отвечали, обменявшись друг с другом взглядами, в коих выразилось восхищение столь приветливым и отеческим к нам отношением, что не знаем, что и сказать; ибо не находим слов для выражения нашей благодарности, а его щедрые и великодушные предложения не оставляют места для просьб. Мы словно видим перед собою прообраз нашего небесного спасения; ибо, находясь еще столь недавно в пасти смерти, очутились вдруг там, где все дарует нам утешение. Что касается наложенного на нас запрета, то мы его не нарушим, хотя и невозможно, чтобы мы не горели желанием повидать и другие части этой счастливой и благословенной страны. Мы добавили, что скорее языки наши присохнут к гортани, чем мы позабудем упоминать в своих молитвах как его почтенную особу, так и весь народ его. И смиренно просили его считать нас своими преданными слугами, по праву благодетеля, повергая к стопам его и себя самих, и все наше имение. Он ответил, что, будучи священником, ожидает лишь пастьерской награды, а именно: нашей братской любви и блага нашим душам и телам; после чего удалился со слезами умиления, нас же оставил радостными и смущенными. „Поистине, — говорили мы друг другу, — мы очутились в стране ангелов, которые являются нам ежедневно, предупреждая наши желания щедротами, каких мы не только не могли ожидать, но даже и представить себе“.

На следующий день, часов около десяти, управитель явился к нам снова и после приветствий сказал дружески, что пришел навестить нас, велел подать себе стул и сел; сели и мы, человек десять (остальные были низкого звания, а некоторые отсутствовали). Когда мы уселись, он начал следующим образом: „Мы, жители острова Бенсалем (ибо так он именуется на их языке), благодаря нашему отдаленному расположению, тайне, к которой обязываем мы наших путешественников, и редкому допущению к себе чужестранцев, хорошо осведомлены о большей части обитаемых земель; сами же остаемся неизвестны. А коль скоро спрашивать подобает тому, кто менее осведомлен, то мы с вами лучше употребим время, если задавать вопросы будете вы, а не я“. Мы отвечали, что смиренно благодарим его за это дозволение и уже можем на основании собственного опыта судить, что нет на земле ничего, более достойного ознакомления, нежели эта счастливая страна. „Но всего более, — прибавили мы, — после столь чудесной встречи на краю земли и уповая — несмотря на то, что мы живем в разных концах света, — на грядущую встречу в царствии небесном (ибо видим в них единоверцев-христиан), хотели бы знать (поскольку здешняя земля столь удалена и отделена обширными и неисследованными морями от тех мест, где сходил на землю спаситель), кто был ее апостолом и как была она просвещена верою“. При этом вопросе лицо его выразило большое удовлетворение, и он ответил: „Вы расположили меня к себе, задав этот вопрос в первую очередь; ибо он означает, что вы ищете прежде всего царствия небесного; отвечу вам на него охотно и кратко“.

„Спустя около двадцати лет по воскресении спасителя, жители Ренфузы (города на восточном побережье нашего острова) увидели однажды ночью (а ночь была облачной и спокойной) большой столп света, появившийся на море в расстоянии около мили; он имел форму колонны (или цилиндра) и подымался к небу на большую высоту; вершину его увенчивал крест, сиявший более ярко, нежели самый столп. Столь необычайное зрелище привлекло горожан на берег моря; а там некоторые сели в лодки, чтобы

еще приблизиться к чудесному явлению. Однако, не доплыв ядров шестидесяти до столпа, лодки оказались словно скованными и не в силах плыть дальше, хотя в других направлениях могли двигаться свободно; так что все лодки расположились полукругом, созерцая небесное знамение. Случилось, что в одной из них находился мудрец из числа членов Соломонова дома; а это, добрые друзья мои, зеница ока нашей страны. И вот, после внимательного и благоговейного созерцания столпа и креста, человек этот склонился ниц; а затем, стоя на коленях и воздев руки к небу, произнес следующую молитву:

„Боже, владыка неба и земли, милостиво даровавший нашему братству познание твоих творений и тайн их, а также способность различать (насколько это доступно человеку) божественные чудеса, явления природы, произведения искусства и всякого рода обманы и призраки. Свидетельствую перед собравшимся здесь народом, что в представшем нам зрелище вижу перст твой и подлинное чудо; а зная из книг наших, что ты не творишь чудес иначе, как с благой и божественной целью (ибо законы природы есть твои законы, и ты не престаешь их без важных к тому причин), мы смиренно просим тебя благословить твое знамение и открыть нам его значение, что ты уже отчасти обещаешь, ниспосылая его“.

Едва окончил он свою молитву, как почувствовал, что лодка его обрела свободу движения, тогда как остальные оставались попрежнему скованными; приняв это за дозволение приблизиться, он велел медленно и в молчании грести по направлению к столпу. Но не успел он приблизиться, как сияющий столп и крест распались и рассыпались как бы на множество звезд, вскоре также погасших; а на воде остался лишь небольшой ковчежец, или ларец, кедрового дерева, нимало не подмоченный водою, хотя и плыл по ней. Из переднего конца его, ближайшего к лодке, росла зеленая пальмовая ветвь. Когда же мудрец благоговейно взял ларец в лодку, он сам собою раскрылся, и в нем оказались книга и послание — и то, и другое на тонком пергаменте, обернутое в льняную ткань. Книга содержала все канонические книги ветхого

и нового завета, соответствующие вашим (ибо нам известно, какие приняты вашими церквами); Апокалипсис и некоторые другие книги нового завета, в ту пору еще не написанные, также, тем не менее, оказались тут. Что касается послания, то оно состояло из следующих строк:

„Мне, Варфоломею, рабу божию и апостолу Иисуса Христа, было видение, в коем ангел повелел мне вручить морским волнам этот ковчежец. А потому объявляю народу, к которому угодно будет господу привести ковчежец, что тем самым ниспосылается ему спасение, мир и благоволение от бога-отца и господа нашего Иисуса“.

Кроме того, в обоих этих писаниях — книге и послании — было нам явлено чудо, подобное чуду апостолов, когда был ниспослан им дар языков. Ибо не только местные жители, но также иудеи, персы и индийцы, находившиеся в ту пору в нашей стране, смогли прочесть книгу и послание так, словно они были написаны на их родном языке. Вот как случилось, что ковчег, спасший остальную часть старого мира от потопа, спас нашу землю от неверия, через апостольскую проповедь св. Варфоломея“. Тут он остановился, ибо пришел посланец и вызвал его от нас.

На следующий день, тотчас после обеда, управитель явился к нам снова и попросил извинения, говоря, что накануне был вызван от нас несколько поспешно, но теперь постарается возместить это и проведет с нами больше времени, если только общество его и беседа нам приятны. Мы отвечали, что оно столь нам приятно, что, слушая его, мы забываем и перенесенные бедствия и грядущие опасения, и один час, проведенный с ним, ценим наравне с годами прежней нашей жизни. Он слегка поклонился, а когда мы уселись, сказал: „Итак, спрашивать надлежит вам“.

Тут один из нас, после некоторого молчания, сказал, что есть один предмет, о котором мы столь же желаем, сколько боимся спросить, дабы не злоупотребить его добротой. Однакоже, ободренные столь редкостным человеколюбием с его стороны, и не считая себя совершенно чужими, но его верными слугами, осме-

ливаемся заговорить об этом, смиренно прося его простить дерзкий вопрос, если бы и пришлось отклонить его. Нам запомнилось, — продолжали мы, — прежнее его замечание о том, что счастливый остров, где мы сейчас находимся, известен лишь немногим, хотя самим его жителям известна большая часть света; это видно из того, что здесь знают европейские языки, а также многие наши дела; тогда как мы, европейцы (несмотря на все плавания и открытия последнего времени), никогда не видали этого острова и не слышали о нем. Это кажется нам удивительным; ибо все народы знают друг друга либо посредством путешествий в чужие края, либо через приезжающих чужестранцев; и хотя путешественник больше узнаёт, видя все воочию, нежели остающиеся у себя дома могут узнать из рассказов, однакож оба эти способа достаточны для некоторого взаимного познания. Что же касается этого острова, то мы никогда не слышали, чтобы какой-либо их корабль приставал к берегам Европы, Ост-Индии или Вест-Индии и чтобы хоть чей-нибудь корабль побывал у них. Но самое диковинное еще не в этом. Ибо этому может способствовать (как сказала и его светлость) уединенное расположение в неисследованной части обширного океана. Но как могут островитяне знать языки, книги и историю тех, кто отделен от них таким расстоянием, — вот что кажется нам непостижимым; и представляется свойством и особенностью божественных существ, которые сами неведомы и незримы, тогда как другие для них прозрачны как стекло. Выслушав это, управитель добродушно улыбнулся и сказал, что мы недаром просили прощения за подобный вопрос; ибо, как видно, считаем его землю страной чародеев, посылающих во все концы света незримых духов, которые доставляют им сведения о чужих краях. На это все мы ответили с подобающей почтительностью, но, однако, показав, что поняли его шутку: „Да, мы действительно склонны думать, что остров имеет в себе нечто сверхъестественное, но скорей ангельское, нежели колдовское. Однако, если говорить правду, не это заставило нас опасаться задать наш вопрос, но запомнившиеся нам слова вашей светлости о том, что законы страны предписывают хранить ее тайну от чужестранцев“. На

это он сказал: „Вы не ослышались; а потому, отвечая вам, я умолчу о некоторых подробностях, которые оглашать не имею права; но и без того сумею удовлетворить вашу любознательность“.

„Вам надлежит знать (хотя вы и можете счесть это невероятным), что три тысячи, и более, лет назад мореплавание (особенно в отдаленные страны) было развито более, нежели сейчас. Не думайте, что мне неизвестно, какие успехи оно сделало за последние сто двадцать лет. Я знаю это отлично и, тем не менее, повторяю: более, нежели сейчас. Потому ли, что пример ковчега, спасшего остатки рода человеческого от всемирного потопа, поощрял вверяться волнам, или по другой причине, но так оно было. Большой флот был у финикийцев, особенно у жителей Тира, а также у их колонии, Карфагена, лежавшего еще дальше к западу. На востоке много кораблей было у Египта и Палестины. Китай и великая Атлантида (именуемая у вас Америкой), сейчас имеющие лишь джонки и пирбги, в ту пору также в изобилии имели большие суда. Наш остров (как видно из достоверных летописей того времени) имел полторы тысячи прочных кораблей большого водоизмещения. Об этом у вас сохранилось мало сведений, или же вовсе никаких; нам же все это хорошо известно.

В то время страна наша была известна и посещалась кораблями всех названных мною стран. И нередко случалось, что с ними прибывали также люди других стран, не имевших своего флота, как-то: персы, халдеи, арабы; так что у нас побывали почти все могучие и славные народы, от которых здесь и по сей день сохранилось несколько родов и небольших племен. Что касается собственных наших кораблей, то они, плавая повсюду, достигали и вашего пролива, называемого Геркулесовыми столбами², и других частей Атлантики и Средиземного моря, и Пекина (иначе называемого Камбалу³), и Кинсаи⁴ из Восточных морях, и даже самых рубежей Восточной Татарии.

В это же время, и еще столетие спустя, процветала и великая Атлантида. И хотя повесть о ней, написанная одним из ваших

великих людей⁵ — который назвал ее поселением потомков Нептуна и описал ее великолепный храм, дворец, город и холм, ее многочисленные судоходные реки, опоясывавшие город точно кольцами, и величавые ступени, подобные *scala coeli*⁶, по которым туда восходили, — хотя все это поэтический вымысел, одно, во всяком случае, верно: эта Атлантида, так же как Перу (в то время называвшееся Койя) и Мексика (носившая название Тирамбель), были мощными и гордыми державами, которые славились войском, флотом и богатствами, столь мощными, что жители последних одновременно (или на протяжении десяти лет) совершили два больших плавания: жители Тирамбеля — через Атлантику и Средиземное море, а жители Койи — через Южные моря к нашему острову. О первом из этих плаваний — к берегам Европы — тот же великий писатель ваш⁷ слышал от одного египетского жреца, чьи слова он и приводит; ибо оно, несомненно, имело место. Но правда ли, что именно древним афинянам принадлежала честь отразить врага, — об этом мне неизвестно; известно лишь, что из этого похода не вернулся ни единый корабль и ни единый человек. Не лучше окончился бы и другой поход — людей из Койи, если бы им не посчастливилось встретить более милосердного противника. Ибо король нашего острова (по имени Альтабин), мудрый муж и славный полководец, правильно оценив и свои силы, и вражеские, сумел отрезать сухопутные их войска от кораблей, окружил их и на море, и на суше превосходящими силами и вынудил сдаться без боя; а когда оказались они в полной его власти, удовольствовался их клятвой никогда не подымать против него оружия и отпустил всех с миром.

Но небесный гнев вскоре покарал эти властолюбивые замыслы. Менее чем сто лет спустя великая Атлантида была разрушена до основания — не землетрясением, как утверждает ваш источник (ибо вся та часть света мало им подвержена), но частичным потопом или наводнением; ибо реки в тех краях доньше гораздо многоводней, а горы, с которых стекают воды, — выше, чем в любой части Старого света. Наводнение это не было, однакож, глубоким, во многих местах покрыв землю не более чем на сорок

NEW
ATLANTIS

A Worke vnfinished.

Written by the Right Honourable, FRANCIS
Lord Verulam, Viscount St. Alban.

ЗАГЛАВНАЯ СТРАНИЦА „НОВОЙ АТЛАНТИДЫ“
(первое английское издание 1627 г.) включенной
в книгу Ф. Бэкона „*Sylva Sylvarum*“

футов; так что хотя люди и животные были уничтожены, некоторым диким лесным жителям удалось спастись. Уцелели и птицы, взлетевшие на вершины деревьев и холмов. Что касается людских жилищ, они тоже нередко возвышались над уровнем воды. Однако, вследствие того, что вода, хотя и неглубокая, стояла очень долго, жители долин, даже там, где они не утонули, погибли от недостатка пищи и других необходимых предметов. Не удивляйтесь, поэтому, редкому населению Америки, а также грубости его нравов; ибо нынешних обитателей Америки надлежит считать молодым народом, не менее чем на тысячелетие моложе остальных народов мира. Ведь именно такой срок отделяет всемирный потоп от постигшего их наводнения. Ибо жалкие остатки человеческого рода, уцелевшие в их горах, лишь очень медленно заселили страну вновь, и, будучи невежественны и дики (в отличие от Ноя и его сыновей, которые были первейшим семейством на всей земле), не смогли оставить потомству письменности, искусств и цивилизации; а привыкнув в своих горных местностях (отличающихся крайне холодным климатом) одеваться в шкуры тигров, медведей и косматых коз, которые там водятся, они, когда спустились в долины, где царит нестерпимая жара, не знали способа одеваться легче и начали ходить нагишом, каковой обычай сохранился у них и по сей день. Зато любят они украшать себя перьями птиц; и это опять-таки осталось им от их предков, обитателей гор, которых побудило к этому изобилие огромных птичьих стай, слетавшихся на возвышенные места, пока долины были затоплены. Вот из-за этого-то бедствия и прекратились наши сношения с Америкой, с которой, вследствие более близкого соседства, они были наиболее тесными.

Что касается других частей света, то в последующие века (вследствие ли войн или просто превратностей времени) мореплавание всюду пришло в крайний упадок; а дальние плавания прекратились вовсе (чему способствовало также распространение галер и других подобных судов, непригодных в открытом море). Итак, тот способ сношений, который состоял в посещении нас чужестранцами, уже издавна, как видите, стал невозможен, не

считая редких случаев, вроде того, что привел сюда вас. Что же касается второго способа, а именно, наших плаваний в чужие земли, то для этого должен я привести другую причину, ибо не могу (не греша против истины) сказать, что флот наш по части численности и прочности судов, искусства моряков и лоцманов и всего, относящегося до мореплавания, стал сколько-нибудь хуже, чем прежде. Отчего сделались мы домоседами, о том надлежит рассказать особо; а тем самым отвечу я и на главный ваш вопрос.

Около тысячи девятисот лет назад правил у нас король, которого память мы чтим более всех других — не как-либо суеверно, но потому, что в нем, хотя и смертном человеке, видим орудие божественного промысла. Имя его было Соламона, и он считается законодателем нашей страны. Государь этот обладал сердцем неистоимой доброты; и цель своей жизни полагал единственно в том, чтобы сделать страну и народ счастливыми. Видя, сколь богата наша земля и способна прокормиться без помощи чужеземцев, ибо имеет в окружности пять тысяч шестьсот миль и нередкость плодородную почву почти повсеместно; и сколько найдется дела нашим кораблям, как на рыбных промыслах, так и на перевозках из порта в порт или на небольшие острова, расположенные неподалеку от нас и принадлежащие нашему королевству; и сколь страна наша счастлива и благополучна; и сколько есть способов ухудшить это положение, тогда как едва ли найдется хоть один способ улучшить его — решил он, что для осуществления его благородной цели (насколько это доступно человеческому предвидению) требуется лишь увековечить столь счастливое состояние. Поэтому в число изданных им основных законов нашего королевства включил он запреты, касающиеся посещения нас чужеземцами, что в те времена (хотя это было уже после бедствия, постигшего Америку) случалось часто; ибо опасался новшеств и влияния чуждых нравов. Подобный закон о недопущении чужеземцев без особого разрешения с древних времен и донныне существует в Китае. Однако там это нечто жалкое. Наш же законодатель издал закон совсем иного рода. Ибо он прежде всего

сохранил принцип человеколюбия, предусмотрев оказание помощи чужестранцам, потерпевшим бедствие; в чем вы сами могли убедиться“. При этих словах все мы, как и подобало, встали и поклонились. Он же продолжал:

„Государь этот, стремясь сочетать благоразумие и гуманность, и полагая бесчеловечным удерживать чужестранцев против воли и неблагоразумным — допускать их возвращение на родину, где они разгласили бы тайну нашего местонахождения, постановил следующее: всем чужеземцам, получившим дозволение высадиться, в любое время разрешать возвращение, но всем, кто пожелал бы остаться, предлагать отличные условия и содержание на счет государства. В этом оказался он столь дальновиден, что за все века, прошедшие с тех пор, мы не помним, чтобы хоть один корабль от нас возвратился; и только тринадцать человек были, в разное время, доставлены на родину на наших судах. Что эти немногие могли рассказать по возвращении — я не знаю. Но все, что они рассказывали, должно было, как вы сами понимаете, показаться сном. Что касается наших путешествий в чужие края, то наш законодатель счел нужным запретить их совершенно. Не то мы видим в Китае, ибо китайцы разъезжают всюду, куда хотят или могут. Наш же запрет допускает лишь одно, и притом замечательное исключение, позволяющее извлечь всю возможную пользу из сношений с чужестранцами, но избежать вреда. Вот это-то я и открою вам сейчас. И здесь может показаться, что я несколько уклоняюсь от предмета; но скоро вы увидите, что все придется к стати. Знайте же, дорогие друзья, что в числе превосходных законов, введенных этим государем, особо выделяется один. Это было основание некоего Ордена, или Общества, называемого нами Дом Соломона — благороднейшего (по нашему мнению) учреждения на земле, служащего стране нашей путеводным светочем. Оно посвящено изучению творений господних. Некоторые считают, что в его названии имя основателя подверглось искажению и что правильней было бы называть его Дом Соламоны. Но именно так оно значится в летописях. И я полагаю, что оно названо в честь царя иудеев, прославленного у вас и

нам также небезизвестного. Ибо у нас имеются некоторые его сочинения, считающиеся у вас утерянными, а именно, его Естественная история, трактующая обо всех растениях, от кедра ливанского до иссопа, растущего из стены, и обо всем, чему при-суща жизнь и движение. Это заставляет меня думать, что государь наш, видя, что деятельность его во многом совпадает с деяниями иудейского царя (жившего за много лет до него), почтил его память этим названием. В этом мнении меня еще более утверждают древние летописи, иногда называющие Дом Соломона Коллегией шести дней творения; откуда очевидно, что достойный государь наш знал от иудеев о сотворении мира и всего в нем сущего в шесть дней и поэтому, учреждая Общество для познания истинной природы всех вещей (дабы прославить бога, создавшего их, а людей научить плодотворному пользованию ими), дал ему также и это второе название.

Но обратимся к главному предмету нашей беседы. Запретив своим подданным плавание во все края, не подвластные его короне, государь, однакож, постановил, чтобы каждые двенадцать лет из королевства нашего отплывало в разных направлениях два корабля; чтобы на каждом из них отправлялось по три члена Соломонова дома для ознакомления с делами тех стран, куда они направляются, в особенности с науками, искусствами, производствами и изобретениями всего мира, и для доставки нам всевозможных книг, инструментов и образцов; и чтобы привезшие их корабли возвращались, сами же они оставались в чужой земле до следующей такой поездки. Корабли эти грузятся провиантом и запасом золота, который остается у членов Соломонова дома для закупок и оплаты различных услуг по их усмотрению. Сообщать вам, каким образом наши матросы остаются неузнанными; и как те, кто высаживается на берег, выдают себя за представителей других наций; и куда именно ходили наши корабли; и какие порты определены им для дальнейших поездок — я не могу; да и вы навряд ли этого хотите. Но, как видите, мы ведем торговлю не ради золота, серебра или драгоценностей; не ради шелков,

пряностей или иных материальных ценностей; но единственно ради того, что создано господом раньше всех других вещей, т. е. света — чтобы обрести свет, в каком бы конце земли он ни забрезжил».

Сказав это, он умолк, и мы также некоторое время хранили молчание; ибо были изумлены правдивой повестью о вещах столь необычайных. Он же, заметив, что мы желаем нечто сказать, но еще к этому не готовы, с большой учтивостью вывел нас из затруднения, осведомившись о нашем плавании и приключениях; а затем добавил, что хорошо было бы нам решить, какой срок пребывания просить у правительства, и предложил не ограничивать себя чрезмерно, ибо он испросит любой нужный нам срок. При этом все мы встали и пытались поцеловать край его пелерины, но он этого не допустил и ушел. А мы, едва наши люди услышали, что государство предлагает обеспечение чужестранцам, которые пожелали бы остаться, лишь с превеликим трудом смогли заставить их привести в порядок корабль и удержали от немедленного обращения к управителю за этим обеспечением. Однако кое-как нам это удалось; ибо надо было прежде притти к согласному решению насчет дальнейшей нашей судьбы.

Теперь считали мы себя свободными, убедились, что нам не грозит окончательная гибель, и отлично проводили время, осматривая город и его окрестности в пределах дозволенного нам расстояния, а также заводя знакомство со многими лицами, отнюдь не простого звания, которые обходились с нами с такой добротой, непринужденностью и желанием обогреть чужестранцев на своей груди, что заставили нас позабыть все, что было нам дорого на родине. Непрерывно встречались мы со множеством вещей, достойных наблюдения и описания; ибо если есть в мире зеркало, достойное привлекать людские взоры, таким зеркалом является эта страна.

Однажды двое из нас были приглашены на так называемый Праздник семьи — обычай весьма почтенный, благочестивый и согласный с природою и выказывающий эту нацию с самой лучшей стороны. Вот как он празднуется. Праздновать его может всякий,

кто породит не менее тридцати живых детей и внуков, как только младший из них достигнет трехлетнего возраста; расходы же по устройству праздника берет на себя государство. За два дня до празднества отец семейства, называемый здесь тирсаном, приглашает к себе троих друзей по своему выбору; в приготовлениях ему помогает также правитель города или местности, где происходит празднество; и собираются все члены семьи обоего пола. Эти два дня тирсан проводит в совещаниях о благополучии семьи. Если оказываются между ее членами раздоры или тяжбы, их разбирают и улаживают. Если кто-либо из семьи впал в нищету или находится в тяжелом положении — изыскиваются средства помочь ему и обеспечить средства к существованию. Если кто предался пороку или повинен в дурных поступках, ему выносятся порицание и осуждение. Здесь же даются указания относительно браков, выбора подходящего занятия и другие подобные советы. При этом присутствует правитель, дабы своей властью подкреплять распоряжения тирсана, если кто-либо вздумает их ослушаться; однако надобность в этом бывает редко: настолько велико у них уважение к законам природы. Здесь же тирсан выбирает из числа своих сыновей одного, которому предстоит жить в его доме и носить звание Сына виноградной лозы. А откуда такое название, будет видно из дальнейшего.

В день празднества отец, или тирсан, после богослужения выходит в отведенный для празднования большой покой, в конце которого устроено возвышение. По середине возвышения ставится для него кресло, а перед ним — стол. Возвышение устилается ковром, а над креслом устраивается круглый или овальный балдахин из плюща; плющ у них несколько светлей нашего и напоминает листья серебристой осины; только больше блестит, ибо круглый год бывает зелен. Балдахин искусно убирается серебром и разноцветными шелками, которые переплетаются с плющом — это всегда бывает работой дочерей данной семьи — а сверху затягивается тонкой сеткой из шелка и серебра. Но основой его служит живой плющ, который друзья семьи разбирают потом по листочку на память.

Тирсан выходит со всем своим потомством, причем мужчины идут впереди его, а женщины позади; а если жива мать, породившая их всех, то справа от кресла, на хорах, отгораживают для нее особое помещение с дверью и застекленным окном с резной рамою, украшенным лазурью и золотом; там она сидит, невидимая присутствующим. Тирсан садится в кресло, а все семейство становится вдоль стены, позади его и по сторонам возвышения, по старшинству, но без различия пола; комната при этом всегда полна народа, но без всякой суматохи и шума; спустя минуту с противоположного конца появляется таратан (а по нашему вестник) и с ним два мальчика, из которых один несет свиток тамошнего желтого и блестящего пергамента, а другой — золотую виноградную гроздь на длинном стебле. Вестник и мальчики одеты в атласные мантии цвета морской воды; а у вестника мантия, сверх того, украшена золотыми полосами и шлейфом. Отвесив три поклона, вестник подходит к возвышению и тут только берет в руки свиток. Свиток этот содержит королевскую грамоту с перечислением пенсий, льгот, почестей и привилегий, даруемых отцу семейства, которого король в обращении всегда именуется „своим любезным другом и заимодавцем“; и это звание ни в каких других случаях не употребляется. Ибо здесь считают, что король не может ни перед кем быть в долгу, кроме человека, приумножающего число его подданных. Грамота скреплена золотой чеканной печатью с изображением особы короля; и хотя такая грамота непременно полагается в каждом таком случае, кое-что может в ней меняться соответственно численности и достоинству семейства. Эту грамоту вестник читает вслух, а тирсан выслушивает стоя, поддерживаемый двумя из своих сыновей. После этого вестник подымается на возвышение и вручает ему грамоту, а все присутствующие приветствуют это восклицаниями на их языке, означенными: „счастлив народ Бенсалема!“. Затем вестник берет из рук второго мальчика виноградную гроздь, которая сделана целиком из золота — как стебель, так и ягоды. Ягоды красиво отделаны эмалью; если в семье преобладают мужчины, то эмаль бывает пурпурной, а сверху грозди укреплено маленькое солнце;

если дочери — то желто-зеленой, а гроздь увенчана изображением полумесяца. Число ягод в грозди соответствует числу потомства. Эту гроздь вестник также вручает тирсану, который тут же передает ее тому из сыновей, кого избрал он жить при себе, и тот всегда потом, в торжественных случаях, носит ее впереди отца, почему и называется Сыном виноградной лозы. По окончании этой церемонии тирсан удаляется, а спустя некоторое время выходит к обеду, в продолжение которого он, как и ранее, сидит один под балдахином, и никто из потомков его не садится с ним, каково бы ни было его звание и положение, если только это не член Соломонова дома. За столом прислуживают отцу только дети мужского пола, которые каждый раз преклоняют перед ним колена; а женщины стоят вдоль стены. Пониже возвышения накрыты столы для приглашенных, где все подается с большой торжественностью; а в конце обеда (пиршества у них никогда не длятся более полутора часов) исполняется гимн, который бывает различным, смотря по искусности сочинителя (поэты здесь превосходные), но темой своей неизменно имеет восхваление Адама, Ноя и Авраама, из коих первые два населили мир, а третий был отцом верующих; а в заключение всегда поется хвала рождеству спасителя, рождением своим искупившего грехи всех рожденных.

По окончании трапезы тирсан вновь удаляется, и после некоторого времени, проводимого в уединении и молитве, появляется в третий раз, чтобы благословить свое потомство, которое, как и вначале, стоит вокруг него. Он вызывает их одного за другим поименно, в любом угодном ему порядке, но обычно по старшинству. Названный преклоняет колена перед креслом (стол к тому времени убирается), а глава семьи возлагает ему руку на голову, произнося следующее благословение: „Сын Бенсалема (или дочь Бенсалема), так говорит отец твой, даровавший тебе дыхание жизни: да будет на тебе благословение вечного отца, князя мира и святого духа, а дни странствия твоего да будут долгими и счастливыми“. Так говорит он каждому из них. А после того, если окажутся среди его сыновей люди выдающихся заслуг

и достоинств (но не более двух), он призывает их вновь и, обняв за плечи, произносит: „Дети, благо, что вы родились; восхвалите господа и не сходите с доброго пути“. С этими словами вручает он каждому из них драгоценное украшение в виде пшеничного колоса, которое они всегда потом носят на своей чалме или шляпе. Затем начинаются музыка, танцы и иные принятые у них развлечения, и так проходит весь день. Таков порядок этого празднества.

Не прошло шести или семи дней, как я завязал короткое знакомство с одним тамошним купцом по имени Иоабин. Он был евреем и был обрезан; ибо здесь сохранилось несколько еврейских родов, которым предоставляют исповедовать свою веру, с тем бóльшим основанием, что евреи эти весьма отличаются от евреев, населяющих другие страны. Тогда как те ненавидят имя христово и таят про себя злобу на народы, среди которых живут, тамошние евреи, напротив, весьма почитают спасителя и исполнены любви к народу Бенсалема. Купец, о котором я говорю, признавал, что Христос рожден девою и не был обыкновенным человеком; он говорил, что господь сделал его повелителем серафимов, охраняющих его престол. А еще они называют Христа млечным путем, Илией Мессии и многими другими возвышенными именами, которые, хотя и недостойны его божественного величия, но их речи сильно отличаются от речей других евреев.

Что касается страны Бенсалема, то человек этот не уставал превозносить ее и, по традиции тамошних евреев, утверждал, что местные жители происходят из колена аврамова, от другого брата его, называемого ими Нахор; и что нынешние законы Бенсалема происходят от тайных законов, начертанных Моисеем в Каббале; и что когда придет Мессия и воссядет на свой престол в Иерусалиме, король Бенсалема будет сидеть у ног его, тогда как все другие государи станут поодаль. Но если отбросить все эти иудейские бредни, приятель мой был человеком мудрым, ученым, проникательным и весьма сведущим в обычаях и законах страны.

Во время наших бесед я однажды сказал ему, что был весьма поражен рассказом некоторых членов нашего экипажа о Праз-

днике семьи; ибо, как мне казалось, никогда еще не слышал о празднестве, на котором была бы так почтена природа; а поскольку семья ведет начало от брачного союза, то я пожелал узнать их обычаи и законы, касающиеся брака, и строго ли блюдут они брачные обеты, и держатся ли единобрачия; ибо где так заботятся об увеличении населения как у них, там обычно дозволено многоженство. На это он сказал: „Ты недаром хвалишь превосходное установление, называемое Праздником семьи. Мы по опыту знаем, что семьи, справившие этот благословенный праздник, впоследствии необычайно процветают. Но слушай, и я поведаю тебе все, что знаю. Тогда поймешь ты, что нет на земле народа столь целомудренного, как бенсалемицы, и столь чуждого всякой скверны. Это поистине девственница мира. Помнится, читал я в одной из ваших европейских книг, как один святой отшельник пожелал увидеть дух блудодеяния. И тотчас предстал перед ним маленький уродливый эфиоп. Пожелай он увидеть дух бенсалемицкого целомудрия, и тот явился бы в образе светлого херувима. Ибо нет среди смертных ничего более прекрасного, чем целомудрие этого народа. Знай же, что нет у них ни публичных домов, ни блудниц, и ничего на это похожего. Они изумлены (а также и возмущены) тем, что вы, европейцы, терпите у себя подобные вещи. Они говорят, что вы лишили брак его смысла; ибо брак ведь призван быть средством против недозволенных вожделений; а вожделение естественное должно быть к нему побуждением. Но где люди имеют под рукой средство, более приятное для их извращенной похоти, там брак почти упраздняется. Вот почему можно видеть у вас бесчисленное множество мужчин, которые не женятся, но предпочитают брачным узам развратную холостую жизнь. А из тех, кто женится, многие женятся поздно, когда пора их расцвета уже миновала. Да и что для них брак, как не сделка, в которой ищут выгодных связей, приданого или высокого положения; или разве еще продолжения рода (и то без большой охоты). Сколь непохоже это на брачный союз, как он был установлен изначала! Невозможно также, чтобы расточив столь постыдным образом лучшие свои силы, они так дорожили детьми (этой частью

нас самих), как это бывает у людей целомудренных. Да и так ли уж они остепеняются после брака, как можно было бы ожидать, если бы все это зло допускалось лишь по необходимости? Отнюдь нет; ибо оно и после того остается прямым поруганием брака. Посещение вертепов разврата и блудниц столь же безнаказанно для женатых, как для холостяков. Извращенная склонность к переменам и пристрастие к ласкам блудниц (превращающих грех в искусство) отбивают всякий вкус к браку и делают из него некую повинность. Мы слышали, что вы защищаете все это в качестве меньшего зла, во избежание прелюбодеяний, обещания девушкам, противоестественных пороков и тому подобного. Но здесь эти предосторожности считают нелепыми и называют щедростью Лота, который, желая избавить своих гостей от бесчестия, предложил своих дочерей. К тому же, по нашему мнению, от всего этого мало проку; ибо названные пороки и вожделения сохраняются в изобилии. Ведь недозволенная похоть подобна печи, где стóит закрыть выход пламени, как оно затухает; а стоит дать ему волю, начинает бушевать. Что касается любви между мужчинами, этого у них нет и в помине. А между тем нигде не найти такой верной и нерушимой дружбы. Словом, как я уже говорил, нигде нет такого целомудрия, как в этом народе. Они любят говорить, что лишившийся целомудрия лишается и уважения к себе. А уважение к себе считается у них наиболее могущественным, после религии, средством обуздания пороков“.

Окончив свою речь, почтенный еврей умолк. И тут я, предпочитая слушать его, а не говорить, но считая, однакож, неучтивым хранить полное молчание, промолвил только, что — как сарептская вдова пророку Или — готов сказать, что он напомнил нам о прегрешениях наших, и признаю бóльшую праведность Бенсалема в сравнении с Европою. На это он ответил наклоением головы и продолжал следующим образом:

„Имеется у них и множество мудрых и превосходных законов, касающихся брака. Многоженство не допускается. Есть также закон, не позволяющий вступать в брак или обручаться ранее, чем через месяц после первой встречи брачующихся. Брак без

согласия родителей хотя и признается, но карается особым законом о наследстве. Ибо дети от таких браков не могут наследовать более трети родительского имущества. Читал я в одной вашей книге, описывающей некое воображаемое государство⁸, что там вступающим в брак разрешается предварительно видеть друг друга нагими. Этому здешние жители не одобряют; ибо считают оскорбительным отвергнуть кого-либо после столь близкого общения. Но из-за наличия у мужчин и женщин многих тайных телесных изъянов прибегают они к более учтивому способу, устраивая вблизи каждого города по два водоема, называемых водоемами Адама и Евы — где одному из друзей жениха, а также одному из друзей невесты дозволено видеть их, порознь, нагими во время купанья“.

Пока мы таким образом беседовали, явился некий человек, как видно, посланец, в богатом плаще с капюшоном, и что-то сказал еврею. А тот, обернувшись ко мне, произнес: „Прости меня, ибо меня вызывают весьма поспешно“.

На следующее утро он вновь пришел ко мне с радостным видом и сказал: „Правитель города получил известие, что один из отцов Соломонова дома прибудет через неделю. Вот уж двенадцать лет как мы никого из них не видали. Возвращение его будет обставлено особой торжественностью, но причина возвращения хранится в тайне. Я добуду тебе и твоим спутникам хорошие места, откуда можно будет видеть его въезд“. Я поблагодарил его и выразил радость по поводу этого известия.

В назначенный день состоялся въезд. Прибывший был человек среднего роста и возраста, благообразного вида, с лицом, на котором написано было человеколюбие. На нем было облачение из превосходного черного сукна с широкими рукавами и капюшоном. Нижнее платье из отличного белого полотна доходило ему до лодыжек и было подпоясано кушаком из той же материи; из нее же был и воротник. На нем были искусно сделанные перчатки, шитые драгоценными камнями, и бархатные башмаки персикового цвета. Шея его была открыта. Головной убор его имел форму шлема или испанской монтеры; из-под него красиво выби-

вались каштановые кудри. Борода была округленно подстрижена и несколько светлее волос. Его везли в богатой повозке без колес, наподобие носилок, с двумя лошадьми с каждой стороны, в роскошно расшитой сбруе синего бархата; в сопровождении двух скороходов, одетых в те же цвета. Повозка была сделана из кедрового дерева, украшенного позолотой и хрусталем; в передок ее были вделаны плиты из сапфиров в золотой оправе, а позади — такие же плиты из изумрудов перуанского цвета. Наверху ее украшало золотое солнце, а впереди — маленький золотой херувим с распростертыми крыльями. Изнутри повозка была обита синею с золотом парчей. Впереди шло пятьдесят юношей в широких кафтанах белого атласа, доходивших до икр; в белых шелковых чулках; в башмаках из синего бархата и таких же бархатных шляпах, убранных вокруг тульи красивыми разноцветными перьями. За ними, также впереди повозки, шли два человека с обнаженными головами, в длинных полотняных одеждах, подвязанных поясами, и в синих бархатных башмаках; из коих один нес епископский посох, а другой — пастушеский, но не металлические, а деревянные: первый из бальзамового дерева, второй — из кедра. Конной свиты не было ни впереди, ни позади повозки; как видно, во избежание всякого шума и замешательства. За повозкой вослед шли главные должностные лица города и старшины городских цехов. Прибывший восседал один на роскошных подушках, крытых синим плюшем. Под ноги ему были постланы пестрые шелковые ковры, наподобие персидских, только много лучше. Правую, обнаженную руку он простирает вперед, как бы благословляя народ, но в полном молчании. На улицах всюду соблюдался образцовый порядок; ни одна армия так не держит строй, как стояли здесь люди; и даже зрители в окнах не толпились, а как бы занимали отведенные им места. Когда процессия удалилась, еврей сказал мне: „Сейчас я не смогу проводить с тобой столько времени, сколько хотел бы, из-за некоторых обязанностей, возложенных на меня городом в связи с приемом этого славного мужа“. Спустя три дня еврей явился вновь и сказал: „Счастливы вы; ибо отец Соломонова дома, узнав о вашем пребывании здесь, приказал

передать, что примет вас всех и побеседует с одним из вас, по вашему выбору. Для этого назначил он послезавтрашний день, а желая дать вам свое благословение, выбрал утренние часы“.

В назначенный день и час мы явились; причем для беседы с глазу на глаз спутники мои избрали меня. Мы застали отца Соломонова дома в богатом покое, убранном коврами и драпировками, но без тронного возвышения. Он сидел в низком кресле, богато украшенном и осененном балдахинном из синего расшитого бархата. С ним не было никого, кроме двух пажей в красивых белых одеждах, стоявших по обе стороны кресла. Нижнее платье его было таким же, как и при въезде; но поверх него была теперь надета мантия с пелериной из того же черного сукна. Войдя, мы низко ему поклонились, как были научены, а когда приблизились, он встал, протягивая правую руку без перчатки, как бы для благословения. Тут все мы склонились и поцеловали край его мантии. После этого все, кроме меня, удалились. Он выслал пажей из комнаты, велел мне сесть рядом с собой и обратился ко мне по-испански со следующими словами: „Благослови тебя господь, сын мой; я подарю тебе величайшую из драгоценностей, какими владею; ибо открою тебе, во имя любви к богу и людям, истинный устав Соломонова дома. А для этого, сын мой, я буду держаться следующего порядка. Прежде всего изложу цель, ради которой он был основан; во-вторых, опишу сооружения и приборы, какими располагаем мы для наших работ; в-третьих, расскажу о разделении труда и обязанностей между членами Дома; и, наконец, — о наших обычаях и порядках.

Целью нашего общества является познание причин и скрытых сил всех вещей; и расширение власти человека над природою, покуда все не станет для него возможным.

Для этого располагаем мы следующими сооружениями: есть у нас обширные и глубокие рудники различной глубины; наиболее глубокие достигают 600 морских сажень; а некоторые вырыты под высокими холмами и горами; так что если сложить вместе вышину холма и глубину рудника, то некоторые из них достигают в глубину трех миль. Ибо мы полагаем, что внутренность

горы, считая до поверхности земли, и глубина рудника, считая также от земной поверхности, в сущности одно и то же; ибо они равно лишены солнечных лучей и доступа воздуха. Эти рудники называются у нас нижнею сферой и применяются для всякого рода сгущения, замораживания и сохранения тел. Мы пользуемся ими также для воссоздания природных рудников и для получения новых, искусственных металлов из составов, которые закладываем туда на многие годы. Иногда (пусть не покажется это странным) мы пользуемся ими для лечения некоторых болезней и для prolongation жизни отшельников, которые соглашаются поселиться там, снабженные всем необходимым, и живут, действительно, очень долго; так что мы многому от них научились.

Применяем мы также захоронение в различных почвах всякого рода составов, как это делают китайцы со своим фарфором. Только у нас составы эти более разнообразны, а некоторые сорта их более тонки. Нам известны также различные способы изготовлять перегной и сложные удобрения, делающие почву более плодородной.

Есть у нас высокие башни; самые высокие из них достигают полумили, а некоторые выстроены на высоких горах; так что если прибавить еще и высоту горы, то в самой высокой из башен будет не менее трех миль. Эти места называем мы верхнею сферой, а то, что находится посередине — среднею сферой. Эти башни служат нам, сообразно с их высотой и расположением, для прокаливания на солнце, для охлаждения или для сохранения тел, равно как и для наблюдений над явлениями природы, как-то: над ветрами, дождем, снегом, градом, а также некоторыми огненными метеорами. В некоторых из этих башен обитают отшельники, которых мы по временам навещаем, чтобы поручить то или иное наблюдение.

Есть у нас обширные озера, как соленые, так и пресные, служащие для разведения рыбы и водяной птицы, а также для погружения некоторых тел; ибо мы обнаружили, что тела сохраняются различно, смотря по тому, погребены ли они в земле, хранятся в подземелье, или же погружены в воду. Есть у нас

также водоемы, где мы получаем пресную воду из соленой или, наоборот, соленую из пресной. Есть скалы посреди моря и заливы, вдающиеся в сушу, предназначенные для некоторых работ требующих морского воздуха и испарений. Есть также бурные потоки и водопады, служащие для получения многих видов движения, и всякого рода двигатели для увеличения силы ветра, также обращаемой нами в различного рода движение.

Немало у нас искусственных колодцев и источников, подражающих природным и содержащих примеси купороса, серы, железа, меди, свинца, селитры и других веществ. Есть также особые небольшие водоемы для получения настоев, где вода приобретает желаемые свойства быстрее, чем в сосудах. И среди них один, называемый райским источником; ибо мы придали ему могучие свойства, способствующие сохранению здоровья и продолжению жизни.

Есть у нас обширные помещения, где мы искусственно вызываем и показываем различные явления природы, как-то: снег, дождь, искусственный дождь из различных твердых тел, гром, молнию, а также зарождение из воздуха живых существ: лягушек, мух и некоторых других.

Есть у нас особые комнаты, называемые комнатами здоровья, где мы наделяем воздух теми свойствами, которые считаем целебными при различных болезнях и для сохранения здоровья. Есть у нас просторные купели, наполненные различными лекарственными составами для излечения болезней и предохранения человеческого тела от высыхания, и еще другие составы для укрепления мускулов, важнейших органов и самой жизненной субстанции.

Есть у нас обширные и разнообразные сады и огороды, в которых мы стремимся не столько к красоте, сколько к разнообразию почв, благоприятных для различных деревьев и трав. В некоторых из садов, наиболее обширных, мы сажаем разные деревья и ягодные кусты, служащие для приготовления напитков; и это не считая виноградников. Там производим мы также опыты различных прививок как над дикими, так и над фруктовыми

деревьями, дающие разнообразные результаты. Там заставляем мы деревья цвести раньше или позднее положенного времени, вырастать и плодоносить скорее, нежели это наблюдается в природных условиях. С помощью науки мы достигаем того, что они становятся много пышней, чем были от природы, а плоды их — крупнее и слаще, иного вкуса, аромата, цвета и формы, нежели природные. А многим из них придаем целебные свойства.

Нам известны способы выращивать различные растения без семян, одним только смещением почв, а также способы выводить новые виды растений, отличные от существующих, и превращать одно дерево или растение в другое.

Есть у нас всевозможные парки и заповедники для животных и птиц, которые нужны нам не ради одной лишь красоты или редкости, но также для вскрытий и опытов; дабы знать, что можно проделать над телом человека. При этом нами сделано множество необычайных открытий, как, например, сохранение жизнеспособности после того, как погибли и были удалены органы, которые вы считаете жизненно важными; оживление животных после того, как, по всем признакам, наступила смерть, и тому подобное. На них испытываем мы яды и иные средства, хирургические и лечебные. С помощью науки делаем мы некоторые виды животных крупней, чем положено их породе, или, напротив, превращаем в карликов, задерживая их рост; делаем их плодовитее, чем свойственно им от природы, или, напротив, бесплодными; а также всячески разнообразим их природный цвет, нрав и строение тела. Нам известны способы случать различные виды, отчего получилось много новых пород, и притом не бесплодных, как принято думать. Из гнили выводим мы различные породы змей, мух и рыб, а из них некоторые преобразуем затем в более высокие виды живых существ, каковы звери и птицы; они различаются по полу и производят потомство. И это получается у нас не случайно, ибо мы знаем заранее, из каких веществ и соединений какое создание зародится.

Есть у нас особые водоемы, где подобные же опыты производятся над рыбами. Есть у нас особые места для разведения

червей и бабочек, имеющих какие-либо полезные свойства, вроде ваших пчел или шелковичных червей.

Не буду утруждать твоего слуха перечислением наших пивоварен, пекарен и кухонь, где приготавливаются различные напитки, хлебы и кушанья, имеющие особые свойства. Вино выделяем мы из винограда, а напитки из фруктовых соков, зерна и кореньев; а также из смесей и настоек меда, сахара, манны и сухих фруктов, или из древесных соков и сердцевины тростника. Напитки эти выдерживаются — иные до сорока лет. Есть у нас также целебные напитки из трав, кореньев и пряностей, куда добавляют иной раз белого мяса; причем некоторые из них могут служить одновременно и питьем и пищею; так что немало людей, особенно в преклонных летах, питаются ими, почти или вовсе не употребляя мяса и хлеба. Особенно стараемся мы изготовлять напитки из мельчайших частиц, которые проникали бы в тело, но при этом не были бы на вкус едкими и раздражающими, и уже получаем такие, что, будучи вылиты на тыльную сторону руки, вскоре просачиваются до ладони, вкус же имеют приятный. Есть у нас воды, которым мы умеем придавать питательные свойства и превращать в отличные напитки; так что многие предпочитают их всем прочим. Хлеб печем мы из различного зерна, кореньев и орехов, а иногда из сушеного мяса или рыбы, с большим разнообразием заквасок и приправ; так что некоторые сорта его служат для возбуждения аппетита, а другие настолько питательны, что многие ничего кроме них не употребляют и живут, однакоже, очень долго. Также и мясо подвергается у нас такой обработке, измельчению и разжижению — без всякого, однако, ущерба для его свежести — что даже слабый жар больного желудка превращает их в полноценный млечный сок с такой же легкостью, с какой обычное мясо переваривается здоровым желудком. Есть у нас сорта мяса и другой пищи, прием которой позволяет затем человеку вынести длительное голодание, и есть другие, от которых мышцы становятся заметно плотней и тверже, и силы прибывают необычайно.

Есть у нас аптеки. И коль скоро имеется у нас такое разнообразие растений и животных, большее, нежели у вас, европейцев (ибо все ваши породы нам известны), то и лекарственных трав и других веществ должно быть соответственно больше. Некоторые из них мы выдерживаем и подвергаем длительному брожению. Что касается приготовляемых из них лекарств, то нам известны не только многие совершенные способы перегонки и выделения — чаще всего посредством равномерного нагревания и процеживания сквозь различные фильтры, иногда весьма плотные — но также и точные формулы соединений, благодаря которым из множества составных частей получаем как бы природное вещество.

Есть у нас различные производства, неизвестные вам, и немало изделий, как-то: бумага различных сортов; льняные, шелковые и другие ткани; нежные ткани из пуха с удивительными переливами; отличные краски и многое другое. И есть мастерские как для изделий, вошедших в общее употребление, так и для редкостных. Ибо из перечисленного мною многое распространилось уже по всей стране, но если что было изобретено нами, то остается у нас в качестве образца.

Есть у нас различного устройства печи, дающие и сохраняющие самую различную температуру: с быстрым нагревом; с сильным и постоянным жаром; со слабым и равномерным нагревом; раздуваемые мехами; с сухим или влажным жаром и тому подобное. Но важнее всего то, что мы воспроизводим жар солнца и других небесных светил, который подвергаем различным изменениям, проводя через циклы, усиливая или уменьшая и тем достигая удивительных результатов. Мы воспроизводим также теплоту навоза, чрева животных и их пасти; теплоту их крови и тела; теплоту сена и трав, когда их сгребли влажными; теплоту негашеной извести, и другие. Есть у нас также приборы, порождающие теплоту одним лишь своим движением. Есть особые места для сильного прокаливания на солнце, а также подземные помещения, где поддерживается естественное или искусственное тепло. Этими различными видами тепла мы пользуемся смотря по тому, какую производим работу.

Есть у нас дома́ света, где производятся опыты со всякого рода светом и излучением, и со всевозможными цветами, и где из тел бесцветных и прозрачных мы извлекаем различные цвета (не в виде радуги, как мы это видим в драгоценных камнях и призмах), но по отдельности. Мы умеем также усиливать свет, который передаем на большие расстояния и можем делать столь ярким, что при нем различимы мельчайшие точки и линии. Здесь же производим мы опыты с окрашиванием света, со всевозможными обманами зрения в отношении формы, величины, движения и цвета, со всякого рода теневыми изображениями.

Мы открыли также различные, еще не известные вам, способы получать свет из различных тел. Мы нашли способы видеть предметы на большом расстоянии, как, например, на небе и в отдаленных местах; близкие предметы мы умеем представить отдаленными, а отдаленные — близкими, и можем искусственно создавать впечатление любого расстояния. Есть у нас зрительные приборы, значительно превосходящие ваши очки и подзорные трубы. Есть стекла и приборы, позволяющие отчетливо рассмотреть мельчайшие предметы — как, например, форму и окраску мошек, червей, зерен, или изъяны в драгоценных камнях, которые иначе не удалось бы обнаружить — и найти в крови и моче вещества, также невидимые иным способом.

Мы искусственно получаем радугу, сияния и ореолы вокруг источников света. А также воспроизводим явления отражения, преломления и усиления видимых лучей.

Есть у нас всевозможные драгоценные камни, из коих многие отличаются дивной красотой и вам неизвестны; а также хрусталь и разного рода стекло, которое мы получаем не только из известных вам веществ, но также из металлов, приведенных в стеклообразное состояние. Есть немало неизвестных вам ископаемых и низших минералов, магниты огромной мощи и другие редкие камни, как природные, так и искусственные.

Есть у нас дома́ звука для опытов со всевозможными звуками и получения их. Нам известны неведомые вам гармонии, создаваемые четвертями тонов и еще меньшими интервалами, и

различные музыкальные инструменты, также вам неизвестные и зачастую звучащие более приятно, чем любой из ваших; есть у нас колокола и колокольчики с самым приятным звуком. Слабый звук мы умеем делать сильным и густым, а густой — ослабленным или пронзительным; и можем заставить дрожать и тремолить звук, который зарождается цельным. Мы воспроизводим все звуки речи и голоса всех птиц и зверей. Есть у нас приборы, которые, будучи приложены к уху, весьма улучшают слух. Есть также различные диковинные искусственные эхо, которые повторяют звук многократно и как бы отбрасывают его, или же повторяют его громче, чем он был издан, выше или ниже тоном; а то еще заменяющие один звук другим. Нам известны также способы передавать звуки по трубам различных форм и на разные расстояния.

Есть у нас дома ароматов, где производятся опыты также и над вкусовыми ощущениями. Мы умеем, как это ни странно, усиливать запахи, умеем искусственно их создавать и заставлять все вещества издавать иной запах, чем свойственно им от природы. Мы умеем также подражать вкусу различных веществ, так что эти подделки способны обмануть кого угодно. Тут же имеется у нас кондитерская, где изготавливаются всевозможные свежие и сухие сладости, а также различные сладкие вина, молочные напитки, бульоны и салаты, куда более разнообразные, чем у вас.

Есть у нас дома механики, где изготавливаются машины и приборы для всех видов движения. Там получаем мы более быстрое движение, чем, например, полет мушкетной пули или что-либо другое, известное вам; а также учимся получать движение с большей легкостью и с меньшей затратой энергии, усиливая его при помощи колес и других способов — и получать его более мощным, чем это умеете вы, даже с помощью самых больших ваших пушек и василисков. Мы производим артиллерийские орудия и всевозможные военные машины; новые сорта пороха; греческий огонь, горящий в воде и неугасимый; а также фейерверки всех видов, как для развлечения, так и для других целей. Мы подражаем также полету птиц и знаем несколько принципов полета. Есть у нас суда и лодки для плавания под водой и такие, которые

выдерживают бурю; есть плавательные пояса и другие приспособления, помогающие держаться на воде. Есть различные сложные механизмы, часовые и иные, а также приборы, основанные на вечном движении. Мы подражаем движениям живых существ, изготовляя для этого модели людей, животных, птиц, рыб и змей. Кроме того, нам известны и другие виды движения, удивительные по равномерности и точности.

Есть у нас математическая палата, где собраны всевозможные инструменты, как геометрические, так и астрономические, изготовленные с большим совершенством.

Есть у нас особые дома, где исследуются обманы органов чувств. Здесь показываем мы всякого рода фокусы, обманы зрения и иллюзии и тут же разъясняем их обманчивость. Ибо вам должно быть очевидно, что, открыв столько естественных явлений, вызывающих изумление, мы могли бы также бесчисленными способами обманывать органы чувств — стоит лишь облечь эти явления тайной и представить в виде чудес. Но нам настолько ненавистны всякий обман и надувательство, что всем членам нашего Общества, под угрозой штрафа и бесчестья, запрещено показывать какое-либо природное явление приукрашенным или преувеличенным; а только в чистом виде, без всякой таинственности.

Таковы, сын мой, богатства Соломонова дома.

Что касается различных обязанностей и занятий членов нашего Дома, то они распределяются следующим образом: двенадцать из нас отправляются в чужие земли, выдавая себя за представителей других наций (ибо существование нашей страны мы храним в тайне), и привозят нам книги, материалы и описания опытов из всех стран. Их называем мы торговцами светом.

Трое из нас извлекают материал для опытов, содержащийся в книгах. Их называем мы похитителями.

Трое других собирают опыт всех механических наук, равно как и всех свободных искусств и тех практических знаний, которые не вошли в науку. Их мы называем охотниками за секретами.

Еще трое производят новые опыты, по собственному усмотрению. Их называем мы пионерами, или изыскателями.

Еще трое заносят результаты опытов всех названных четырех категорий в таблицы и сводки для более удобного извлечения из них общих наблюдений и законов. Их называем мы компиляторами.

Еще трое занимаются изучением опытов своих товарищей ради изобретений, которые могут быть полезны в обиходе, а также всего пригодного для дальнейших работ или для учебного объяснения причин явлений и наиболее легкого усвоения состава и свойств различных тел. Их называем мы дарителями, или благодетелями.

А после того как указанные работы подвергнутся обсуждению на общих совещаниях членов нашего Дома, трое других составляют на их основе указания для новых опытов, более высокого порядка и глубже проникающих в природу, нежели предыдущие. Их называем мы светочами.

Еще трое осуществляют эти новые опыты и дают о них отчет. Их называем мы прививателями.

И, наконец, еще трое возводят все добытые опытом открытия в общие наблюдения, законы и принципы. Их называем мы истолкователями природы.

Есть у нас также, как ты понимаешь, новопосвященные и ученики, дабы не прекращалась преемственность в работе, не считая многочисленных слуг и подручных обоюбого пола. И вот что еще мы делаем: на наших совещаниях мы решаем, какие из наших изобретений и открытий должны быть обнародованы, а какие нет. И все мы даем клятвенное обязательство хранить в тайне те, которые решено не обнародовать; хотя из этих последних мы некоторые сообщаем государству, а некоторые — нет.

Обратимся теперь к нашим обычаям и обрядам. Есть у нас две просторные и красивые галереи; в одной из них выставлены образцы всех наиболее ценных и замечательных изобретений; в другой — скульптурные изображения всех великих изобретателей. Среди них находится статуя вашего Колумба, открывшего Вест-Индию; а также первого кораблестроителя; монаха, изобретшего огнестрельное оружие и порох; изобретателя музыки; изобретателя письменности; изобретателя книгопечатания; изобретателя астрономических наблюдений; изобретателя обработки

Essays. 1597. 8vo.

Essayes.

Religious Meditations.

Places of perswasion and
disswasion.

Seene and allowed.

AT LONDON,
Printed for Humfrey Hooper, and are
to be sold at the blacke Beare
in Chauncery Lane.

1597.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ „ОПЫТОВ“

Первое английское издание 1597 г.

металлов; изобретателя стекла; изобретателя культуры шелка; первого винодела; первого хлебопашца и первого, кто начал добывать сахар. Все они известны нам более достоверно, нежели вам. Кроме того, у нас немало и своих отличных изобретателей. Но поскольку ты не видел этих изобретений, описывать их было бы чересчур долго; к тому же по описанию ты можешь составить о них ошибочное суждение. За каждое ценное изобретение мы воздвигаем автору статую и присуждаем щедрое и почетное вознаграждение. Статуи делаются иногда из меди, из мрамора и яшмы, из кедрового или другого ценного дерева, позолоченного и изукрашенного, из железа, из серебра, а иногда и из золота.

Есть у нас особые гимны и ежедневные литургии для восхваления господина и благодарения за чудесные его творения, и особые молитвы о содействии нашим трудам и обращении их на цели благие и благочестивые.

И, наконец, есть у нас обычай посещать главные города нашего королевства, где мы оглашаем те новые полезные открытия, какие находим нужным. А также предсказываем — сопровождая это естественными объяснениями — повальные болезни, моровую язву, нашествия саранчи, недороды, грозы, землетрясения, наводнения, кометы, погоду и тому подобное, и даем жителям советы относительно предупреждения стихийных бедствий и борьбы с ними“.

Окончив свою речь, он встал, а я, как мне было указано, преклонил колени; после чего он возложил правую руку мне на голову и произнес: „Да благословит тебя господь, сын мой; и да благословит он мое повествование. Дозволяю тебе огласить его на благо другим народам. Ибо мы находимся здесь в лоне господнем и живем никому неведомые“. С этим он оставил меня, пожаловав мне и моим спутникам около двух тысяч дукатов. Ибо члены Соломонова дома раздают щедрые дары всюду, куда прибывают.

[На этом рукопись обрывается].

ОПЫТЫ И НАСТАВЛЕНИЯ НРАВСТВЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ

ПОСВЯЩЕНИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ „ОПЫТОВ“
1597 г.

М-ру Антони Бэкону

Любезный брат мой! Я поступаю ныне подобно тем владельцам садов, которые, имея плохих соседей, собирают плоды прежде чем они созреют, опасаясь, чтобы их не разворовали. Эти плоды моих размышлений готовы были выйти в свет. Задержать их выход было бы хлопотно и могло подать повод к толкам; пустить их на волю судеб значило бы подвергнуть их опасности искажения или приукрашения, как вздумалось бы любому их издателю.

Вот почему я почел за лучшее издать их самому так, как они некогда вышли из-под моего пера, что не грозит никакими неприятностями, разве что автора их упрекнут в слабости. Я всегда был того мнения, что изъятие своих произведений из обращения (за исключением особых случаев) может быть поступком столь же тщеславным, как и навязывание их читателю.

Так что я в этом случае сам явился себе цензором и не нашел их ни в чем противными религии или же вредными для нравов, но скорее, как кажется мне, целительными.

Единственно почему я выпускаю их неохотно, это потому, что они будут подобны нашим новым полупенсовым монетам: серебро в них полноценно, но монеты очень уж мелки.

Но раз уж они не остались со своим создателем, а хотят гулять по свету, я и представляю их тебе, как ближайшему мне по крови, посвящая их, каковы они есть, нашей любви; а она во мне

такова (уверяю тебя), что я иной раз желаю себе твои недуги, дабы ум твой, столь деятельный и сильный, мог служить ее величеству, а я имел возможность посвятить себя всецело созерцанию и занятиям, для которых всего более гожусь. Препоручаю тебя всевышнему. Писано в моей адвокатской конторе на Graies Inne, 30 января 1597 года.

Любящий тебя брат Фрэнсис Бэкон.

ПОСВЯЩЕНИЕ К ИЗДАНИЮ „ОПЫТОВ“
1612 г.

*Генриху, принцу Уэльскому, герцогу Корнуэльскому
и эрлу Честерскому*

Ваше высочество!

Разделив жизнь свою на две части — созерцательную и деятельную — я желал бы преподнести ее величеству и вашему высочеству скромные плоды обеих этих частей. обстоятельные трактаты требуют досуга пишущего, равно как и досуга читателя; между тем как ваше высочество заняты своими королевскими делами, а я — постоянной службою. Это и вынудило меня избрать иной род: кратких очерков, примечательных скорее содержанием, нежели тщательностью отделки, которые я назвал «Опытами». Слово это новое, сама же вещь отнюдь не нова. Ибо послания Сенеки к Луцилию, если хорошенько в них разобраться, — не что иное как «Опыты», то-есть отрывочные размышления, хотя и облеченные в форму посланий. Я знаю, что эти мои труды недостойны вашего высочества; ибо что может быть вас достойно? Но я питаю надежду, что они, как малая толика соли, возбудят в вас аппетит, не насыщая. И хотя они касаются вещей, наиболее обычных и в жизни людей, и в их сочинениях (чего удалось мне достичь, я не знаю), однако я старался избегать в них пошлости и черпать больше из опыта, нежели из книг; так что они не являются ни повторением, ни пустыми вымыслами. Как бы то ни было, я смиренно прошу ваше высочество благосклонно принять их и заключить отсюда, что если я так стремлюсь доказать свою преданность вашему высочеству по собственному своему почину, то тем более готов я служить исполнению приказаний ваших.

Желая вашему высочеству всех благ вашего высокого сана, остаюсь вашего высочества смиренным слугою

Фр. Сент-Олбэн.

ПОСВЯЩЕНИЕ К ИЗДАНИЮ „ОПЫТОВ“
1625 г.

*Моему милостивому господину светлейшему герцогу Бекингэму,
лорду-адмиралу Англии*

Милорд!

Соломон сказал: „Добрая слава подобна драгоценному благовонию“. Такова, я в том не сомневаюсь, будет судьба вашего имени в потомстве. Ибо вы равно возвеличены судьбою и собственными заслугами, и посеяли много доброго, чему суждено жить долго. Сейчас я выпускаю в свет мои „Опыты“, которые из всех моих сочинений получили наибольшее распространение; надо полагать, потому, что они ближе всего к практическим делам и чувствам людей. Я увеличил их число и улучшил достоинство; так что они представляют совершенно новое сочинение. Преданность моя вашей светлости и милости, оказанные мне вами, побуждают меня предпослать ему ваше имя, как в английском, так и в латинском изданиях. Ибо я надеюсь, что латинское издание (будучи на языке международном) будет жить, покуда живут книги.

Мое „Усовершенствование наук“ я посвятил королю; мою „Историю Генриха Седьмого“ (которую я ныне тоже перевел на латинский) и „Части естественной истории“ — принцу; а эти „Опыты“ — вашей светлости. Они принадлежат к лучшим плодам, которые божьей милостью могло принести мое перо. Да сохранит бог вашу светлость.

Вашей светлости преданный и верный слуга

Фр. Сент-Олбэн.

THE
ESSAIES
OF Sr FRANCIS
BACON Knight, the
Kings Soliciter
Generall.

Imprinted at *London* by
JOHN BEALE,
1612.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ „ОПЫТОВ“

Издание 1612 г.

II.* О СМЕРТИ¹

Люди страшатся смерти, как малые дети потемок; и как у детей этот врожденный страх усиливается сказками, так же точно и страх смерти.

Созерцание смерти как кары за грехи и перехода в иной мир благочестиво. Но боязнь ее как неизбежной дани природе есть слабость. Да и в благочестивые о ней размышления примешивается порой доля суетности и суеверия. В иных монашеских сочинениях о смертных муках нам напоминают, какова боль, ощущаемая человеком, если терзать хотя бы кончик пальца его, и каковы, следовательно, должны быть муки смерти, когда разрушается все тело. А между тем, смерть зачастую менее мучительна, чем повреждение одного члена; ибо самые важные для жизни органы не есть самые чувствительные. *Pompa mortis magis terret quam mors ipsa*². Слова эти заключают в себе и философскую, и житейскую истину. Стоны, судороги, помертвелый лик, слезы друзей, траур, погребение и прочее — вот отчего смерть предстает ужасной.

Заметьте, что нет в душе человека такой страсти, которая не побеждала бы страха смерти; а значит, не может смерть быть столь уж страшным врагом, раз есть у человека целая рать, способная ее одолеть. Мечь торжествует над смертью; любовь ее презирает; честь призывает ее; горе ищет в ней прибежища; страх устремляется ей навстречу. А когда убил себя император Отон³, сожаление — это нежнейшее из чувств — многих побудило искать смерти из сочувствия императору и в знак верности. Сюда же Сенека прибавляет еще прихотливость и пресыщение: *Cogita quamdiu eadem feceris; mori velle non tantum fortis, aut miser, sed etiam fastidiosus potest*⁴.

Итак, человек бывает готов умереть, не будучи ни храбрецом, ни несчастливцем, оттого только, что ему наскучит однообразие.

Заметьте и то, как мало действует приближение смерти на сильных духом, ибо каждый из них до конца остается самим собою.

* В настоящем издании помещены не все „Опыты“; нумерация дается по подлиннику.

4 Фрэнсис Бэкон

Цезарь Август умер с любезностью на устах: *Livia, conjugii nostri memor, vive et vale*⁵; Тиберий — продолжая лукавить, как говорит Тацит: *Jam Tiberium vires, et corpus, non dissimulatio, deserebant*⁶; Веспасиан — с шуткой, сидя на стульчаке: *Ut puto deus fio*⁷; Гальба — с изречением, подставляя шею убийце: *Feri, si ex re sit populi Romani*⁸; Септимий Север — впопыхах: *Adeste, si quid mihi restat agendum*⁹. И так далее.

Стойки¹⁰, несомненно, уделяли смерти чрезмерно много внимания и пышными к ней приготовлениями делали ее устрашающей. Мне более по душе тот, *qui finem vitae extremum inter munera ponat naturae*¹¹.

Умереть столь же естественно, как и родиться; а для младенца второе, быть может, не менее болезненно, чем первое. Кто умирает за важным делом, подобен раненому в жарком бою, поначалу едва ощущающему боль. Поэтому, кто поглощен благими помыслами, тот поистине избавлен от мук смерти. Но всего слаще, поверьте, звучит гимн „*Nunc dimittis*“¹², когда человек достиг достойной цели и оправдал ожидания. У смерти есть еще то, что она открывает врата доброй славы и унимает завистников. *Extinctus amabitur idem*¹³.

III. О ЕДИНОЙ ВЕРЕ¹

Будучи главной связующей силой общества, религия и сама должна быть скреплена силой единства. Религиозные расколы и распри были неизвестны язычникам. Причиной было то, что религия их состояла более в обрядах и церемониях, нежели в твердой вере. Какого рода была эта вера, можно видеть из того, что отцами церкви были у них поэты. Но истинный бог отличается именно тем, что он — бог-ревнитель², а поэтому и служения себе требует безраздельного. Скажем же несколько слов о единстве церкви: каковы плоды его; каковы границы; и каковы пути к его достижению.

Плодами единства — не говоря уж о том, что оно угодно богу, а это превыше всего — равно пользуются и те, кто не приобщен к церкви, и те, кто находится в лоне ее. Что касается первых, то, несомненно, ереси и расколы являются величайшим соблазном,

худшим даже, нежели развращенность нравов. Ибо как в теле человеческом ранение или нарушение связей более опасны, чем скопление испорченных соков, так же точно и в теле церковном. Ничто так не отдаляет и не отвращает людей от церкви, как нарушение единства. А поэтому всякий раз, когда один говорит: *Esse in deserto*, а другой: *Esse in penetralibus*,³ то-есть, когда одни ждут Христа на собраниях еретиков, а другие — во внешней церкви, надо, чтоб непрерывно звучал в ушах людей голос: *Nolite exire*. — Не выходите⁴. Учитель язычников⁵ (чьим призванием была забота о не приобщенных к церкви) говорит: „Если вся церковь сойдется вместе, и все станут говорить незнакомыми языками и войдут к вам незнающие или неверующие: то не скажут ли, что вы беснуетесь?“. А ведь так оно и есть: атеисты и нечестивцы, слыша о стольких разногласиях в делах веры, отвращаются от церкви и сидят в собрании развратителей.⁶ Сошлюсь на пример, хотя и пустяшный для столь серьезного предмета, зато наглядно рисующий уродство, о котором я говорю. Один мастер насмешки⁷ в свой список книг для вымышленной библиотеки включил такое заглавие, как „Мавританская пляска еретиков“. И действительно, каждая секта кривляется на свой лад; как же не вызвать насмешек у нечестивцев и развращенных политиканов, склонных относиться непочтительно к священным предметам?

Для тех, кто уже находится в лоне церкви, плодом единства является мир, таящий в себе блага неисчислимые; ибо он укрепляет веру, побуждает к милосердию, из мира церковного претворяется в мир душевный; а силы, ранее затрачиваемые на полемические сочинения, обращаются на проповедь смирения и благочестия.

В отношении границ единства крайне важным является правильное их обозначение. Тут возможны две крайности. Иным фанатикам невыносим малейший намек на примирение: „С миром ли? И сказал Ииуй: что тебе до мира? Поезжай за мною“⁸. Не мир им важен, но вербовка приверженцев. И напротив, иные лаодикийцы⁹ и нерадивые полагают, что можно в делах веры сойтись на полпути, хитроумно согласовав их и взявши от обеих сторон понемногу — словно берутся быть судьями между богом и людьми.

Обеих крайностей следует избегать; а этого можно достичь, если будут просто и понятно разъяснены два по видимости противоречивых положения христианского устава, начертанного самим спасителем: „кто не с нами, тот против нас и кто не против нас, тот с нами“¹⁰, то-есть если основные и существенные вопросы веры будут отделены и отграничены от вопросов, касающихся не одной веры, но мнений, порядка или добрых намерений. Это многие могут счесть чем-то само собой разумеющимся и уже совершённым. Однако, если бы оно вершилось с меньшим пристрастием, то получило бы большее распространение.

Касательно этого я могу дать лишь один совет, сообразно моему скромному разумению. Следует остерегаться двух видов разногласий, терзающих божью церковь. В одном случае спорный вопрос настолько пуст и ничтожен, что не стоит затрачиваемого на него пыла, каковой разжигается единственно духом противоречия; ибо, как замечает один из отцов церкви¹¹, хитон Христа не имел швов, церковные же одежды были пестры. При этом он добавляет: *In veste varietas sit, scissura non sit*¹² — ибо единство и единообразие суть вещи различные. В другом случае спор идет по вопросу серьезному, но доводится до чрезмерной тонкости и запутывается, так что становится скорее изощренным, нежели существенным. Человек здравых понятий и суждений, слушая порою спор глупцов, знает про себя, что спорящие разумеют одно и то же, но сами никогда не придут к согласию. И если такова разница в суждении между одним человеком и другим, нельзя разве предположить, что всевышний, читающий в сердцах, различает в некоторых людских спорах единое намерение и приемлет правду обеих сторон. Природа подобных разногласий отлично определена апостолом Павлом в его предостережении против таковых: *Devita profanas vocum novitates, et oppositiones falsi nominis scientiae*¹³. Люди сами создают несуществующие противоречия и облакают их в новые слова; причем таким образом, что смысл, вместо того, чтобы подчинять себе слово, сам ему подчиняется.

Есть также два вида ложного единения, или примирения: во-первых, когда единение зиждется лишь на невежестве, ибо в тем-

ноте все цвета сливаются; и, во-вторых, когда оно кое-как слажено при прямом допущении разногласий в основных вопросах. Ибо в таких делах истинное и ложное подобны железу и глине в ногах Навуходоносорова истукана¹⁴: их можно смешать, но они не соединятся.

Что касается способов обеспечить единство, то должно остерегаться, чтобы при создании и укреплении единства церкви не уничтожить и не извратить законов милосердия и человеческого общежития. Христиане владеют двумя мечами: духовным и светским; и оба они имеют в делах веры надлежащее место и назначение. Но нельзя братья за третий меч, меч Магомета и подобных ему, то-есть проповедь религии оружием и насилдование совести путем кровавых преследований — разве лишь в случаях открытых бесчинств, кощунства или заговора против государства. Тем более нельзя прибегать в этих же целях к поощрению смуты, допускать заговоры и мятежи, вооружать народ или как-либо иначе подрывать власть — ибо власти установлены от бога. Это означало бы разбивать одну скрижаль¹⁵ о другую, и в заботах о христианах позабывать, что они также и люди. Поэт Лукреций, негодуя против Агамемнона¹⁶, допустившего принесение в жертву собственной дочери, воскликнул: *Tantum religio potuit suadere malorum*¹⁷. Что же сказал бы он, если бы знал о резне во Франции¹⁸ или о пороховом заговоре в Англии¹⁹? Он стал бы еще бóльшим эпикурейцем и атеистом, нежели был. Коль скоро меч светской власти должен лишь с великой осторожностью извлекаться из ножен в защиту религии, то совсем уже чудовищно вооружать им простой народ. Предоставим это анабаптистам²⁰ и другим безумцам. Великое богохульство изрек дьявол, когда сказал: „Взойду на высоты облачные, буду подобен всевышнему“²¹; но еще большее богохульство — действовать именем бога, как бы заставляя его говорить: „опущусь в преисподнюю, буду подобен князю тьмы“. А разве не это именно происходит, когда дело веры унижается до таких жестоких и омерзительных деяний, как убийство государей²², избивание целого народа, ниспровержение государств и правительств. Поистине, это значит низводить святого

духа не в виде голубя, но ворона или коршуна, и водружать на ковчеге христианской церкви вымпел разбойников и убийц. Вот почему необходимо церкви вооружиться своим учением и божественными постановлениями, государям — мечом, а богословию и нравственной философии — как бы жезлом Меркурия²³, дабы навеки изгнать и предать проклятию все подобные деяния, равно как и учения, им способствующие, что, впрочем, уже в немалой степени сделано. Поистине в делах веры надлежит руководствоваться апостольским изречением: *Ira hominis non implet justitiam Dei*²⁴. А один из мудрых служителей церкви оставил следующее изречение, примечательное своей откровенностью: те, кто проповедует и осуществляет насилие над совестью, обычно имеет при этом собственные корыстные цели.

V. О БЕДСТВИЯХ

Есть у Сенеки возвышенное изречение, где утверждается (в духе стоиков), что „благ процветания следует желать, а благами бедствий — восхищаться“. — *Vona rerum secundarum, optabilia; adversarum, mirabilia*¹. Поистине, если чудом мы называем власть над природою, то она всего более являет себя в бедствиях. А вот еще более возвышенное изречение его (особенно удивительное в устах язычника): „Истинное величие состоит в том, чтобы сочетать брэнность человеческую с безмятежностью богов“. — *Vere magnum, habere fragilitatem hominis, securitatem Dei*². Это годилось бы скорей для поэзии, где преувеличения более допустимы. И действительно, тема эта занимала поэтов. Она составляет предмет одного древнего мифа, содержащего, видимо, некий скрытый смысл и даже кое в чем близкого описанию христианской души, а именно, сказания о Геракле, ради освобождения Прометея (который обозначает здесь человеческую природу) переплывшем в глиняном сосуде через пустыню океана: живое подобие христианской решимости, в ладье брэнной плоти пускающейся по мирским волнам.

Говоря без поэтических прикрас, высшей добродетелью должно считать: в благоденствии — умеренность, в бедствиях же — стойкость, наиболее героическую из добродетелей.

Благоденствие даруется праведникам ветхого завета; бедствия же ниспосылаются новым заветом, который есть величайшее благословение и более ясный знак милости божьей. Однакож, и в ветхом завете, прислушавшись к звукам арфы Давидовой³, уловим столько же скорбных напевов, сколько ликующих, и заметим, что персты духа святого более потрудились над изображением горестей Иова, нежели радостей Соломона.

В благоденствии есть свои страхи и огорчения, а бедствия не лишены утешений и надежд. В вышивках и иных рукоделиях приятнее видеть яркий узор на темном и сумрачном поле, нежели темный и унылый — на светлом; а что более радует глаз, то радует и сердце. Поистине, добродетель подобна драгоценным ароматам, которые благоухают сильнее, будучи возжены или раздроблены; ибо благоденствие лучше всего обнаруживает пороки человека, бедствия же выявляют его добродетели.

VI. О СКРЫТНОСТИ И ПРИТВОРСТВЕ

Скрытность — прибежище слабых; ибо надобны силы ума и духа, чтобы знать, когда уместна правдивость в словах и поступках. Поэтому наиболее скрытны слабейшие из государственных деятелей.

Тацит сообщает, что Ливия „хорошо подходила подстать хитрости мужа и притворству сына“¹, приписывая, таким образом, хитрость Августу, а притворство Тиберию; а Муциан², побуждая Веспасиана выступить с оружием против Вителлия, говорит: „Мы не восстаем ни против пронизательного ума божественного Августа, ни против недоверчивой старости Тиберия“.

И действительно, свойства эти — хитроумие и недоверчивая скрытность — вещи разные, и их надлежит различать. Кто наделен такой пронизательностью, что видит, что должно открыть, что утаить, а что обнаружить лишь отчасти, и когда, и кому (искусство, нужное и в государственной, и в частной жизни, как справедливо говорит Тацит³), для того скрытность будет лишь жалкой помехой. Но кто не обладает такой силой суждения,

тому остается взять скрытность и притворство за правило. Ибо не умеющему выбирать пути лучше идти путем безопаснейшим, как подслеповатому лучше всего ступать потихоньку.

Наиболее даровитые из людей действовали прямо и откровенно и славились своей правдивостью; но ведь это потому, что они, как выезженные кони, отлично знали, где остановиться или свернуть; а когда, по их мнению, требовалась скрытность, и они применяли ее, прежняя добрая слава об их честности и чистосердечии никому не давала этого заметить.

Скрытность имеет как бы три степени. Первая состоит в сдержанности и молчаливости, когда человек не дает проникнуть в себя и узнать, что он такое; вторая — в уклончивости, когда он знаками и намеками способствует ложному о себе понятию; третья будет уже собственно притворством, когда он намеренно и усердно притворяется не тем, что он есть.

Что до первой из них — молчаливости, то это лучшее качество исповедника. Умеющий молчать слышит много признаний; ибо кто же откроется болтуну или сплетнику? А кто слышет молчаливым, вызывает на откровенность, подобно тому как спертый воздух всасывает воздух более редкий; и как исповедь служит не житейским целям, но облегчению души, так и умеющие молчать узнают много вещей; с ними люди не столько делятся мыслями, сколько отделяются от тягостных тайн. Словом, скрытному открыты все тайны. Кроме того, нагота неприглядна, — как телесная, так и духовная; скрытые легким покровом, дела человеческие выглядят много почтеннее. Что до говорунов и пустословов, то они обычно тщеславны и притом легковёрны. Кто выбалтывает, что знает, будет говорить и о том, чего не знает. А потому возьми себе сдержанность за правило; оно и благоразумнее, и пристойнее. И тут надобно, чтобы лицо не опережало язык; у кого мысли написаны на лице, тот выдает себя с головою; ведь лицу придают куда больше веры, нежели словам.

Вторая степень скрытности нередко следует за первой по необходимости. Кто желает сохранить тайну, вынужден отчасти и к притворству, ибо люди хитры и не допустят, чтобы ты ничем

себя не выдал. Они так будут досаждают расспросами, так выведывать и вызывать на разговор, что если только не упорствовать в нелепом молчании, придется обнаружить, куда склоняешься. А если и нет, то из твоего молчания они заключат не меньше, чем из слов. Ведь темных и двусмысленных отговорок надолго нехватит. Вот почему нельзя быть скрытным, не позволяя себе также и некоторой доли притворства, которое как бы тянется следом за скрытностью.

Что же касается третьей степени, то-есть собственно притворства и лживости, это считаю я более предосудительным и менее благоразумным, за исключением важных и редких случаев. Привычное притворство есть порок, порождаемый либо врожденной лживостью, либо робостью, либо существенными нравственными изъянами, которые человек принужден скрывать, а для этого притворяться и во всем другом, дабы не утратить в притворстве сноровки.

Скрытность и притворство имеют три преимущества: во-первых, усыпляют бдительность противника и застигают его врасплох, ибо открыто объявленные намерения, подобно сигнальному рожку, собирают всех врагов; во-вторых, обеспечивают отступление, ибо связав себя открытым объявлением своих целей, надо идти до конца или пасть; в-третьих, помогают выведать чужие замыслы, ибо кто обнаруживает свои намерения, едва ли встречает открытое противодействие: ему дают волю, а что было бы на языке, держат на уме. Умна, поэтому, испанская поговорка: „Солги и узнаешь правду“, то-есть, правду не узнаешь иначе, как притворством.

Зато и невыгод тоже три. Первая состоит в том, что скрытность и притворство указывают обычно на боязливость, а это во всяком деле препятствует прямому движению к цели; вторая — в том, что они смущают и отталкивают многих, кто иначе, быть может, помог бы; а третья и величайшая невыгода заключается в том, что человек лишается одного из важнейших средств успеха, а именно — доверия. Лучше всего сочетать добрую славу человека чистосердечного, привычку к сдержанности, при случае — способность к скрытности, а в крайней нужде — и к притворству.

IX. О ЗАВИСТИ

Никакая страсть так не околдовывает человека, как любовь и зависть. Им обеим свойственны пламенные желания, обе во множестве порождают вымыслы и соблазны, и обе выражаются во взгляде, особенно в присутствии своего предмета; а это всего более способствует колдовским чарам, если они вообще существуют. Недаром писание говорит о завистливом оке, а астрологи — о пагубных излучениях светил, называемых неблагоприятными аспектами. Как видно, признано, что зависть проявляется в некоем излучении. Иные подметили даже, что завистливый глаз всего опаснее, когда созерцает свой предмет в час его торжества; ибо зависть от этого обостряется; к тому же, в эти часы дух счастливого более всего устремляется наружу и становится, таким образом, более уязвим.

Но оставим эти диковинки (не вовсе, впрочем, недостойные рассмотрения в надлежащем месте) и посмотрим, кто именно склонен к зависти, кто всего чаще становится ее предметом и чем отличается зависть в общественной и частной жизни.

Человек, лишенный достоинств, неизменно завидует им в других, ибо душа человеческая питается либо собственным благом, либо чужим несчастьем; кому нехватает первого, тот будет упиваться вторым; кто не надеется сравняться с ближним в достоинствах, старается сквитаться с ним, нанося ущерб его благополучию.

Человек любопытный и докучливый обычно также и завистлив; ибо вряд ли он так вникает в чужие дела потому, что это касается до него самого; нет, он дивится на чужое счастье. И напротив, кто ведает лишь свои дела, мало находит пищи для зависти. Ведь зависть — зевака; она бродит по улицам, а дома ей не сидится: *Non est curiosus, quin idem sit malevolus*¹.

Люди знатного рода замечены в зависти к людям новым при их возвышении; ведь расстояния при этом меняются, а им, как это бывает при обманах зрения, кажется, будто они сами идут назад, потому только, что другие ушли вперед.

Завистливы уроды, евнухи, старики, незаконнорожденные. Ибо кто не в силах помочь собственной беде, обращает свои усилия на то, чтобы вредить другому; исключая, впрочем, те случаи, когда в уродливом теле живет геройский дух, который и уродство свое стремится обратить к своей чести, чтобы заставить людей говорить: „вот какие великие дела мог свершить евнух или хромец“. Так было с евнухом Нарсесом², с Агесилаем³ и Тамерланом⁴, которые оба были хромы.

Завистливы люди, перенесшие бедствия, а также те, кто не в ладу с временами; ибо горе других они считают возмещением за собственное.

Неизменно завистливы те, кто из прихоти и тщеславия желают преуспеть во всем сразу. У них всегда найдется кому позавидовать, ибо невозможно, чтобы многие хоть в чем-нибудь их не превосходили. Таков был нрав императора Адриана⁵, снедаемого завистью к поэтам, живописцам и всякому мастерству, в котором он сам стремился блистать.

Наконец, завистливы близкие родичи и те, кто вместе рос или вместе начинал службу, если вчерашняя родня или ровня их опередит. Это им как бы постоянный укор; это им колет глаза и нейдет из ума; да и людям всегда заметно; а ведь зависть усиливается от чужих речей и похвал. Зависть Каина⁶ к брату Авелю тем более гнусна, что когда жертва Авелева оказалась угоднее богу, свидетелей при этом не было. Таковы те, кто склонен к зависти.

Обратимся теперь к тем, кто становится ее предметом. Меньше завидуют возвышению людей достойных; ибо оно представляется лишь должным воздаянием, а кто же позавидует уплате долга? Завидуют только дарам и щедротам. К тому же в зависти всегда таится сравнение; а где невозможно сравнение, нет и зависти — вот почему королям завидуют одни короли. Следует, однакож, отметить, что недостойным больше завидуют поначалу, а потом примиряются; достойным же, напротив, всего более завидуют тогда, когда счастье их длится долго; ибо с течением времени если не самые достоинства их, то слава о них идет на убыль, и новые люди являются им на смену.

Менее завидуют возвышению высокородных, ибо оно как бы подобает им по праву рождения, да и не столь уж много прибавляет к их благоденствию. А ведь зависть, как солнечный луч, сильнее бьет по возвышенности, чем по ровным местам. По той же причине возвышение постепенное менее возбуждает зависть, нежели внезапное, *per saltum*⁷.

Менее завидуют тем, кому почести достались ценою тяжких трудов, забот или опасностей; ибо эту цену люди считают высокой и склонны таких пожалеть, а жалость исцеляет от зависти. Заметьте, что наиболее благоразумные из высоких сановников посреди своего величия вечно жалуются на тяжелую долю и стонут: *quanta patimur*⁸; не потому, чтобы они на самом деле так думали, но чтобы несколько оградить себя от зависти. Разумеется, так говорить они могут только о делах, возлагаемых на них, но отнюдь не о тех, за которые берутся сами; ибо ничто так не возбуждает зависть, как излишнее честолюбивое стремление все дела захватить в свои руки, и ничто так ее не смиряет, как соблюдение важным сановником всех прав своих подчиненных; ибо этим приобретает он в их лице заслоны против завистников.

Всего более навлекают зависть те, кто в высокой должности держит себя надменно и гордо и никому не дает забыть о своем величии либо внешнею пышностью, либо подавлением противников и соперников; тогда как мудрый готов приносить умягчительные жертвы зависти и для того порой намеренно уступает в вещах маловажных.

Впрочем, пользуясь высоким положением открыто и прямо (лишь бы без заносчивости и чванства), меньше возбуждаешь зависть, нежели пускаясь на хитрости; ибо в последнем случае как бы отрекаешься от щедрот судьбы и сознаешься в своей нестойкости; а ведь это и создает завистников.

В заключение этой части скажем: коль скоро зависть сродни колдовству, то и средство против нее таково же, а именно: отвлечь злые чары на другого. Вот для этого-то мудрейшие из великих мира всегда выдвигают рядом с собою кого-либо, на кого и направляется зависть: иногда чиновника или слугу,

иногда соратника или помощника; ибо всегда найдутся неистовые натуры, которые дорогу к власти оплатят любой ценой.

Что касается зависти в жизни общественной, то в ней есть и хорошие стороны — чего никак не скажешь про зависть личную. Ибо зависть в жизни общественной есть род остракизма, поражающего тех, кто чрезмерно вознесся, и служащая поэтому уздой для облеченных властью.

Такая зависть по-латыни зовется *invidia*, а в новых языках именуется недовольством; о ней мы еще скажем, говоря о мятежах. В государстве она подобна моровой язве; ибо как моровая язва постепенно заражает все здоровое, так и зависть, раз появившись в стране, порочит самые благие дела и толкует их дурно. Мало тогда пользы и от уступок; ибо они лишь укажут на слабость правителей и страх перед завистью, а от этого только хуже, опять-таки как с заразою, которую чем больше бояться, тем легче схватить.

Зависть в жизни общественной направлена большей частью на главных чиновников и министров, а не на государей и государство. Но если недовольство каким-либо чиновником сильнее, чем он того заслуживает, или же распространяется на все их сословие, это есть верный знак того, что недовольство втайне направлено против самого государства. На этом покончим с завистью в общественной жизни, или, иначе, недовольством, и отличиями ее от зависти в частной жизни, о которой была речь вначале.

О зависти вообще добавим, что это из всех страстей самая упорная и неугомонная; для других страстей есть час и время; о зависти же недаром сказано: *Invidia festos dies non agit*⁹.

Замечено также, что это любовь и зависть иссушают человека; не то, что другие страсти, коих действие не столь постоянно. Зависть есть также гнуснейшая из страстей — недаром является она главной принадлежностью дьявола; он и есть тот завистник, который, когда люди спали, пришел... и посеял между пшеницею плевелы, и ушел¹⁰. Ибо зависть всегда творит свое дело во мраке и втайне, на погибель добрым посевам.

XI. О ВЫСОКОЙ ДОЛЖНОСТИ¹

Высокая должность делает человека слугой трех господ: слугой государя или государства, слугой людской молвы и слугой своего дела; он уж не хозяин ни себе, ни поступкам своим, ни своему времени. Не странно ль стремиться к власти ценою свободы, или к власти над людьми ценой власти над собою?

Возвышение стоит трудов; а там одни тяготы влекут за собою другие, тягчайшие; возвышение требует порой унижения, а честь достается бесчестьем. На высоком месте нелегко устоять, но нет и пути назад, кроме падения или, по крайней мере, заката — а это печальное зрелище: *Cum non sis, qui fueris, non esse, cur velis vivere*².

Нет, люди не в силах уйти на покой, когда хотели бы; не уходят они и тогда, когда следует; уединение всем нестерпимо, даже старости и немощам, которые надо бы укрывать в тени; так, старики вечно сидят на пороге, хотя и предают этим свои седины на посмеяние.

Высоким особам, чтобы считать себя счастливыми, необходимо справляться с мнением других; ибо сами они не могут чувствовать счастья. Им надо думать о себе то, что думают о них другие, кто охотно оказался бы на их месте, и тогда они счастливы — или слынут таковыми. Но втайне они, быть может, иного мнения; ведь они первыми узнают о своих горестях и последними — о своих проступках. И всегда высокие особы — чужие самим себе; в сутолоке дел им недосуг позаботиться о здоровье телесном или душевном. *Illi mors gravis incubat, qui notus nimis omnibus, ignotus moritur sibi*³. Высокая должность позволяет творить как добро, так и зло; в этом смысле она — проклятие, ибо чтоб уберечься от зла, мало не хотеть его, надо еще и не мочь. Зато возможность делать добро есть подлинное и законное оправдание властолюбия; ибо добрые помыслы, конечно, угодны богу, но людям от них не более проку, чем от сладостных снов, куда помыслы не воплощены в дела; а это невозможно без высокого сана и власти, служащих удобной позицией. Заслуги и добрые дела есть цель наших трудов,

а сознание таковых — венец нашего отдыха. Кто может, как господь бог, созерцать свои творения, может и почить от трудов своих. *Et conversus deus, ut aspiceret opera, quae fecerunt manus suae, vidit quod omnia essent bona nimis*⁴, — а там и отдохнул в день субботний.

В отправлении должности следуй лучшим образцам; ибо примеры стоят целого сборника прописей. А спустя немного, возьми за образец себя самого и со всею строгостью выясни, не лучше ли шло у тебя дело вначале. Не пренебрегай и примером тех, кто в той же должности выказал себя дурно — не для того, чтобы порочить их память и тем прибавлять себе заслуг, но чтобы знать, чего надлежит избегать.

Итак, вводи улучшения без похвалы и без поношения предшественников и прежних порядков; но возьми себе за правило не только следовать достойным примерам, а и самому создавать их. Возводи все установления к первооснове и старайся проследить, в чем и как подверглись они искажениям; но совета ищи и у старых времен и у новых: у старых заимствуй, что лучше; у новых — что пригодней.

По возможности будь последователен, дабы люди заранее знали, чего ожидать; но не будь чересчур самонадеян и своеволен и разъясняй свое поведение, если отступаешь от обычных своих правил. Блуди подобающие тебе права, но не взывай при этом к законам; лучше утвердиться в своем праве молча и *de facto*⁵, нежели заявлять о нем громко и вызывающе. Блуди также права своих подчиненных и считай за большую честь руководить в главном, нежели вмешиваться во всё. Привлекай помощников и советников и не гони за докучливость тех, кто осведомляет тебя, но, напротив, встречай их приветливо.

Власть имущим присущи четыре главных порока: промедления, подкупность, грубость в обхождении и податливость. Чтобы не было промедлений, облегчи к себе доступ; держись назначенных сроков; не откладывай повседневных дел и без крайней нужды не берись за несколько дел сразу. Чтобы не было подкупов, свяжи не только руки берущие — то-есть свои и слуг своих, но

также и руки дающие — своих просителей. Для первого надо лишь быть неподкупным, для второго же — открыто о том заявлять и клеймить лихоимство. Избегай не только проступка, но и подозрения. Кто переменчив и меняется без видимой причины, может быть заподозрен в подкупности. Поэтому всякую перемену во мнениях или образе действий провозглашай открыто, вместе с причинами, к ней побудившими; но не вздумай утаивать. Доверенный слуга или любимец, если по видимости ничем не заслуживает доверия, всеми считается обычно за пособника в тайном лихоимстве. Что касается грубого обхождения, то это ненужный повод к недовольству. Строгость рождает страх, но грубость рождает ненависть. От властей и порицание должно быть степенным, а не оскорбительным. Что до податливости, то она хуже лихоимства; ибо взятки берут лишь от случая к случаю; а кто поддается назойливости или пустой лести, того никогда не оставляют в покое. Как говорит Соломон: „быть лицеприятным — нехорошо: такой человек и за кусок хлеба сделает неправду“⁶.

Справедлива древняя поговорка: место кажет человека⁷. Только одних оно кажет в хорошем виде, а других — в плохом. *Omniū consensu, saepe imperiū, nisi imperasset*⁸, — сказал Тацит о Гальбе; но о Веспасиане он говорит: *Solus imperantium, Vespasianus mutatus in melius*⁹. Правда, в первом случае речь идет о способностях, во втором — о нраве и обхождении. Кого почести изменяют к лучшему, тот наверняка по природе великодушен. Ибо почести подобают — или должны подобать — именно добродетели; и как в природе все движется стремительно к своему назначению и медлительно — по достижении его, так и добродетель стремительна, когда одержима честолюбием, и умиротворяется, когда облечена властью. На большую высоту всегда всходят не прямо, но по винтовой лестнице; и если имеются партии, то при восхождении должно искать опоры, а взойдя на вершину — равновесия. К памяти предшественника будь справедлив и почтителен; ибо иначе этот долг наверняка отдадут ему после тебя. К соратникам имей уважение; лучше призвать их, когда они того не ждут, чем обойти, когда они надеются быть призванными. А в личных беседах

с просителями не следует слишком помнить о своем сани или напоминать о нем, но пусть лучше о тебе говорят: когда он в должности, он становится другим человеком.

ХИ. О БОЙКОСТИ

Следующая ходячая школьная притча заслуживает, однакож, внимания человека вдумчивого. Однажды Демосфена спросили: какой дар всего нужнее оратору? — Жест. А затем? — Жест. А еще? — Опять-таки жест¹. Так говорил тот, кто всех лучше мог судить об этом предмете, но сам от природы отнюдь не был предназначен для успеха в том, что так восхваляет².

Не странно ли, что этот дар, внешний и относящийся скорее до искусства актера, ставится выше других благородных талантов: воображения, дара речи и прочих, и даже как бы объявляется единственным. Причина, однакож, ясна. Человек обычно более сродни глупцу, нежели мудрому; а потому и качества, пленяющие людскую глупость, имеют наибольшую силу воздействия.

В прочих житейских делах такую же точно силу имеет бойкость. Что нужнее всего? — Бойкость. А что во-вторых и в-третьих? — Опять-таки бойкость. А между тем, бойкость — дитя низости и невежества и не идет в сравнение с другими талантами; и все же она прельщает и покоряет всех, кто либо слаб разумом, либо робок духом — а такие всего многочисленней — в минуты же слабости подчиняет себе и мудрых. Вот почему бойкость творит чудеса при народовластии, но меньше при сенатах и монархах; и всегда бойкие достигают большего при первом своем появлении, чем в дальнейшем; ибо бойкость плохо держит свои обещания.

Как есть шарлатаны, обещающие исцеление телу, так есть и шарлатаны для исцелений политических. Они сулят чудеса и бывают, быть может, удачливы раз или два, но, не зная основ науки, не могут держаться долго. Не раз приходится бойким свершать чудо Магомета. Магомет уверил народ, что призовет к себе гору и с вершины ее вознесет молитвы за правоверных. Народ собрался; Магомет вновь и вновь воззвал к горе; когда же

гора не тронулась с места, он, ничуть не смущаясь, сказал: „Если гора не идет к Магомету, Магомет придет к горе“. Так и эти люди, посулив чудеса и потерпев постыдную неудачу, умеют — если вполне овладели искусством бойкости — ловко отвести глаза, да на том и кончить дело.

Конечно, для людей мыслящих бойкость являет забавное зрелище, да и в глазах толпы имеет нечто смешное; ибо если смешным почитается нелепое, то крайняя бойкость с нелепостью почти неразлучна. Особенно забавно видеть, как бойкий бывает приведен в смущение и как лицо его при этом вытягивается и деревянеет; оно и неудивительно: кто скромн, тому не привыкать смущаться; но на бойких в подобных случаях находит столбняк; вроде пата в шахматной игре, когда и мата нет, и с места сойти нельзя. Последнее, впрочем, составляет скорее предмет сатиры, нежели серьезных наблюдений.

Надо хорошенько помнить, что бойкость всегда слепа и не различает опасностей и препятствий, а потому непригодна советнику, но нужна исполнителю; так что бойких лучше ставить не на первое место, но под начало других; ибо при обсуждении дела полезно видеть все опасности его, а при выполнении лучше не видеть их, разве когда они очень уж велики.

XIII. О ДОБРОТЕ И ДОБРОДУШИИ

Под добротой я разумею заботу о благе людей, называемую у греков филантропией; слово гуманность (как оно употребляется ныне) для нее несколько легковесно.

Добротой называю я деяние, добродушием же — природную склонность. Изю всех добродетелей и достоинств доброта есть величайшее, ибо природа ее божественна; без нее человек — лишь суетное, вредоносное и жалкое создание, не лучше пресмыкающегося.

Доброта соответствует евангельскому милосердию; излишество в ней невозможно; возможны лишь заблуждения. Чрезмерное властолюбие привело к грехопадению ангелов, чрезмерная жажда

знания — к грехопадению человека; милосердие же не бывает чрезмерным и не может ввести в грех ни человека, ни ангела.

Склонность творить добро заложена глубоко в природе человеческой; когда она не изливается на людей, то направляется на другие создания; это видим мы у турок, народа жестокого, который, однакоже, добр к животным и подает милостыню собакам и птицам. Как рассказывает Бусбек¹, дело доходит до того, что однажды в Константинополе христианский мальчик едва не был побит камнями за то, что из шалости заткнул клюв птице. Однако, в добродетели милосердия, или доброты, таится опасность заблуждения. Есть у итальянцев злая поговорка: *Tanto buon, che val niente*. — Так добр, что ни к чему не годен. А один из итальянских ученых², Николло Маккиавелли, имел дерзость прямо написать, что „христианская вера делает добрых добычею несправедливости и тирании“. Это могло быть сказано потому, что ни один закон и ни одно учение так не превозносят доброту, как это делает христианство.

Во избежание как подобных дерзостей, так и указанной опасности следует знать, какие именно заблуждения свойственны столь превосходному качеству.

Стремись ко благу ближних, но не будь рабом их прихотей или притворства; это будет всего лишь податливость, или слабости, обращающие в рабство отличных людей. Не дари также жемчугом эзопова петуха³, когда ячменное зерно его более ошастливало бы. Пред тобою пример господина твоего: „Он повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных“⁴; но он не изливает богатств и почестей на всех без различия. Необходимое должно быть доступно всем, но блага особые надлежит распределять с разбором. Остерегайся также разбить оригинал, делая слепок; оригиналом же, согласно писанию, является любовь к самому себе, а любовь к ближнему — лишь слепком. „Все, что имеешь, продай и раздай нищим... и приходи, последуй за мною“⁵... Но не продавай всего, что имеешь, если не готов последовать за мною — то-есть если не имеешь призвания, которое позволит тебе с малыми

средствами делать столько же добра, сколько с большими; иначе, питая потоки, осушишь ключи.

Впрочем, добро творится не только по разуму; в некоторых людях и даже в природе существует естественное к нему расположение, как существует, с другой стороны, и врожденная злобность, по природе своей не терпящая чужого благополучия. В более легкой степени злобность оборачивается простой угрюмостью, или упрямством, или склонностью перечить; худший же вид ее становится завистью и злонаравием. В чужом несчастье такие люди чувствуют себя как рыбы в воде и на редкость умеют его отягчить; это не собаки, лизавшие струпья Лазаря⁶, а скорее мухи, без устали жужжащие над открытой раной; эти *misanthropi*⁷ постоянно заняты тем, что доводят людей до петли, но даже дерева не припасают им для этого, как Тимон⁸. Люди подобного нрава являются, поистине, ошибками природы, но вместе с тем и наилучшим материалом для создания крупных политических деятелей; это как бы узлистое дерево, пригодное для кораблей, предназначенных к бурным плаваньям, но не для домов, коим надлежит стоять прочно.

Признаки доброты многочисленны. Если человек приветлив и учтив с чужестранцами, это знак того, что он гражданин мира и что сердце его не остров, отрезанный от других земель, но континент, примыкающий к ним; если сочувствует чужому несчастью, это знак того, что сердце его, как благородное дерево, источает бальзам из собственных ран; если легко прощает обиды, это знак того, что дух его выше оскорблений и не может потерпеть от них урона; если признателен за малые дары, это означает, что в людях ценит он душу, а не имущество; если же он достиг совершенства апостола Павла и готов быть отлученным от Христа за братьев своих⁹, это указывает на божественную природу и некое родство с самим Христом.

XIV. О ДВОРЯНСТВЕ¹

О дворянстве я намерен говорить сперва как о сословии в государстве, а затем как о сословных отличиях отдельных лиц.

Монархия, где вовсе отсутствует дворянство, всегда бывает

чистым деспотизмом и тиранией, наподобие турецкой; ибо дворянство умеряет власть монарха и отвлекает взоры народа от королевского дома. Демократиям оно не нужно; там, когда нет дворянских родов, обыкновенно больше бывает покоя и меньше склонности к смутам; ибо внимание людей устремляется тогда на дело, а не на лица; а если на лица, то опять-таки в поисках наиболее пригодных для дела, но не ради гербов и родословных. Мы видим, например, что швейцарская республика держится прочно, несмотря на множественность вероисповеданий и кантонов; ибо покоится на принципе полезности, а не привилегий. Преуспевают также, благодаря своему управлению, и Соединенные Провинции; ибо где господствует равенство, там решения правительства беспристрастнее, а подати и повинности выплачиваются охотней.

Многочисленное и могущественное дворянство придает монарху величие, но ограничивает его власть; ободряет народ, но ложится на него бременем.

Хорошо, когда дворянство не более могущественно, чем это необходимо в интересах государя и закона, однакож достаточно сильно, чтобы служить трону оплотом против наглости черни.

Многочисленная знать несет стране разорение, ибо увеличивает расходы; к тому же многие из ее числа со временем неизбежно впадают в бедность, создавая тем самым несоответствие состояния со званием.

Что касается сословных отличий отдельных лиц, то мы благоговейно взираем на древний замок, уцелевший от разрушения, или вековой дуб со здоровою сердцевиной; а тем более — на древний знатный род, устоявший против бурь времени. Ибо новое дворянство есть дело рук монарха, старое же — дело времени.

Основатели дворянских родов имеют обычно более доблести, но менее добродетелей, нежели их потомки; ибо редко бывает возвышение без того, чтоб к заслугам не примешались темные дела. Но справедливо, чтобы слава их переходила к потомству, а пороки погребены были вместе с ними.

Знатное рождение обычно отвращает от труда; а кто не трудится, тот завидует прилежанию; к тому же знатному некуда

возвышаться далее; а кто застыл на месте, когда другой подымается, тот не может избежать чувства зависти. Дворян же само рождение ограждает от зависти; почести им прощаются. Государи, насчитывающие среди своего дворянства людей даровитых, могут употребить их на службе с большей пользой и удобством; ибо люди склонны подчиняться тем, кто как бы рожден повелевать.

XV. О СМУТАХ И МЯТЕЖАХ¹

Пастырям народов надлежит разбираться в предзнаменованиях политических бурь, которые обычно всего сильней, когда дело идет о равенстве, подобно тому, как в природе бури всего сильнее вблизи равноденствия. И как бурям предшествует глухой шум ветра и вздымание волн, так и в государствах:

Ille etiam caecos instare tumultus
Saepe monet, fraudesque et operta tumescere bella².

Предвестниками смуты должно считать пасквили и крамольные речи, когда они часты и смелы, а также ложные слухи, порочащие правительство, когда они возникают часто и охотно подхватываются. Вергилий, в родословной Молвы, говорит, что она доводилась сестрою гигантам:

Illam Terra Parens irâ irritata Deorum,
Extremam (ut perhibent) Caeco Enceladoque sororem
Progenuit³.

Добро бы еще молва была лишь отзвуком прошедших смут но она является также и провозвестницей смут грядущих.

Однакоже поэтом верно подмечено, что мятежи и мятежные слухи не более отличаются друг от друга, чем брат от сестры, мужеский пол от женского; особенно когда уже и самые благие постановления правительства, коим надлежало бы вызвать всеобщее одобрение, толкуются превратно и в дурном смысле; ибо это указывает на то, что недовольство велико. А по словам Тацита: *Conflata magna invidia, seu bene, seu male, gesta premunt*⁴. Но из того, что подобные слухи являются предвестиями смуты,

не следует еще, что чрезмерно суровое их подавление поможет избежать смуты. Для прекращения слухов часто всего лучше пренебречь ими, а усердные попытки пресечь их лишь продлят им веку.

Далее, не должно доверять тому повиновению, о котором говорит Тацит: *Erant in officio, sed tamen qui mallent mandata imperantium interpretari, quam esequi*⁵. Рассуждения, отговорки и придирки к распоряжениям властей — все это уже попытки стряхнуть ярмо и упражнения в неподчинении, особенно если при этом сторонники приказа высказываются робко и нерешительно, а противники его — с дерзостью.

Далее, как верно подмечает Маккиавелли⁶, если государь, обязанный быть отцом всем своим подданным, отождествляет себя с какой-либо из партий и склоняется к одной из сторон, он уподобляет свое правление кораблю, который опрокидывается от неравного размещения груза. Это можем мы видеть на примере Генриха Третьего Французского⁷, который сперва сам присоединился к Лиге для истребления протестантов, а вскоре за тем эта же Лига обратилась против него самого. Ибо, когда монаршая власть окажется подчинена партийным целям, и появятся иные узы, связующие крепче, нежели узы подданства, монарха можно считать почти уже низложенным.

Далее, когда распри, раздоры и столкновения партий происходят открыто и дерзко, это есть верный знак того, что уважение к властям утрачено. Ибо движения даже первых людей в государстве должны быть подобны движениям планет под действием *primum mobile*⁸, а это, согласно древнему учению, означает, что каждая из них подчиняется быстрому движению высшего порядка и более медленно движется сама по себе. Поэтому, когда вельможи устремляются собственным путем слишком решительно и, как хорошо выразил Тацит, *liberius, quam ut imperantium meminissent*⁹, это означает, что пришла в расстройство вся планетная система; ибо почестями государи облечены от самого господина, который сам и грозит лишением их: *Solvam singula regum*¹⁰.

Поэтому, когда расшатан любой из четырех столпов, коими держится правление — каковы религия, правосудие, совет и казна —

людям надобно молиться, чтобы их миновала беда. Но оставим прорицания (которые, впрочем, станут ясней из дальнейшего) и посмотрим, каковы материальные причины мятежей, какие поводы их вызывают и, наконец, какие существуют против них средства.

Что касается материальных причин для мятежей, то они заслуживают пристального внимания; ибо вернейшим средством предотвращения мятежа (если времена это позволяют) является именно устранение его материальной причины; ведь когда горючий материал налицо, можно отовсюду ждать искры, которая воспламенит его. Причины же, коими вызываются мятежи, бывают двойкие: великий голод и великое недовольство. Можно сказать наверное: сколько в государстве разоренных семейств, столько готовых мятежников. Лукан отлично описал состояние Рима перед гражданской войною:

Hinc usura vorax, rapidumque in tempore foenus,
Hinc concussa fides, et multis utile bellum¹¹.

Вот эта-то *multis utile bellum* и есть верный и безошибочный признак того, что государство расположено к смутам и мятежам; а если к разорению и оскудению знати прибавляется обнищание простого народа, опасность становится велика и неминуема; ибо мятежи, вызываемые брюхом, есть изо всех наихудшие.

Что до недовольства, то оно в организме государственном подобно мокротам в организме человека, имеющим склонность воспаляться; и пусть ни один правитель не вздумает судить об опасности недовольства по тому, насколько оно справедливо; ибо это значило бы приписывать народу чрезмерное благоразумие, тогда как он зачастую противится собственному своему благу; пусть не судит об опасности также и по тому, сколь велики на деле обиды, вызывающие волнения; ибо то недовольство опасней всего, в котором страх сильнее прочих чувств. *Dolendi modus, timendi non item*¹². К тому же, когда угнетение действительно велико, оно не только истощает терпение народа, но и подавляет его волю; не то бывает, когда народ охвачен одним лишь страхом. И пусть монархи и правители пред лицом недовольства не уте-

шаются тем, что так-де бывало уж не раз и, однакож, никакой беды не случилось; ибо хотя и верно, что не всякая туча приносит грозу, но верно и то, что гроза, много раз пройдя стороной, наконец разражается. Как гласит испанская поговорка: „Дай срок, и веревка оборвется, как легонько ни дернуть“.

Причинами и поводами к мятежу являются религиозные новшества, налоги, изменения законов и обычаев, нарушения привилегий, всеобщее угнетение, возвышение людей недостойных или чужеземцев, недород, солдаты, распушенные после похода, безумная попытка какой-либо из партий, — словом все, что, возбуждая недовольство, сплачивает и объединяет народ на общее дело.

Что касается средств против мятежей, есть кое-какие общие меры, на которые мы и укажем; но каждому случаю болезни — свое лекарство; так что тут надобно не столько применять правило, сколько обдумывать положение.

Первым из лекарств будет устранение всеми возможными средствами тех материальных причин для мятежа, о которых мы уже говорили, а именно голода и нищеты в стране. Цель эта достигается открытием торговых путей и благоприятным торговым балансом; поощрением мануфактур; искоренением праздности; обузданием роскоши и расточительства посредством особых законов; усовершенствованием земледелия; регулированием цен на все предметы торговли; уменьшением налогов и пошлин и тому подобным. Вообще надобно заботиться, чтобы население государства (особенно, если его не косят войны) не превышало средств к его пропитанию; причем население надлежит измерять не одним лишь числом; ибо небольшое число людей, если они потребляют больше, а работают меньше, скорее истощат государство, нежели большое число таких, которые живут скромнее, но больше производят. Поэтому чрезмерное размножение дворян и других привилегированных лиц по сравнению с численностью простого народа не замедлит ввергнуть страну в нищету; к этому ведет и чрезмерно многочисленное духовенство, ибо оно ничего не вносит в общий запас; а также если больше людей готовить к ученому званию, нежели найдется для них должностей.

Поскольку обогащение страны может происходить лишь за счет торговли с чужеземцами (ведь у себя сколько выгадал на одном, столько, значит, потерял на другом), надлежит помнить, что одна страна продает другой лишь три вида товаров: сырой продукт, как его дарует природа, обработанный продукт и, наконец, перевозку и доставку; так что если вертятся все эти три колеса, богатство должно хлынуть в страну подобно вешним водам. И зачастую случается, что *Materiam superabit opus*¹³, то-есть работа и перевозка превосходят ценность самого продукта и больше обогащают край. Разительный тому пример являют жители Нидерландов, владеющие лучшими в мире наземными россыпями этого рода¹⁴.

Но всего более правительству надлежит заботиться, чтобы деньги и драгоценности не скоплялись в немногих руках; иначе государство может иметь большой их запас и, однакож, терпеть нужду. Ведь деньги, подобно навозу, бесполезны, покуда не разбросаны. А для этого надо искоренять или, по крайней мере, строго ограничивать такие хищнические дела, как ростовщичество, огораживание пастбищ¹⁵ и тому подобное.

Что касается средств к устранению недовольства или хотя бы опасностей, при этом возникающих, напомним, что в каждом государстве имеются (как известно) два сословия: дворянство и простой народ. Когда недовольно одно из них, опасность еще не велика; ибо простой народ нескор на подъем, если вельможи его к этому не возбуждают, а те бессильны, если сам народ не расположен к восстанию. Опасность тогда велика, когда вельможи только и ждут смуты в народе, чтобы тотчас выступить самим. Поэты рассказывают, что боги вздумали как-то сковать Юпитера; он же, прослыша о том и наученный Палладою, послал просить подмоги у сторукого Бриарея¹⁶. Смысл этой аллегии, без сомнения, в том, что государям всего надежнее заручиться расположением простого народа.

Даровать народу некоторые вольности, возможность приносить жалобы и изливать недовольство (лишь бы это было без излишней наглости и угроз) тоже будет мерой спасительной; ибо кто

загоняет гнилые мокроты внутрь и допускает внутреннее кровоизлияние, вызывает этим злокачественные нарывы и смертоносные язвы.

В случае недовольства Прометею была бы подстать роль Эпиметея¹⁷; ибо с этой бедою никто не сумел бы сладить лучше его.

Эпиметей, выпустив на волю горе и зло, закрыл, наконец, крышку и удержал на дне ларца надежду. В самом деле, искусно и ловко тешить народ надеждами, вести людей от одной надежды к другой есть одно из лучших противоядий против недовольства. Поистине мудро то правительство, которое умеет убаюкивать людей надеждами, когда оно не может удовлетворить их нужды, и ведет дело таким образом, чтобы любое зло смягчено было надеждою, а это не так уж трудно; ибо как отдельные лица, так и целые партии весьма склонны тешить себя надеждами или хотя бы заявлять о них вслух, если уж сами им не верят.

Общеизвестной, но тем не менее прекрасной мерою предосторожности является забота о том, чтобы у недовольных не оказалось подходящего вожака, который бы мог их объединить. Говоря о подходящем предводителе, я разумею такого, который обладает и именем, и значением, пользуется доверием недовольных, привлекает к себе их взоры и сам имеет причины быть в числе недовольных; такого надлежит либо привлечь на сторону правительства, причем незамедлительно и надежно, либо противопоставить ему другого, принадлежащего к той же партии, чтобы ослабить таким образом его популярность. Вообще разделение и раскалывание всех враждебных государству союзов и партий посредством стравливания их между собой и создания меж ними недоверия можно считать недурным средством; ибо плохо дело, когда сторонники правительства предаются раздорам и разъединены, а противники его сплочены и едины.

Замечено, что поводом к мятежу может стать иное острое и колкое слово в устах государя. Цезарь несказанно повредил себе словами: *Sylla nescivit literas, non potuit dictare*¹⁸; ибо слова эти убили в людях надежду, что сам он когда-либо откажется от

диктатуры. Гальба погубил себя, когда сказал: *Legi a se militem, non emi*¹⁹, тем самым лишив своих солдат надежды на награждения. То же сделал и Проб словами: *Si vixero, non opus erit amplius Romano Imperio militibus*²⁰ — словами, которые повергли воинов в отчаяние. Подобных примеров множество. Вот почему в щекотливых делах и в трудные минуты государям следует высказываться крайне осторожно, особенно в тех кратких речениях, которые мгновенно облетают свет и считаются за истинное выражение их тайных намерений; ибо пространные речи — вещь прескучная, и прислушиваются к ним куда меньше.

И, наконец, пусть государи, на случай нужды, всегда имеют при себе одного, а еще лучше нескольких лиц, известных воинской доблестью, для подавления мятежей в самом начале; ибо иначе двор, при первых же признаках смуты, приходит в неподобающее волнение, и государству грозит та опасность, о которой говорит Тацит: *Atque is habitus animorum fuit, ut pessimum facinus auderent pauci, plures vellent, omnes paterentur*²¹. Надобно, однако, чтобы эти военачальники были людьми надежными и почтенными, а не любителями расколов и искателями популярности; и чтобы они были хороши с другими важными особами в государстве; иначе лекарство это может оказаться опаснее самой болезни.

XVIII. О ПУТЕШЕСТВИЯХ

В юности путешествия служат пополнению образования, в зрелых годах — пополнению опыта. Кто отправляется в страну, не освоившись прежде с ее языком, отправляется в учение, а не в путешествие. Неплохо, когда юноши путешествуют с наставником или степенным слугою, лишь бы с таким, кто знает язык страны и бывал там ранее; в этом случае он сможет указать юношам, что в посещаемой стране достойно внимания, чьего общества следует искать, чему можно там научиться и в чем упражняться; иначе они будут как бы с завязанными глазами и мало что увидят.

Не странно ли, что в морских плаваниях, где нечего видеть, кроме неба и вод, люди ведут журнал; а в путешествиях сухопут-

ных, где столь многое можно наблюдать, они большей частью пренебрегают этим обычаем, словно случайность — более достойный предмет для пера, нежели наблюдения. Итак, пусть наш путешественник ведет журнал.

Посещать и наблюдать надлежит такие места, как: королевский двор, особенно во время приема послов; суд, когда там разбирается дело, а также суд духовный; храмы и монастыри с находящимися там памятниками, городские стены и укрепления; гавани и пристани; памятники старины, библиотеки, колледжи, диспуты и лекции, где таковые случатся; дворцы и общественные сады вблизи больших городов; арсеналы, склады, конные ристалища, состязания в фехтовании, обучение войск и тому подобное; комедию, какую посещает порядочное общество; сокровищницы и кунсткамеры; словом, все достопримечательности посещаемой страны, о которых наставникам или слугам надлежит тщательно собрать сведения. Что касается торжественных процессий, представлений, празднеств, бракосочетаний, погребений, публичных казней и тому подобных зрелищ, то о них напоминать нет нужды; но и пренебрегать ими не следует.

Если желательно, чтобы юноша не мешкал в своих путешествиях и за короткий срок собрал обильную жатву, вот что надлежит делать: во-первых должен он, как уже было указано, прежде чем отправляться в путь, несколько ознакомиться с чужим наречием; во-вторых, что также уже было сказано, иметь при себе слугу или наставника, знакомого со страной, а также карту страны или книгу, содержащую ее описание; это будет ему отличной основой для исследования.

Пусть также ведет журнал. Пусть не медлит подолгу в одном городе, а уделяет каждому столько внимания, сколько тот заслуживает (но не чересчур много), и, даже находясь в одном городе, пусть переезжает с квартиры на квартиру в разных его концах; это отличный способ заводить знакомства. Пусть не ищет общества соотечественников и столуется там, где есть хорошее общество из числа местных жителей; а при переездах с одного места на другое пусть добывает рекомендательные письма к тамошним знатым особам, дабы заручиться содействием в том, что захочет

узнать или осмотреть. Таким путем сможет он с большой пользой сократить срок своего путешествия. Что касается знакомств, которых надлежит искать в путешествиях, то наиболее полезны знакомства с секретарями и чиновниками при посланниках; ибо таким образом, путешествуя в одной стране, можно получить сведения о многих. Пусть также посещает всякого рода именитых людей, прославленных за рубежами их родины, дабы убедиться, насколько заслужена их слава. Что до ссор, то их надобно тщательно остерегаться, а случаются они всего чаще за вином, из-за женщин, из-за мест или неудачного слова. Надо также избегать общества людей раздражительных и вспыльчивых; не то как раз окажешься вовлечен в чужую ссору.

Возвратясь домой, пусть путешественник не вовсе распротится с виденными странами, но поддерживает с ними связи через переписку с теми из новых знакомцев, которые наиболее того достойны; и пусть виденное им обнаруживается более в беседах, чем в одежде или повадках; а в беседах пусть более заботится об осмотрительности ответов, чем о бойкости рассказней; и пусть будет каждому видно, что он не изменил обычаям родины ради чужеземных, но хочет лишь украсить их лучшим из того, чему научился в чужих краях.

XIX. ОБ ИСКУССТВЕ ПОВЕЛЕВАТЬ¹

Жалок тот, кто ничего не желает и всего опасается; а ведь именно таков обычный удел монархов. Вознесенные превыше всех людей, они не имеют желаний и оттого томятся тоской; зато много воображают опасностей и страхов и оттого утрачивают ясность суждения. В этом одна из причин, почему, как говорит писание, сердце царей непроницаемо². Ибо множество тревог и отсутствие главного стремления, которому подчинялось бы все остальное, любое сердце делают непостижимым. Отсюда же проистекает и то, что государи зачастую придумывают себе желания и тешатся игрушками: один — возведением здания, другой — учреждением ордена, кто задариванием любимца, кто достижениями в каком-

либо искусстве; так, Нерон³ играл на арфе, Домициан⁴ упражнялся в стрельбе из лука, Коммод⁵ — в борьбе, Каракалла⁶ правил колесницей и тому подобное. Это может показаться невероятным тем, кому неизвестно, что человека больше утешают и радуют мелкие дела, идущие успешно, нежели большое дело, в котором встретились препятствия. Мы видим также, что монархи, оказавшиеся вначале удачливыми завоевателями, но испытавшие затем поворот фортуны (ибо никто не может преуспевать бесконечно), становятся впоследствии суеверны и мрачны; так было с Александром Великим⁷, с Диоклетианом⁸, а на нашей памяти — с Карлом Пятым⁹ и другими; ибо тот, кто привык быстро двигаться вперед и встречает препятствия, становится немил сам себе и уже не тот, что раньше.

Переходя к вопросу о том, каков наилучший порядок для данного государства, следует сказать, что такой порядок — вещь редкая и соблюсти его трудно; ибо всякий порядок, и плохой и хороший, состоит из противоположностей. Но одно дело — сочетать противоположности, а иное — переходить от одной к другой. Весьма поучителен ответ Аполлония¹⁰ Веспасиану. Веспасиан спросил о причинах падения Нерона, на что получил ответ: „Нерон хорошо умел играть на арфе и настраивать ее, но в делах правления он иногда чрезмерно натягивал струны, иногда же слишком ослаблял их“. И действительно, ничто так не расшатывает власть, как колебания правительства и неожиданные, несвоевременные переходы его от излишней суровости к чрезмерным послаблениям.

Правда, в наше время мудрость монархов состоит более в том, чтобы удачно ускользать от опасностей и сторониться бед, когда они близко, нежели в рассчитанном их недопущении. Но это значит действовать наудачу и допускать скопление материала для мятежа. А если горючие вещества готовы, то можно ли уберечься от искры или предсказать, откуда она возникнет? Тяготы монаршего сана многочисленны и велики, но величайшие из затруднений государя часто порождаются собственным его характером. Государям, как говорит Тацит, свойственны противоречивые желания: *Sunt plerumque regum voluntates vehementes, et inter se contrariae*¹¹; ибо обычное

заблуждение власть имущих — это думать, что можно достичь желаемой цели, отвергнув надлежащие средства.

Монархам приходится иметь дело с соседними державами, со своими женами и детьми, с духовенством, вельможами, дворянством второго ранга, купечеством, простым народом и войском; и отовсюду грозят им опасности, избежать которых можно лишь величайшей осмотрительностью.

Что касается сношений с соседями, на это нет никаких общих правил (настолько бывают разнообразны случаи), кроме одного, всегда пригодного, а именно: государи должны следить, чтобы никто из соседей не становился опаснее, чем раньше (ни путем увеличения своих владений, ни приближением их к чужим границам, ни расширением в своих владениях торговли). Предусмотреть это и этому воспрепятствовать является обычно делом постоянных государственных советов. Во времена триумvirата¹², состоявшего из королей Генриха VIII Английского, Франциска I Французского и императора Карла V, за этим следили так тщательно, что стоило одному из троих завладеть хоть пядью земли, как оба других тотчас восстанавливали равновесие либо посредством союза, либо, в случае надобности, войной; и ни за что не соглашались платить за мир с процентами. Нечто подобное делала и та Лига¹³ (по словам Гвиччардини¹⁴, обеспечившая безопасность Италии), которую создали Фердинанд Неаполитанский и правители Флоренции и Милана Лоренцо Медичи и Лодовико Сфорца. Нельзя согласиться с мнением некоторых схоластов: будто справедливая война возможна лишь как ответ на оскорбление или нападение¹⁵. Не может быть сомнения в том, что обоснованное опасение, хотя бы удар и не был нанесен, является законным поводом к войне.

Что до государевых жен, то тут известны крайне жестокие примеры. Ливия¹⁶ покрыла себя позором, отравив своего супруга; Роксолана¹⁷, жена Солимана, была причиной гибели славного султана Мустафы и нарушила порядок престолонаследия; жена Эдуарда Второго Английского¹⁸ была главной участницей низложения и убийства своего мужа. Наиболее опасны, следовательно, те жены,

¹⁶ Фрэнсис Бэкон

которые составляют заговоры в пользу своих детей, или же те, которые имеют фаворитов.

Из-за детей также немало разыгралось кровавых трагедий; и обычно подозрения отцов, направленные против детей, бывали чреватые бедствиями. Убийство Мустафы, уже нами упоминавшееся, оказалось столь роковым для Солиманова рода, что и по сей день происхождение династии турецкой от Солимана считается сомнительным; ибо Селим Второй¹⁹ был, как говорят, подменен в детстве. Казнь юного Криспа, царевича наредкость кроткого, по велению отца его, Константина Великого²⁰, также была роковой для царского дома; ибо два других его сына, Константин и Констант, погибли насильственной смертью; не лучшая судьба постигла последнего сына царя, Констанция, который, правда, скончался от болезни, но после того как Юлиан пошел на него с оружием в руках. Убийство Деметрия²¹, сына Филиппа Второго Македонского, обратилось против его отца, который умер от раскаяния. Подобных примеров множество; но вряд ли бывало, чтоб отцам пошла впрок подобная подозрительность; кроме разве тех случаев, когда сыновья открыто выступали против них с оружием, как Селим Первый²² против Баязета или трое сыновей Генриха Второго Английского²³.

Надменные и могущественные прелаты также представляют опасность; так было с Ансельмом²⁴ и Томасом Бекетом²⁵, архиепископами кентерберийскими, которые дерзнули померяться своими епископскими посохами с королевским мечом, хоть и имели дело с государями сурового и надменного нрава: Вильгельмом Рыжим, Генрихом Первым и Генрихом Вторым. Однакож сословие это действительно опасно лишь тогда, когда оно зависит от чужеземной власти или же когда духовные лица получают пребенды не от короля или отдельных патронов, но от народа.

Что касается высшего дворянства, то государю следует держать его на почтительном от себя расстоянии; однако подавление его хотя и усиливает абсолютную власть государя, но зато делает положение его менее прочным и лишает его возможности осуществлять многие свои замыслы. Это отметил я в моей истории Генриха Седьмого Английского²⁶, угнетавшего свое дворянство,

отчего произошло в его царствование много смуты и возмущений; ибо дворянство, хотя и оставалось ему покорным, но не помогало в его делах; так что ему поневоле приходилось делать все самому.

Что до дворян второго ранга, то они вследствие своей разрозненности не представляют особой опасности. Порой они ведут дерзкие речи, но в этом нет еще большой беды; к тому же они составляют как бы противовес высшему дворянству, не давая ему слишком усилиться; и, наконец, будучи поставлены непосредственно над простым народом, они всего лучше умеряют народные волнения.

Что до купечества, то это есть *vena porta*²⁷ политического тела; когда оно не процветает, государство может иметь хорошо сформированные члены, но крови в его сосудах мало, и питание недостаточно. Налоги и пошлины на торговлю редко бывают выгодны королевской казне; ибо то, что она соберет по округу, она потеряет по графству; налог на то или другое возрастет, общий же объем торговли верней всего сократится.

Что касается простого народа, то он опасен лишь в двух случаях: когда имеет выдающегося и могущественного вождя, или когда задеты его верования, обычаи или средства к существованию.

Что до войска, то оно опасно, если содержать его крупными частями и приучать к наградам; примеры тому — янычары²⁸ и преторианская гвардия²⁹ Рима; но если обучать и содержать войска в различных местах, подчинив их нескольким военачальникам и не давая подачек, это служит делу обороны и опасности не представляет.

Государи подобны небесным светилам, от расположения которых зависят хорошие или дурные времена; монархам много почестей, но нет покоя. Все наставления государям заключены в следующих двух предостережениях: *Memento quod es homo* и *Memento quod es deus* или *vice dei*³⁰, из коих одно обуздывает их власть, другое же — их волю.

XX. О СОВЕЩАНИЯХ И СОВЕТНИКАХ

Просить совета есть величайшее доверие, какое один человек может оказать другому. Ибо в других случаях мы доверяем лишь часть того, что имеем: землю, имущество, детей, доброе имя или

одно какое-либо дело; но тем, кого избираем мы советниками, вверяется все это вместе; насколько же обязывает это советников к неподкупности и верности. Мудрейшие из государей, полагаясь на советника, не должны почитать это за унижение своего величия или умаление своей мудрости. Сам господь не обошелся без такового; но сделал имя „советника“ одним из имен своего возлюбленного сына¹. А Соломон сказал, что предприятия получают твердость через совещание².

Все дела должны быть так или иначе проверены; если не подвергнуть их проверке в совещании, они будут подвергнуты всем превратностям случая и пойдут неладно и шатко, как ходят пьяные. Сын Соломонов³ на себе испытал все значение совета, необходимость которого постиг еще отец его; ибо избранное богом царство их было впервые разрушено именно дурным советом; и совет этот, в назидание нам, отмечен двумя признаками, обычно отличающими дурные советы, а именно: советники были молоды, а совет призывал к насилию.

Древние воплотили в образах неразрывную связь государей с советниками, равно как и мудрое использование ими советов; первое — в мифе о браке Юпитера с Метидою⁴ (что означает „совет“), то-есть о союзе между монархом и советником; а второе — в последовавших за этим браком событиях, которые были таковы: сочетавшись с Юпитером, Метида (как говорят) зачала от него, но Юпитер не дал ей выносить плод, а пожрал ее, отчего сам забеременел и родил из головы своей вооруженную Палладу. Чудовищная басня эта заключает в себе одну из тайн власти. Она поучает монархов, как надо пользоваться услугами своих государственных советников: сперва передать дело на их рассмотрение (это будет как бы оплодотворением), когда же семя взойдет и плод оформится — не допускать советников до решений и руководства, как если бы это зависело от них, но вновь взять дело в свои руки и показать миру, что окончательные решения (которые за их мощь и мудрость уподоблены вооруженной Палладе) исходят от них самих, и не от одной лишь их власти, но (к вящшей их славе) также и из собственной их головы.

Обратимся теперь к неудобствам совещаний и к способам их избежать. Таких неудобств можно насчитать три: во-первых, разглашение дела, отчего становится оно менее тайным; во-вторых, умаление власти государей и их самостоятельности; в-третьих, опасность неискреннего совета, направленного более ко благу советника, чем того, кому совет предназначен. Для избежания этих неудобств итальянцы придумали, а французы (при некоторых королях) применяли тайные советы; но это лекарство хуже самой болезни⁵.

Что касается тайны, то государи не обязаны верить каждому советнику всего дела целиком; но могут делать из него выборки. Нет также и надобности в том, чтобы спрашивающий совета, как ему следует поступать, объявлял, как он сам намерен поступить; пусть государи остерегаются, чтобы разглашение их тайн не исходило от них самих. А что до тайных советов, их девизом могло бы быть: *Plenus rimagum sum*⁶. Один пустой человек, почитающий заслугою болтовню, больше натворит бед, нежели многие, почитающие своим долгом молчание. Бывают, конечно, дела, требующие полной тайны, которые должны быть известны не более чем одному-двум лицам помимо государя; и нельзя сказать, чтобы подобные совещания не были плодотворны; ибо помимо тайны, они обеспечивают также единство направления, ничем не нарушаемое. Это, однако, возможно лишь при благоразумном монархе, который умеет, так сказать, молоть вручную; а тайные советники также должны быть людьми мудрыми и особо преданными своему государю. Такие порядки были при Генрихе Седьмом Английском, в важнейших делах не доверявшемся никому, кроме Мортон и Фокса⁸.

Что касается умаления монаршей власти, то миф наш указывает средство пособить этой беде. Нет, совещания не только не унижают, а скорее возвеличивают монарха. Никогда еще государь не лишался независимости через своих советников, если только один из них не был вознесен выше меры или несколько из них не составляли чересчур тесного союза, а это легко бывает обнаружить и исправить. Что до последнего неудобства, а именно

склонности людей давать советы, имея в виду собственную свою выгоду, то, несомненно, слова: *non inveniet fidem super terram*⁹, сказаны о дурных временах, но не о каждом человеке в отдельности. Есть люди по природе своей верные, искренние, прямые и честные, без лукавства и двоедушия; их-то и должны прежде всего приближать к себе государи. К тому же не столь уж согласны обычно меж собой советники, чтобы один не следил за другим; так что если кто-либо в советах своих руководится целями личными или групповыми, это обыкновенно доходит до слуха короля. Но всего лучше, чтобы государи знали своих советников столь же хорошо, как те знают их: *Principis est virtus maxima nosse suos*¹⁰.

С другой же стороны, советникам не следует быть излишне любопытными в том, что касается личности монарха. Настоящему советнику подобает лучше разбираться в делах своего господина, нежели в личных его свойствах; ибо тогда он будет давать ему истинные советы, а не потакать его причудам. Государям полезно выслушивать советников и наедине, и сообща. Наедине мнения высказываются более свободно, на людях более почтительно. Наедине человек смелее обнаруживает собственные склонности, на людях скорее подпадает чужим влияниям; поэтому-то и надлежит выслушивать его и так, и этак; причем людей пониже рангом лучше вопрошать наедине, дабы обеспечить им свободу; а высших сановников сообща, дабы воздать им должное уважение. И тщетно стали бы государи спрашивать совета о деле, если при этом они не спрашивают также о лицах; ибо сами по себе все дела подобны безжизненным изваяниям, а пробуждает их к жизни хороший подбор исполнителей.

Недостаточно, однако, совещаться о людях *secundum genera*¹¹, точно об общей идее или математической формуле, решая, какого рода этот человек должен быть; ибо именно в выборе личностей совершаются величайшие ошибки, так же как обнаруживается и наибольшая верность суждения. Истинно сказано, что *optimi consilarii mortui*¹²; ибо книги скажут правду там, где советники не осмелятся. Хорошо поэтому быть в них сведущим; особенно в тех, коих авторы сами были некогда деятельны.

THE
ESSAYES
OR
COUNSELS,
CIVILL AND
MORALL,
OF
FRANCIS LO. VERVLAM,
VISCOVNT S^t. ALBAN.

Newly enlarged.

LONDON,
Printed by Iohn HAVILAND for
HANNA BARRET, and RICHARD
WHITAKER, and are to be sold
at the signe of the Kings head in
Pauls Church-yard. 1625

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ „ОПЫТОВ“

Издание 1625 г.

В наши дни советы большей частью собираются запросто¹³; о делах там скорее беседуют, нежели совещаются, а решения выносятся слишком быстро. Лучше было бы в важных случаях один день отводить на слушание дела и только следующий на решение: *In poste consilium*¹⁴. Именно так делалось в комиссии по объединению Англии и Шотландии¹⁵, которая была учреждением серьезным и чинным. Для подачи просьб советую я отвести особые дни; просители будут тогда надлежащим образом выслушаны, а советникам останется время для государственных дел, чтобы они могли *huc agere*¹⁶. При выборе комиссий, подготовляющих дела для совета, лучше избирать действительно беспристрастных лиц, нежели создавать обстановку беспристрастия введением в комиссию сильных сторонников обеих партий. Следует также учреждать постоянные комиссии: например, по делам торговли, казначейства, по делам военным, судебным, а также по делам некоторых провинций; ибо где имеется ряд отдельных советов и только один государственный (как, например, в Испании), они представляют собою не более как постоянные комиссии; разве лишь с большими полномочиями. Хорошо, если бы лица, которым надлежит давать перед советом показания в качестве знатоков своего дела (как-то:стряпчие, моряки, чеканщики монет и тому подобное), выслушивались сперва в комиссиях, а затем уже, в случае надобности, выступали перед советом. И пусть не приходят толпами или с громогласными требованиями; это оглушит совет, вместо того, чтобы осведомить. Ставить ли в совете длинный стол, или квадратный, или же стулья вдоль стен — все это кажется пустыми вопросами, на деле же имеет существенное значение; ибо за длинным столом все дела вершат немногие, сидящие на верхнем его конце; тогда как при другой форме стола и ниже сидящие имеют случай высказать свое мнение. А монарх, заседая в совете, пусть остерегается обнаружить, куда склоняется он сам; иначе советники поплывут по ветру и вместо свободного выражения своих мнений запоют *Placebo*¹⁷.

XXII. О ХИТРОСТИ

Хитрость считаем мы как бы искаженной мудростью. Поистине велико различие между хитрым и мудрым, и не в одной лишь честности, но и в способностях. Иные отлично подтасовывают, а в игре неискусны. Есть мастера сколачивать группы и клики, но во всем прочем люди нестоящие.

И опять-таки, одно дело разбираться в людях, другое — разбираться в делах; много есть искусников разгадывать людские причуды, не очень-то пригодных для настоящего дела; это большей частью те, кто прилежнее изучал людей, нежели книги. Такие более годятся для выполнения, чем для совета; и хороши лишь на своем поле; а стоит свести их с новыми людьми, как от их меткости не остается следа; так что старое правило, чтобы отличить мудреца от глупца: *Mitte ambos nudos ad ignotos, et videbis*¹ для них навряд ли годится. Хитрецы эти подобны мелким торговцам, а потому нелишне сделать ревизию их товару. Так, например, хитрость велит следить глазами за собеседником; таково и правило иезуитов; ибо многие мудрые люди на словах скрытны, а лицом откровенны; но делать это надлежит украдкой, смиренно опустивши глаза; так именно и делают иезуиты.

Другая уловка, когда чего-либо хотят добиться, состоит в том, чтобы отвлечь собеседника другим предметом беседы, дабы он не успел найти возражений. Я знавал одного секретаря и советника², который никогда не подавал королеве Елизавете Английской биллей на подпись без того, чтобы не завести сперва речь о других делах государства, не давая ей размышлять над биллями.

Подобным образом застичь врасплох можно также предложив решение дела, когда тот, кто должен решить его, спешит и не может его обдумать.

Если кто желает помешать делу, которое другой мог бы быстро и успешно довести до конца, пусть притворится доброжелателем и сам поведет дело, но так, чтобы оно расстроилось.

Если внезапно оборвать речь, словно спохватившись, что

сказал лишнее, это распаляет собеседника желанием узнать поболее.

И всегда лучше представить дело так, будто вынужден отвечать на расспросы, но не сам что-либо сообщая; а к расспросам можно побудить, приняв необычное для себя выражение, с тем, чтобы быть спрошену о причине такой перемены; так было с Неемией: „И я взял вино и подал царю; и казалось, не был печален перед ним. Но царь сказал мне: отчего лицо твое печально?..“³.

В делах щекотливых и неприятных хорошо сломать лед с помощью какого-либо незначительного лица, а затем, как бы случайно, появиться самому и только подтвердить его сообщение, как это сделал Нарцисс, сообщая Клавдию о бракосочетании Мессалины с Силием⁴.

О делах, где сам не хочешь казаться участником, хитрость велит говорить от лица всего света, в таких, например, выражениях: „Люди говорят...“ или же „Прошел слух...“.

Я знавал одного, который в письмах своих наиболее важное помещал в виде приписки, словно это не касалось к делу.

Знавал я и такого, который в речах своих допускал то, что всего более хотел сказать, и продолжал речь, а потом возвращался и говорил о главном так, словно уже готов был о нем позабыть.

Иной намеренно дает застичь себя будто врасплох, выбрав время, когда тот, кому ловушка назначена, всего вероятнее может явиться, и предстает перед ним с письмом в руке или за каким-либо необычным занятием, чтобы начали его расспрашивать о том, что он и сам желал бы высказать.

И еще есть уловка у хитрости: обронить слово с тем, чтобы другой его подобрал и использовал; самому же извлечь из этого выгоду. Во времена королевы Елизаветы я знал двоих⁵, которые оба добивались должности секретаря, однакож вели меж собою дружбу и совещались друг с другом об этом деле; и вот один из них сказал однажды, что быть секретарем „при упадке монархии“ дело щекотливое и ему не по душе. Второй тотчас эти

слова подхватил и сообщил нескольким приятелям, что ему нет причины желать секретарской должности „при упадке монархии“. Первый этим воспользовался и сумел довести до сведения королевы; а та, услышав об „упадке монархии“, так этим была обижена, что не пожелала более и слышать о втором соискателе.

Есть род хитрости, заключающийся в том, чтобы „свалить с больной головы на здоровую“; то-есть собственные слова приписать другому. И по правде сказать, когда дело происходит наедине, нелегко распознать, от кого все началось и пошло.

Есть еще род косвенного обвинения, когда человек делает вид, что хочет всего-навсего оправдаться, но при этом как бы говорит: А вот я не таков. Это сделал Тигеллин в отношении Бурра, когда заявил, что *Se non diversas spes, sed incolumitatem imperatoris simpliciter spectare*⁶. Иные имеют наготове столько всяких рассказней, что любой нужный им намек преподнесут в виде целой истории; это помогает им соблюсти осторожность, а другим — охотнее выслушать.

А есть и еще недурная уловка, состоящая в том, чтобы в самой просьбе уже подсказать желаемый ответ в нужных словах; ибо это облегчает труд тому, от кого ответ зависит.

Диву даешься, как долго иной может дожидаться минуты, чтобы высказать то, что хочет, и как далеко в сторону он уклоняется, и сколько переберет всяких других дел, покуда доберется до нужного. Терпения тут надобно много, зато и польза бывает большая.

Внезапный и дерзкий вопрос нередко может ошеломить и обезоружить. Так было с неким человеком, который, живя под чужим именем, прогуливался в соборе св. Павла⁷, когда кто-то неожиданно окликнул его по-старому и заставил обернуться.

Нет числа подобным уловкам и мелким проделкам хитрости. Кто составит им список, сделает благое дело; ибо ничто так не вредит государству, как если хитрые сходят за мудрых. Есть, однако, среди них такие, кто знает ходы и выходы, но не умеет проникнуть в суть дела; как бывают дома, где удобны сени и лестницы, но нет ни одной хорошей комнаты. Такие ловко умеют

показать себя в каком-нибудь деле, уже завершеном, но отнюдь неспособны взвешивать и обсуждать. А между тем, они часто извлекают пользу из неспособности и хотят слыть руководящими умами. Иные строят свои расчеты более на том, чтобы чернить других и, как мы теперь говорим, „подставлять им ножку“, нежели на правильности собственных действий. Но, как говорит Соломон: *Prudens advertit ad gressus suos; stultus divertit ad dolos*⁸.

XXIII. О СЕБЯЛЮБИВОЙ МУДРОСТИ

Муравей сам по себе существо мудрое; но в саду или огороде он вреден. Точно так же люди чрезмерно себялюбивые вредят обществу. Избери разумную середину между себялюбием и общественным долгом; будь верен себе настолько, чтобы не оказаться вероломным в отношении других, в особенности же государя и родины. Собственная особа — жалкая цель для человеческих стремлений и всецело земная; ибо одна лишь земля прочно стоит на собственном центре¹; тогда как все тела, имеющие сродство с небесами, движутся вокруг других тел, принося им пользу. Привычка все возводить к своей особе более терпима в монархе, ибо он есть не просто он, и от участи его зависит благоденствие общества. Но в подданном монарха или гражданине республики это — черта гнусная. Какое дело ни поручи такому, он его подчинит своим интересам, которые, разумеется, зачастую не совпадают с интересами его государя или государства. Поэтому пусть государи и государства ищут себе слуг, не наделенных своекорыстием, если не хотят, чтобы служба была для них на последнем месте. Что особенно пагубно по своим следствиям, это — утрата всякой меры. Несоразмерно уж и то, что благо слуги ставится выше блага его господина, но еще хуже, когда собственное ничтожное благо слуга предпочитает величайшему благу господина; а ведь так именно и поступают дурные чиновники, казначеи, послы, военачальники и другие вероломные и продажные слуги, пускающие шар по кривой² собственных целей и страстишек, на гибель важнейшим предприятиям господина. При

этом извлекаемая ими выгода большей частью подстать их собственному ничтожеству, тогда как ущерб, коим покупают они эту выгоду, соразмерен с высоким жребием их господина. Эти крайние себялюбцы готовы сжечь дом, лишь бы зажарить себе яичницу; и, однакож, такие люди нередко в чести у своих господ, ибо стараются лишь об их удовольствии и собственной выгоде и ради обеих этих целей готовы пренебречь подлинными интересами дела.

Себялюбивая мудрость гнусна во всех видах своих. Это мудрость крыс, покидающих дом, которому суждено завалиться; мудрость лисы, выгоняющей барсука из вырытой им норы; мудрость крокодила, проливающего слезы перед тем как пожрать свою жертву. Заметим, однакож, что те, кого Цицерон, говоря о Помпее, назвал *sui amantes, sine rivali*³, бывают зачастую несчастны; всем пожертвовав самим себе, они, наконец, сами становятся жертвами непостоянства фортуны, которую в себялюбивой мудрости своей думали пригвоздить к месту.

XXIV. О НОВШЕСТВАХ

Как детеныши живых существ при рождении уродливы, таковы и все новшества — детища времени. Но подобно тому как первый, кто прославит свой род, обычно превосходит достоинствами большую часть потомков, так и достоинства первого установления (когда оно хорошо) редко бывают достигнуты позднейшими порядками; ибо зло (более свойственное порочной природе человека) имеет наибольшую длительность; но добро, как побуждение не столь естественное, наибольшую силу имеет поначалу. Каждое лекарство есть новшество, а кто не хочет применять новые средства, должен ждать новых бед; ибо время есть величайший из новаторов; и если время в своем течении изменяет вещи к худшему, а мудрость и совет не станут изменять их к лучшему, к чему это приведет? Правда, что вошло в обычай, быть может и дурно, зато ладно пригнуто одно к другому; что долго было вместе, пришло между собой как бы в некое согласие; тогда как

новое не так-то легко приладить; оно хоть и приносит пользу, но смущает своей новизною. Подобно чужеземцам, оно вызывает более удивления, нежели любви.

Все это было бы верно, если бы время стояло на месте: но оно, напротив того, движется так быстро, что упрямое пристрастие к раз установленному обычаю вносит не меньше смуты, чем новшество; и кто чрезмерно чтит старину, становится в новое время посмешищем.

Поэтому хорошо бы людям, вводя новшества, брать пример с самого времени, которое производит поистине великие перемены, но исподволь и едва заметно; ибо иначе все новое будет неожиданным. И всегда новшество одним на-руку, а другим на беду; и тот, кому от него польза, считает его за благо и восхваляет времена, а кому ущерб, считает за зло и клянет виновника.

Не следует также решаться на новые опыты в государствах, кроме случаев крайней необходимости или очевидной пользы; и надо непременно удостовериться, что именно преобразования повлекут за собой перемены, а не жажда перемен служит предлогом к преобразованию. И, наконец, не отвергая вовсе новшеств, все же следует брать их под подозрение. Как говорит писание: „... Остановитесь на путях своих, и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему“¹.

XXV. О РАСПОРЯДИТЕЛЬНОСТИ

Ничего нет опаснее для успеха дела, нежели показная распорядительность. Она подобна тому, что именуется у врачей несварением; а это всегда наполняет организм неусвоенной пищей и тайными зародышами болезней. Поэтому распорядительность в делах надобно мерить не краткостью совещаний, а тем, насколько подвинулось дело. Как на скачках наиболее резвы оказываются не те лошади, которые выше всего выбрасывают ноги, так и здесь быстрота достигается не тем, чтобы захватывать сразу помногу, а чтобы держаться ближе к делу. Иные заботятся только о том, как бы отделаться поскорее и лишь по видимости привести дело

к концу, дабы показать себя людьми распорядительными. Но одно дело сберечь время умелым сокращением хлопот, другое — прерывать работу прежде времени; а если это проделывать на нескольких совещаниях, это будет все равно, что делать один шаг вперед, а другой назад.

Я знавал одного мудрого человека, который при виде чрезмерной поспешности, любил говорить: „Повременим, чтобы скорее кончить“.

С другой же стороны, подлинная быстрота поистине благодатна. Ибо дело измеряется временем, как товар — деньгами; и где нет быстроты, там дело обходится дорого. Спартанцы и испанцы известны своей медлительностью: „*Mi venga la muerte de Spagna*“ — „Пусть смерть моя идет из Испании“; ибо тогда она наверняка промедлит.

Терпеливо выслушивай тех, кто доставляет первые сведения, и старайся верно направить их речь с самого начала, а не прерывать на середине; ибо кто потерял нить мысли, будет топтаться на месте и более наскучит попытками вспомнить, что он хотел сказать, чем наскучил бы, если бы дать ему волю. А то иной раз вопрошающий вносит более беспорядка, чем вопрошаемый.

Повторения являются обычно потерей времени; но ничто так не сберегает время, как повторное изложение сути вопроса; ибо оно предотвращает множество не идущих к делу речей. Пространные и цветистые речи столь же способствуют быстроте, сколь мантия с длинным шлейфом удобна при беге. Предисловия, отступления, оговорки и иные способы сослаться на говорящего — все это чистая трата времени; и хотя по видимости они вызваны скромностью, по существу являются похвалюбою. Остерегайся, однакож, и сразу переходить к делу, если слушатели что-либо имеют против него; чтобы устранить предубеждение, нужны некоторые околичности, как нужны умягчительные припарки перед втиранием мази.

Секрет подлинной быстроты заключается в порядке, в распределении обязанностей и в расчленении разбираемого вопроса, если только членение это не слишком сложно. Не расчленяя,

невозможно вникнуть в дело, а расчлняя чрезмерно, невозможно его распутать.

Выбрать время, — значит сберечь время; а что сделано несвоевременно, сделано понапрасну. Всякое дело слагается из трех частей: подготовки, обсуждения или рассмотрения и завершения. Если кто желает быстроты, пусть лишь среднюю часть поручает многим, первую же и последнюю доверяет немногим. Обсуждение по заранее написанному плану большей частью способствует быстроте; ибо если даже план этот будет отвергнут, такое отрицание больше содержит положительных указаний, чем неопределенность, подобно тому, как пепел плодотворнее пыли.

XXVIII. О РАСХОДАХ

Богатства существуют, чтобы их тратить, а траты — чтобы делать добро и этим снискать честь. Поэтому чрезвычайные расходы должны быть соразмерны важности случая; добровольный отказ от своего достояния бывает нужен не только для спасения души, но и на благо отечества. Обычные же расходы надобно соразмерять с достатком, не допуская расхищения имущества слугами, и производя траты наиболее выгодным образом, так, чтобы счета были в действительности меньше, чем можно подумывать со стороны. Кто не хочет уменьшения своего состояния, должен тратить не более половины своего дохода; а кто желает приумножить его — не более трети. Самым важным особам не зазорно входить в подобные дела самолично. Некоторые уклоняются от этого не из одной лишь небрежности, но боясь огорчиться, увидя свое состояние расстроеным. Но нельзя исцелить рану, не исследуя ее. А кто уж никак не может сам управлять своим именем, должен хорошо выбирать управителей и почаще их сменять, пока они еще робки и не понаторели в плутнях. Кто может заниматься своим именем лишь изредка, тому следует завести во всем неизменный порядок.

Кто много тратит на один какой-либо предмет, должен быть столь же бережлив в другом. Так, например, если кто много расходует на стол, пусть будет бережлив в одежде; если любит

пышную обстановку, пусть меньше держит лошадей, и тому подобное. Ибо кто расточителен во всем, тот вряд ли избежит разорения.

При продаже имения для расплаты с долгами так же легко повредить себе поспешностью, как и медлительностью. Ибо поспешная продажа обычно так же невыгодна, как заем под проценты. К тому же кто сразу расплачивается со всеми долгами, в скорости делает новые, ибо выйдя из затруднения, возвращается к прежним привычкам. А кто расплачивается мало-помалу, приучается к бережливости, что полезно и для имущества и для нравственности. Кто хочет поправить свое состояние, тот не должен пренебрегать мелочами. Не стыдно сокращать мелкие расходы; стыдно унизиться до мелкого стяжания. Долговременную статью расхода надо вводить осмотрительно, а если речь идет об одном разе, тут можно быть щедрей.

XXIX. ОБ ИСТИННОМ ВЕЛИЧИИ КОРОЛЕВСТВ И РЕСПУБЛИК¹

Слова афинянина Фемистокла, в отношении его самого высокомерные, в более общем смысле оказываются, однако, мудрым суждением и наблюдением. Когда на празднестве попросили его сыграть на лютне, он сказал, что „бренчать не умеет, зато может сделать из малого городка великий город“². Эти слова (если употребить их в переносном смысле) могут выражать два рода способностей у тех, кто вершит дела государства. Сделав смотр сановникам и министрам, мы найдем (хотя и в малом числе) таких, что могут сделать из малого государства великое, но не умеют бренчать, а с другой стороны — великое множество таких, которые бренчат весьма искусно, но отнюдь не сумели бы сделать малое государство великим, ибо одарены талантом как раз противоположным: уменьем великую и цветущую страну довести до упадка и разорения. Поистине, презренные уловки и хитрости, какими многие советники и министры приобретают и милость своего господина, и расположение толпы, не заслуживают лучшего названия, чем бренчанье, ибо доставляют краткое удоволь-

¹ Фрэнсис Бэкон

ствие, а их самих выставляют в приятном свете, но отнюдь не направлены ко благу и процветанию государства, которому они служат. Существуют, без сомнения, и такие сановники и министры, которые справляются с делами (*negotiiis pares*)³, умеют обходить пропасти и наиболее явные затруднения, но однакож неспособны приумножить мощь и богатство страны. Но каковы бы ни были деятели, обратимся к самому делу, то-есть к истинному величию королевств и республик и к способам достичь такового. Предмет, достойный внимания великих и мощных государей; дабы они, переоценив свои силы, не тратили их попусту на предприятия неосуществимые, а с другой стороны, недооценивая их, не поддавались советам робких и малодушных.

Величина страны может быть измерена, богатства и доходы ее — исчислены, число жителей — установлено по переписи, число и размеры городов и местечек — определены по картам и планам; и однакож ни в чем нельзя так легко ошибиться, как в истинной оценке и верном суждении относительно мощи государства. Царство небесное уподоблено писанием не какому-либо крупному зерну, а горчишному зернышку⁴ — одному из мельчайших, но наделенному свойством быстро распространяться. Так и государства бывают обширны, но неспособны расширяться или повелевать, или же, напротив, малы по размерам, но способны стать основой великой монархии.

Укрепленные города, большие запасы вооружения в арсеналах, хорошие породы коней, боевые колесницы, слоны, пушки и тому подобное — все это может оказаться лишь овцой в львиной шкуре, если нет при этом мужественного и воинственного народа. Самая численность армий не много значит там, где народу недостает мужества; ибо, как говорит Вергилий, „волку безразлична численность овец“⁵. Армия персов в долине Арбелы⁶ была столь многочисленна, что военачальники Александра, смутившись этим, стали просить его выступить против врага ночью. Но он ответил, что не хочет красть победу — и победа оказалась легкой. Когда армянин Тигран⁷, расположившись на холме со своим войском в четыреста тысяч человек, увидел войско римлян, в котором

едва насчитывалось четырнадцать тысяч, он возликовал и сказал: „Их слишком много для посольства, но слишком мало для битвы“. А между тем, не успело зайти солнце, как он убедился, что их было достаточно, чтобы рассеять его армию с огромными потерями. Много можно привести примеров, когда численность отнюдь не соответствовала мужеству; поэтому с достоверностью можно утверждать, что для величия государства необходим прежде всего воинственный народ.

Нельзя также, согласно ходячей поговорке, считать деньги мускулами войны там, где дряблы мускулы бойцов и народ изнежен. Хорошо ответил Солон Крезу, когда тот хвастал перед ним своим золотом: „Государь мой, достаточно притти кому-нибудь с лучшим, чем у вас, железом, и он овладеет всем этим золотом“⁸. Пусть, поэтому, государи и государства трезво оценивают свои силы, если только их ополчение не состоит из храбрых бойцов; с другой стороны, пусть государи, имеющие воинственных подданных, сознают свою мощь, ибо иначе они не воздают себе должного. Что же касается наемников (на которых в таких случаях рассчитывают), то опыт неизменно показывает, что, полагаясь на них, государи и государства могут на время опереться, но очень скоро начинают линять.

Никогда не соединятся воедино дары, назначенные Иуде и Иссахару; никогда один и тот же народ не бывает одновременно и молодым львом, и ослом, падающим под бременем ноши⁹; никогда народу, обремененному податями, не быть воинственным и храбрым. Правда, что налоги, взимаемые с согласия народа, не так ослабляют его мужество; примером тому могут служить пошлины в Нидерландах¹⁰ и, до известной степени, субсидии в Англии¹¹. Заметьте, что речь идет у нас сейчас не о кошельке, а о сердце. Подать, взимаемая с согласия народа или без такового, может быть одинакова для кошельков, но неодинаково ее действие на дух народа. Заключение отсюда, что ни один народ, отягченный податями, не способен повелевать другими.

Пусть государства, стремящиеся к могуществу, не дают слишком расплодиться знати и дворянству; ибо простой народ стано-

вится при этом тупым и забитым и работает только на господ. Нечто подобное бывает с лесными посадками: если саженцы слишком густы, никогда не получим мы чистого подлеска, а один лишь кустарник. Так и в стране: если слишком много дворян, простой народ вырождается, и дело может дойти до того, что из сотни не наберется и одного, годного к военной службе, особенно в пехоту; а ведь это главный нерв армии; вот и получится, что людей будет много, а силы мало. Нигде не сказалось это с такой ясностью, как при сравнении Англии и Франции; значительно уступая в размерах и в численности населения, Англия показала, однакож, свое превосходство; и все потому, что английский средний класс поставляет добрых бойцов, а французское крестьянство — нет. Мудрым и достойным восхищения был статут короля Генриха Седьмого¹² (о чем я говорю подробно в истории его жизни), установивший размеры ферм и земельных участков, с тем расчетом, чтобы земля обеспечила подданному довольство и независимость, и за плугом ходил бы сам владелец его, а не наемный батрак. Так достигается то процветание, какое Вергилий приписывает древней Италии: *Terra potens armis atque ubere glebae*¹³.

Не следует пренебрегать и тем сословием, которое, сколько мне известно, существует только в Англии, да еще, пожалуй, в Польше; а именно, сословие свободных слуг при дворянах и знати; эти на бранном поле отнюдь не уступают йоменам; поэтому обычай широкого гостеприимства и роскошных, многочисленных свит у вельмож и дворянства, несомненно, немало способствует военной мощи; и напротив, уединенный и замкнутый образ жизни дворянства порождает недостаток войск.

Не должно щадить никаких усилий, чтобы ствол Навуходонорова древа¹⁴ монархии был достаточно мощным для поддержания его ветвей и листьев — иначе говоря, чтобы число коренных подданных короны или республики было в надлежащем соотношении с числом иноземцев, находящихся у них в подчинении. Поэтому все государства, легко принимающие в подданство иноземцев, способны стать мощными державами; ибо трудно надеяться,

чтобы горсточка людей, сколь бы ни были они отважны и умелы, могла удерживать обширные владения; это может удаваться до поры до времени, но окончится внезапным крушением. Спартанцы проявляли в отношении чужеземцев большую разборчивость, отчего и были сильны лишь пока держались в своих границах, а когда распространились, и ветви стали слишком тяжелы для ствола, то и сломились от первого ветра. Ни одно государство не принимало чужеземцев в свое лоно так охотно, как римское; потому-то оно и выросло в величайшую монархию.

У римлян было в обычае давать права гражданства (называемые ими *jus civitatis*), причем самые полные, включавшие не только *jus commercii*, *jus connubii*, *jus haereditatis*¹⁵, но и *jus suffragii* и *jus honorum*¹⁶ — и не только отдельным лицам, но и целым семьям, городам, а иногда и народам. Прибавим к этому их обычай основывать колонии, благодаря которому римские корни укреплялись в чужой земле. Сопоставив эти два обычая, мы можем сказать, что не римляне раскинулись по миру, а мир перед ними раскинулся; а это и было верным путем к достижению величия. Не раз дивился я, глядя как Испания удерживает столь обширные владения с таким малым числом коренных испанцев; но уж конечно ствол испанский куда мощнее, чем были Рим или Спарта; и к тому же, если нет у них широкой раздачи прав гражданства, зато есть нечто весьма к этому близкое, а именно: обычай принимать все почти без различия народности в свою армию в качестве рядовых, а иногда и на высшие должности; впрочем, сейчас они, повидимому, ощутили недостаток коренного населения, как видно из недавно обнародованной Прагматической санкции¹⁷.

Несомненно, сидячая жизнь и тонкие ремесла (требующие скорее ловкости в пальцах, нежели силы в руках) по природе своей противоположны воинственному духу; а все воинственные народы обычно несколько склонны к праздности, и опасности предпочитают труду; да и не должны быть к нему чрезмерно принуждаемы, если надобно сберечь их силу. Поэтому большим преимуществом древних государств — Спарты, Афин, Рима и других — был труд рабов, которые обычно и занимались подобными

ремеслами. Это, однако, христианским законом почти повсеместно отменено. Остается в таком случае предоставить эти ремесла чужеземцам (коих для этого надлежит с большей легкостью принимать в свою среду), а коренным жителям простого звания оставить три занятия: хлебопашество, услужение по найму и те ремесла, кои воспитывают силу и мужество, как-то: кузнечное и плотничье дело, ремесло каменщика и др., не считая ремесла воинского.

Но что всего важнее для создания мощной державы, это чтобы воинское дело стало у народа главной его честью и основной заботой; ибо все указанное выше будет лишь подготовкою к достижению военной мощи; а что значит подготовка, если нет самого намерения и выполнения его? Как гласит история или легенда, Ромул¹⁸, умирая, завещал римлянам превыше всего ценить воинское искусство, и тогда, сказал он, станут они величайшей державою мира. В Спарте государственный строй был полностью (хотя и неразумно) подчинен той же цели; на один краткий миг господствовала она у персов и македонян; на некоторое время — у галлов, германцев, готов, саксов, норманнов и других; у турок она существует по сей день, хотя и клонится к упадку. В христианской Европе имеется она в сущности у одних лишь испанцев. Человек всего более преуспевает в том, чему всего усерднее предается; положение это настолько бесспорно, что останавливаться на нем долее нет нужды; довольно будет на него указать. Ни один народ, если он не занимается воинским искусством, не вправе ждать, чтобы величие свалилось на него с небес; а с другой стороны, очевидно, что те нации, кои долгое время в нем упражняются (как, например, Рим или Турция), творят чудеса; и даже там, где оно процветало лишь временно, обычно достигалось величие, сохранявшееся долго спустя, когда воинское искусство уже приходило в упадок.

Заметим кстати, что государству надлежит иметь такие законы и обычаи, которые предоставляли бы справедливые (или могущие быть названы таковыми) поводы к войне; ибо люди, по врожденному чувству справедливости, не вступают в войну (отчего про-

исходит множество бедствий), если нет к тому хоть сколько-нибудь благовидных предлогов. У турок таким удобным предлогом к войне служит распространение их веры; этот предлог всегда у них под рукою. Римляне хотя и ставили расширение границ империи в заслугу своим полководцам, когда они это свершали, однакож никогда не довольствовались одним этим предлогом, чтобы начать войну. Итак, пусть нации, стремящиеся к величию, будут, во-первых, чувствительны к обидам, кому бы они ни были нанесены — порубежным жителям, купцам или министрам, и не сносят бесчестье безропотно; во-вторых, пусть постоянно будут готовы не медля притти на помощь союзникам. Это всегда соблюдалось Римом; так что когда союзник его имел договоры также и с другими государствами и при вражеском вторжении обращался за помощью к каждому из них, римляне всегда опережали других и этой чести никому не уступали. Что же касается войн, некогда ведшихся в интересах какой-либо партии или из стремления навязать повсюду свой строй, то им трудно найти оправдание. Такова была война римлян за свободу Греции¹⁹, войны лакедемонян и афинян за создание или свержение демократий и олигархий²⁰; или когда войны велись иноземцами под предлогом защиты или борьбы за справедливость, ради освобождения чужих подданных из-под ига тиранов, и тому подобное. Довольно будет сказать, что ни одно государство не может стать великим, если не готово вооружиться по каждому справедливому поводу.

Нет здоровья без упражнения; этого требует организм, как человеческий, так и политический. А лучшим упражнением для государства служит справедливая и почетная война. Гражданская война — та действительно подобна горячке; но война с иноземцами если и горячит, то лишь как упражнение, способствующее здоровью. Ибо периоды мирной лени несут с собою утрату мужества и испорченность нравов. Как бы там ни было для благополучия, для величия державы готовность к войне есть бесспорное преимущество. Именно мощь постоянной армии (хотя это и немалый расход) заставляет всех соседей слушаться или, по крайней мере, прислушиваться, как это мы видим на примере Испании,

где постоянная армия существует вот уже много десятилетий подряд.

Господство на морях имеет для королевства первостепенное значение. Цицерон, когда писал Аттику о планах Помпея против Цезаря, говорил: *Consilium Pompeii plane Themistocleum est; putat enim, qui mari potitur, eum rerum potiri*²¹; и Помпей, конечно, взял бы Цезаря измором, если бы самонадеянно не отказался от своего плана. Морские битвы имеют, как мы знаем, важные следствия. Битва при Акции²² решила, кому владеть миром. Лепантский бой²³ положил конец величию Турции. Много есть примеров, когда морские битвы решали исход войны; но это бывает, если государь или государство возлагают на них все свои надежды. Одно, во всяком случае, верно: господствующий над морем действует с полной свободой и распоряжается войной по своему усмотрению; тогда как имеющие перевес на суше, часто, несмотря на это, попадают в беду. В нынешней Европе преимущества, даваемые силой на морях (ценнейшим наследием, доставшимся нашему британскому королевству), поистине велики — как потому, что большинство государств Европы имеет главным образом морские, а не внутренние границы, так и потому, что господство на морях дает свободный доступ к сокровищам обеих Индий.

По сравнению с той славой и честью, какие доставались воинам древности, войны нового времени ведутся словно в потемках. Для поощрения воинской доблести есть у нас, правда, ордена различных степеней, коими, однакоже, награждаются без разбору как воины, так и не видавшие боя. Иногда память о победе бывает увековечена в гербе. Есть также госпитали для изувеченных воинов и еще кое-что. Между тем в древности все воодушевляло людей: и трофеи, устанавливаемые на месте победы; и надгробные речи и памятники павшим в бою; и увенчание победителей лавровым венком; и титул „императора“, впоследствии заимствованный величайшими монархами мира; и триумфальные встречи вернувшихся полководцев; и щедрые дары воинам, распускаемым по домам; а всего более — обычай триумфа, который был у римлян не пустой мишурою, но одним из мудрейших и благороднейших

установлений, ибо включал в себя три вещи: почести полководцу, прибыль казне из военной добычи и награды войскам. Правда, обычай этот пожалуй непригоден для монархий; разве что почести воздаются самому монарху или его сыновьям. Так и случилось во времена римских императоров, присвоивших право на триумф себе и своим сыновьям, когда войны вели они сами, и оставивших подданным лишь знаки отличия и торжественные облачения.

В заключение скажем: никто не в силах „прибавить себе росту хотя на один локоть“²⁴, если речь идет о росте человека; иное дело королевства или республики — там государь или правительство могут и увеличить, и возвеличить свою державу; ибо с помощью тех законов, обычаев и установлений, о которых мы говорили, могут быть заложены основы величия для преемников и потомства.

А между тем это обычно не делается, но предоставляется случаю.

XXXI. О ПОДОЗРЕНИИ

Подозрения разнятся от прочих мыслей, как совы от птиц: тем, что летают в потемках. Их надлежит подавлять, или хотя бы подчинять; ибо они омрачают ум, ссорят с друзьями и служат помехой успешному течению дел; государей они располагают к тирании, мужей к ревности, а в мудрых рождают уныние и нерешимость. Подозрения зарождаются не в сердцах, а в умах; ибо им подвержены и смельчаки, каков был, например, Генрих Седьмой Английский¹; не было человека подозрительней его, но не было и смелее; таким натурам подозрения не страшны — ибо обычно не допускаются, покуда не выяснена их основательность — но натурами робкими могут завладеть целиком.

Подозрения всего обильнее там, где скудны точные сведения. Поэтому надлежит избавляться от подозрений, стараясь узнать побольше, а не держать их про себя. Чего же надобно людям? Уж не думают ли они, что имеют дело со святыми? Ужели предполагают, что у других нет собственных целей, коим служат они всего усердней? Всего лучше, поэтому, умерять подозрения, помня, что они могут быть справедливы, и, вместе, надеясь, что

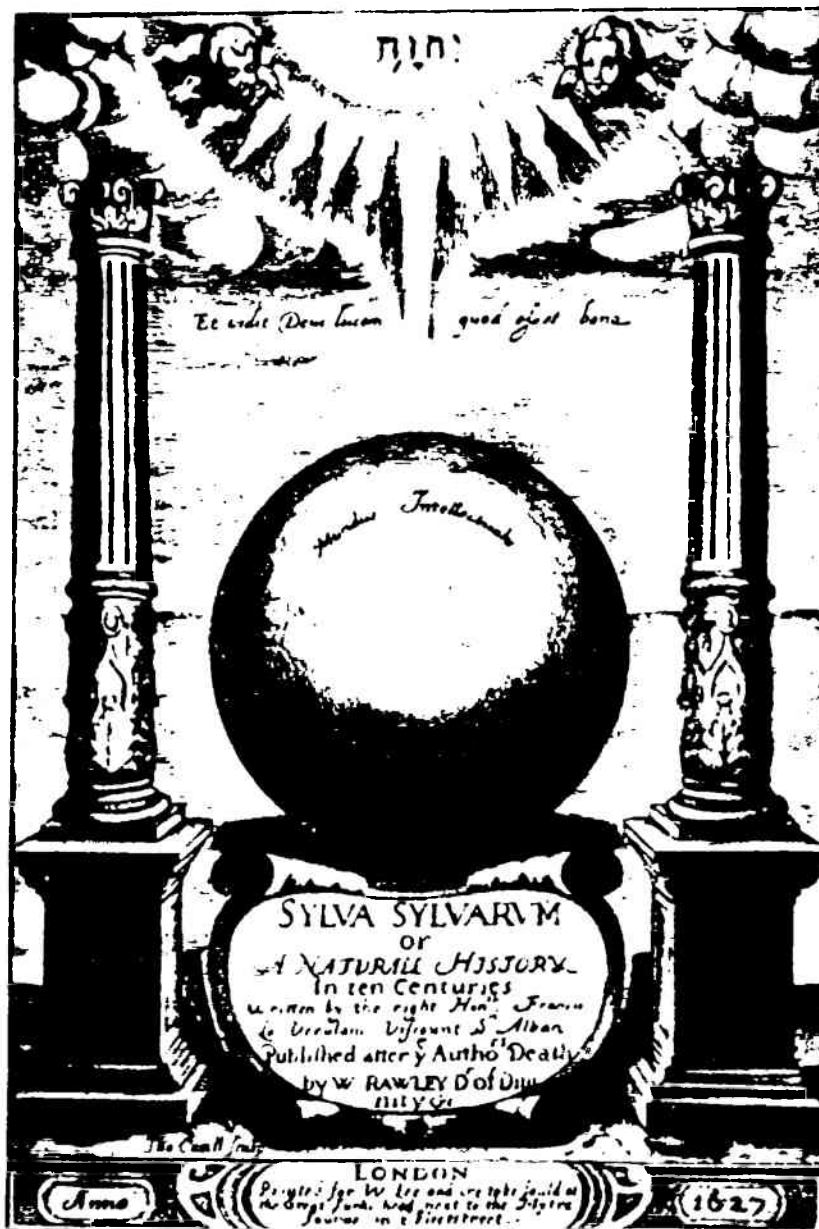
они ложны; другими словами, из подозрений надлежит извлекать пользу ровно настолько, чтобы быть защищенным на случай, если они оправдаются. Подозрения, рождающиеся сами собою, подобны праздно жужжащим шмелям; но подозрения, вскормленные искусственно и внушенные чужим нашептыванием, имеют ядовитое жало. Чтобы прорубить дорогу в лесу подозрений, лучше всего откровенно поделиться ими с подозреваемым; ибо при этом сам наверняка лучше будешь знать, основательны ли твои подозрения, а он остережется впредь подавать к ним повод. Этот способ, однакож, не годится, когда имеешь дело с людьми низкими; ибо такие, однажды увидев себя подозреваемыми, никогда уж не будут верны. *Sospetto licentia fede*², гласит итальянская поговорка; то-есть подозрение как бы освобождает подозреваемого от долга верности. А между тем, оно должно было бы, напротив, побуждать к доказательствам верности.

XXXIII. О КОЛОНИЯХ¹

Колонии принадлежат к числу предприятий древних и героических. Когда мир был молод, он плодил больше детей²; теперь, состарившись, он плодит их меньше; ибо колонии можно поистине считать детищами старых государств. Мне более по душе поселение на безлюдных пространствах, где нет надобности сгонять с земли одних, чтобы поселить других. Иначе мы имеем скорее выселение, чем поселение.

Колонизация стран подобна насаждению лесов; ибо при этом приходится отказаться от прибылей лет на двадцать и пожать плоды трудов своих лишь спустя долгое время. Самым пагубным для большей части колоний было низкое и алчное стремление извлекать из них барыши с первых же лет. Разумеется, что и скорой прибылью пренебрегать не годится, но лишь поскольку она совместима с благом колонии, не более.

Постыдно и греховно заселять колонию отбросами общества и преступниками; это и для колонии пагубно; ибо подобные люди остаются негодьями и вместо работы предаются лени и

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ „SYLVA SYLVARUM“, ИЛИ „ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ“ БАКОНА,
где впервые после его смерти напечатана была
„Новая Атлантида“ (1627 г.)

бесчинствам, поглощают припасы, а вскоре, наскучив всем этим, сообщают на родину ложные вести, порочащие колонию.

Населять колонию надлежит садоводами, пахарями, кузнецами, плотниками, столярами, рыбаками, охотниками, а к ним добавить врачей, поваров и пекарей.

При основании колонии удостоверьтесь прежде всего, какими природными продуктами она изобилует, как-то: каштаны, орехи, ананасы, оливки, финики, сливы, вишни, дикий мед и тому подобное. Затем прикиньте, какие быстрорастущие злаки можно там вырастить за один год, как, например: пастернак, репу, морковь, лук, редис, земляную грушу, маис и другие. Что до пшеницы, ячменя и овса, то они требуют чересчур много труда; а вот бобы и горох можно для начала посеять; ибо ухода им надобно меньше, а сытностью они не уступают хлебу и мясу. Питателен также рис, дающий к тому же обильные урожаи.

Но прежде всего надлежит ввезти запас сухарей, овсяной крупы, муки и прочего, чтобы хватило до нового хлеба. Из животных и птиц берите больше такие породы, чтобы не подвержены были болезням и быстро плодились, как-то: свиней, коз, петухов, кур, индюшек, гусей, голубей и других.

Расходовать припасы в колониях следует осмотрительно, почти что как в осажденном городе. И пусть большая часть земель под огородами и хлебами будет в общественном пользовании, а урожаи с них собираются в общественный склад, чтобы потом равномерно распределяться; не считая участков, отведенных в личное пользование.

Поразмыслите также, какие из местных продуктов могут быть предметом торговли и давать прибыль, дабы сколько-нибудь окупить первоначальные расходы; но только, как уже было сказано, без ущерба для главного дела, как это было в Виргинии с табаком³.

Лес обычно имеется, и даже в избытке; пусть он и будет одной из доходных статей. Если есть железная руда и потоки, пригодные для водяных колес, то, при обилии леса, выгодно добывать железо.

Хорошо также выпаривать соль, если этому благоприятствует климат. Выгодно производство растительного шелка (*Sericum vegetabile*), где таковой имеется. В местах, изобилующих сосной и елью, верную прибыль сулит добывание смолы и вара. Весьма прибыльны лекарственные и благовонные растения, а также сода и многие другие предметы. Не следует только чересчур много рыться в земле; ибо рудничные предприятия не сулят верной прибыли, а между тем заставляют колонистов пренебрегать другими делами. Что до управления, то пусть оно будет в руках одного человека, а при нем чтобы был совет; и пусть управление будет военным, хотя и с некоторыми ограничениями. И пусть пребывание в пустыне прежде всего послужит обращению помыслов человеческих к богу.

Пусть правитель колонии не подчиняется чрезмерно большому числу советников и предпринимателей в метрополии, а лишь ограниченному числу, и скорее знатым и дворянам, нежели купцам; ибо эти последние заботятся всего более о немедленных барышах. Пусть колония торгует беспошлинно, пока не окрепнет, и даже более того: пусть свободно вывозит свои товары куда ей выгодно — разве только будут особые причины ограничить ее в этом.

Не обременяйте колонии, засылая непрерывно одну партию поселенцев за другою; узнавайте, какова там убыль, и посылайте пополнение в меру надобности, так чтобы поселенцы жили привольно и не терпели ни в чем нужды вследствие тесноты.

Случалось, что поселения гибли оттого, что их основывали по берегу моря и рек, в местах топких и нездоровых. Поэтому, если и селиться там для начала, ради удобства перевозок, то распространяться затем надлежит вглубь страны, но не вдоль рек. Для здоровья поселенцев важно также иметь достаточный запас соли, дабы употреблять ее в пищу сколько надобно.

Если поблизости есть туземцы, то недостаточно одаривать их побрякушками; надобно обходиться с ними справедливо и приветливо, соблюдая, однакож, должную осторожность. Не стремитесь приобрести их расположение, помогая им завоевывать земли врагов, но единственно лишь защищая их; и почаще посылайте

их в метрополию, чтобы они наблюдали там порядки, более совершенные, чем их собственные, а вернувшись, хвалили их.

Когда поселение окрепнет, пора поселять там женщин, а не одних лишь мужчин — дабы поселенцы могли множиться, а не пополняться беспрестанно извне.

И нет тяжелее греха, как покинуть на волю судеб однажды основанную колонию; не говоря уже о бесчестье, это означает верную гибель многих невинных.

XXXIV. О БОГАТСТВЕ

Не могу назвать богатство иначе как обузой добродетели, а еще более подходит ему латинское слово *impedimenta*¹. Ибо богатство для добродетели то же, что обоз для армии: без него не обойтись, нельзя также и бросить его, но он затрудняет движение, а забота о нем стóит подчас победы.

В большом богатстве нет иной пользы, кроме возможности раздавать его; остальное же все — суета. Как говорит Соломон: „Умножается имущество, умножаются и потребляющие его; и какое благо для владеющего им, разве только смотреть своими глазами“². Никто не может из больших богатств извлечь много для себя лично. Можно быть их хранителем, можно раздавать их, можно тщеславно ослеплять ими, но в чем истинная польза их для самого владельца? А дутые цены на камушки и редкости, или пышные здания, возводимые напоказ, — разве не для того все это, чтобы найти большим богатствам хоть какое-то применение? Вы скажете, что они могут пригодиться на то, чтобы выручить людей из беды или опасности; говорит же Соломон: „Имение богатого — крепкий город его, и как высокая ограда в его воображении“³. Но недаром сказано, что это — в воображении, а отнюдь не всегда на деле; ибо большое богатство гораздо чаще губит, нежели выручает.

Не стремись к чванным богатствам, но лишь к таким, какие можешь приобрести честно, тратить благоразумно, раздавать от души и оставить без сожалений. С другой стороны, не питай к ним философского или монашеского презрения, но умей различить тех, кто, как Рабирий Постум (по удачному выражению

Цицерона), *In studio rei amplificandae, apparebat, non avaritiae praedam, sed instrumentum bonitati quaeri*⁴. Прислушайся также к словам Соломона и остерегайся поспешного накопления: *Qui festinat ad divitias, non erit insons*⁵. Поэты сочинили, будто Плутос (то-есть богатство) хром и медлителен, когда его посылает Юпитер, но быстроног, когда послан Плутоном. Это означает, что богатство, добытое правыми путями и честным трудом, приходит медленно; а когда достается с чьей-нибудь смертью (по наследству, завещанию и тому подобное), то сваливается внезапно. Но можно также толковать Плутона как Дьявола; ибо когда богатство достается от Дьявола (мошенничеством, вымогательством и всякими неправыми путями), оно летит как на крыльях.

Способов обогатиться существует много, и большей частью гнусных. Из них скупость является одним из лучших; но и этот способ нельзя считать невинным, ибо он препятствует щедротам и милосердию. Наиболее естественный путь к богатству лежит через увеличение плодородия почвы; ибо это есть дар земли, великой Матери нашей; но это способ медленный. И все же, когда люди с большими капиталами берутся за сельское хозяйство, это чрезвычайно умножает их богатства. Я знавал в Англии вельможу, имевшего больше доходов, чем любой из моих современников; были у него и пастбища, и овцы, и лес, и зерно, и каменноугольные копи, и свинцовые и железные рудники, и еще многое другое. Земля была для него словно океаном, откуда вылавливал он все новые ценности. И правильно заметил некто, что нажить малые деньги ему было трудно, а большие — легко; ибо когда у человека запасено столько, что он может дожидаться самой высокой цены, заключать такие крупные сделки, которые не многим под силу, и пользоваться плодами усердия более мелких дельцов — он непременно богатеет все более.

Обычный доход от торговли и ремесла есть доход честный, приумножаемый двумя путями: прилежным трудом и славою честного дельца. Более сомнительны барыши от выгодных сделок: когда пользуются чужим несчастьем, действуют через подставных лиц, хитростью отделяются от менее выгодных покупателей.

или пускаются на другие бесчестные проделки. Что касается посредничества, когда товар покупается не для себя, а для перепродажи, то здесь обычно наживаются и на продавце, и на покупателе. Хорошим средством обогащения являются товарищества, если иметь дело с людьми надежными. Ростовщичество есть наиболее верный способ разбогатеть, но один из гнуснейших; ибо ростовщик ест свой хлеб *in sudore vultus alieni*⁶ и, к тому же, не соблюдает дня субботнего. Однако, как ни надежен этот путь, а и на нем есть свои тернии; ибо посредники ради собственной выгоды могут поручиться за людей несостоятельных.

Кому выпадет на долю опередить других в каком-нибудь открытии или привилегии, может иной раз нажить несметные богатства; как это было с первым, кто стал добывать сахар на Канарских островах. Так что, если человек окажется подлинно искусным в логике и сумеет одновременно проявить и изобретательность, и здравый смысл, ему суждены большие дела, особенно когда времена этому благоприятствуют. Кто ищет одних лишь верных прибылей, навряд ли станет очень богат; а кто вкладывает все имущество в рискованные предприятия, зачастую разоряется и впадает в нищету; поэтому надлежит сочетать риск с известным обеспечением на случай убытков. Верным путем к обогащению являются также монополии и исключительное право скупки товара, когда они ничем не ограничены; особенно, если располагать сведениями насчет будущего спроса и заготовиться этим товаром заранее.

Богатство, приобретенное службою, хотя и наиболее почетно, однако же, когда добыто лестью, угождением и иными рабскими услугами, может быть причислено и к наиболее постыдным. Что же касается охоты за завещаниями и должностью душеприказчика (как делал это Сенека, по словам Тацита: *Testamenta et orbos, tanquam indagine capi*⁷), это и того хуже; ибо тут приходится угождать более недостойным людям, нежели при исполнении службы.

Не слишком верь тем, кто заявляет о своем презрении к богатству; ибо презирают его те, кто отчаялся его добыть; и нет их хуже, когда случится им вдруг разбогатеть.

Не будь копеечником. У богатства есть крылья⁸; иногда оно улетает само; иногда же приходится пустить его в далекий полет, чтобы оно привлекло еще большее богатство.

Богатство оставляют либо родичам, либо обществу; в обоих случаях умеренные доли больше идут впрок. Наследник, получивший большое состояние, — приманка для всех окрестных хищников, если только он годами и разумом не является более обычного зрелым. Точно так же роскошные дары и пожертвования обществу подобны жертвоприношениям без соли или гробам повапленным, в которых даяние скоро обращается в прах и тлен. Поэтому меряй дары свои не количественной мерою, но сообразуй с надобностью; и не откладывай даяний до смертного часа; ибо, если поразмыслить, человек, поступающий так, щедр уже более за чужой счет, нежели за собственный.

XXXV. О ПРОРОЧЕСТВАХ

Здесь я намерен говорить не о божественных прорицаниях; и не об оракулах язычников; и не о прогнозах, касающихся явлений природы; но именно о пророчествах, хорошо всем памятных и, однакож, необъяснимых.

Так, пророчица говорит Саулу:

„Завтра ты и сын твой будут со мною“¹. У Гомера мы находим следующие стихи:

At domus Æнеæ cunctis dominabitur oris,
Et nati natorum, et qui nascentur ab illis²,

что, повидимому, является пророчеством об образовании Римской империи.

В трагедиях Сенеки встречаются стихи:

Venient annis
Sæcula seris, quibus Oceanus
Vincula rerum laxet, et ingens
Pateat Tellus, Tiphysque novos
Detegat orbis; nec sit terris
Ultima Thule³.

Здесь предсказано открытие Америки. Дочь Поликрата увидела во сне, будто отца ее омывал Юпитер и осушал Аполлон⁴; так и случилось: он был распят на открытом месте, где тело его, выставленное на солнце, обливалось потом и обмывалось дождями. Филипп Македонский⁵ увидел во сне, что запечатал печатью чрево жены своей, и истолковал это как пророчество об ее бесплодии, но гадатель Аристандр сказал ему, что, напротив, жена его беременна, ибо порожних сосудов не запечатывают. Тень, явившаяся Бруту в его палатке, вещала ему: *Philippis iterum me videbis*⁶. Тиберий сказал Гальбе: *Tu quoque, Galba, degustabis imperium*⁷. Во времена Веспасиана на Востоке было в ходу пророчество о том, что владычество над миром достанется выходцу из Иудеи. Тацит отнес это к Веспасиану⁸, хотя это может быть пророчеством о спасителе. Домициану, в ночь накануне его убийства, привиделось, будто из шеи его выросла золотая голова⁹; и действительно, эпоха его наследников была золотым веком. Генрих Шестой Английский сказал о Генрихе Седьмом, когда тот, будучи еще мальчиком, подал ему воды: „Этому мальчику достанется корона, за которую мы боремся“¹⁰. В бытность мою во Франции¹¹ я слышал от некоего доктора Пэна, что королева-мать¹², верившая в астрологию, приказала, под вымышленным именем, составить гороскоп короля, своего супруга, а астролог заключил из него, что он будет убит на дуэли;¹³ этому королева много смеялась, полагая, что высокое положение ее супруга ограждает его от дуэлей; однакож он был убит на турнире обломками копья графа Монтгомери, которые вонзились ему под забрало. Во времена моего детства, когда королева Елизавета была в расцвете лет, в большом ходу было следующее предсказание:

„Как выйдет вся пенька,
Так и Англии конец“.

Это толковали так: после царствования государей, чьи имена составляют слово „пенька“¹⁴, в Англии настанет величайшая смута; однако, благодарение богу, дело ограничилось изменением в титуле короля, который именуется ныне королем не Англии, а Велико-

британии. Перед 88-м годом ходило еще одно пророчество, не вполне мне понятное:

Будет день, и беда к нам придет:
Между Бау и Мэй подойдет
Черный Норвегии флот.
Но когда он воротится вспять,
Будешь, Англия, прочно стоять,
Не придется во век воевать.

Это почиталось за предсказание об испанском флоте, приплывшем в 88-м году¹⁵, ибо король испанский носит, как говорят, прозвище „Норвегия“.

Пророчество Региомонтана: *Octogessimus octavus mirabilis annus*¹⁶ также считалось сбывшимся, когда явился к нам этот огромный флот, если не численностью, то мощью превосходивший все, когда-либо посылавшееся в море.

Что касается до сна Клеона¹⁷, то я его считаю шуткой. Ему приснилось, будто его пожирает предлинный дракон; на этом основании он получил прозвище „колбасник“, что причинило ему величайшее огорчение.

Число подобных пророчеств весьма велико, особенно если добавить сюда сны и предсказания астрологов. Я здесь указал, для примера, лишь некоторые из известнейших. По моему мнению, все они заслуживают презрения и годятся разве вместо сказок, какими коротают зимний вечер у очага. Впрочем, советуя презирать их, я хочу только сказать, что они не заслуживают веры; появлением их и распространением пренебрегать нельзя; ибо они причиняют много вреда, и существует немало законов, коими они строго караются¹⁸. А причин их распространения можно указать три. Во-первых, людям свойственно замечать лишь те предсказания, которые сбываются; так же бывает у них и со снами. Во-вторых, смутные предания или догадки подчас облекаются в форму пророчеств, ибо человеку свойственно стремление предугадывать будущее и, следовательно, умозаключения обращать в предсказания. Так было со стихами Сенеки¹⁹. Ибо тогда уже было известно, что земная поверхность простирается далеко за Атлантику,

а значит, там может быть и суша. Вспомним также предание, рассказанное Платоном в „Тимее“, и его „Атлантика“²⁰; все это могло побудить поэта обратиться эти сведения в предсказание.

Последняя и главная причина состоит в том, что почти все эти бесчисленные пророчества суть не что иное, как обман, порождения праздных или лукавых умов, сочиненные уже после события²¹.

XXXVI. О ЧЕСТОЛЮБИИ

Честолюбие подобно желчи; присутствие этой влаги способствует в людях живости, проворству и рвению к делам, если не преграждать ей выхода; в противном же случае она перегорает, обращаясь в губительный яд. Так же точно и с честолюбцами: если путь перед ними открыт, они заняты делом и не опасны; но встретив преграду своим стремлениям, преисполняются тайного недовольства, со злобою взирают на все и вся и особенно радуются, когда что-либо движется вспять; а это — худшее качество для слуги государя или государства; поэтому государям, если имеют на службе у себя честолюбцев, надлежит стараться, чтобы они были на стороне прогресса, а не застоя; а раз это неизбежно сопряжено с трудностями, то лучше и вовсе таких людей не брать; ибо они, если не смогут возвыситься на своей службе, приложат старания, чтобы службу уркнуть вместе с собою.

Но коль скоро мы сказали, что не следует прибегать к услугам честолюбцев, кроме как в случае необходимости, надлежит указать, в каких именно случаях они необходимы. Так, например, нельзя обойтись без даровитых полководцев, как бы ни были они честолюбивы; ибо заслуги их искупают все прочее; к тому же без честолюбия воин все равно, что без шпор. Велика также польза честолюбца, когда надо государю заслониться от опасности или зависти; ибо на такую роль никто не отважится, если не подобен ослепленной птице¹, которая взлетает все выше и выше потому, что не видит ничего вокруг себя. Честолюбцы могут пригодиться и тогда, когда надобно сокрушить мощь какого-либо подданного,

чрезмерно возвысившегося; так, Макрон² пригодился Тиберию для расправы над Сёяном.

Поскольку в указанных случаях приходится пользоваться честолюбцами, остается сказать, каким образом держать их в узде, дабы сделать менее опасными. Честолюбцы менее опасны, если они низкого происхождения, а не знатного; если они сурового нрава, а не приветливы и любимы народом; и если возвысились недавно и не постигли еще всех хитрых способов укрепить свое положение. Иметь любимцев почитается некоторыми за признак слабости в государе; а между тем это наилучшее средство против мощных честолюбцев; ибо когда милость и немилость находятся в руках любимца, невозможно никому другому чрезмерно возвыситься. Есть и еще средство обуздывать их, а именно: противопоставить им других, столь же надменных; но тогда, для равновесия, необходим еще советник, ибо без такого балласта корабль государственный подвергнется чересчур сильной качке. И еще государь может держать наготове нескольких человек, менее крупного калибра, чтобы при случае натравить их на честолюбцев.

А если держать честолюбцев под угрозой опалы, оно, быть может, и неплохо для тех, кто робкого нрава; но тех, кто поотважней, заставит поспешить с их замыслами и может оказаться опасным. А если требуется их сокрушить, но сделать это внезапно было бы неосторожностью, остается одно: непрерывно чередовать милости и немилости, чтобы они не знали, чего ожидать, и были словно в лесу. В честолюбии безвредней тот вид его, который состоит в стремлении побеждать в больших делах, а не в попытках поспеть всюду; ибо это рождает путаницу и портит дело; и все же пусть лучше честолюбец набирает себе много дела, чем много сторонников. Кто стремится занять почетное место среди людей способных, ставит себе трудную задачу, но всегда это на благо обществу; а вот кто замышляет быть единственной фигурой среди пешек, тот — позор для своего времени.

Высокие почести заключают в себе три блага: возможность делать добро, близость к государю и важным особам и собственное возвышение человека. Кто в честолюбивых устремлениях

своих преследует лучшую из этих целей, тот честный человек; а кто из государей умеет эти цели распознать — тот мудрый государь. Вообще же государям и правителям надлежит избирать себе в министры тех, кто помышляет более о долге, чем о возвышении, и дело свое любит от души, а не напоказ; а также отличать суетливость от подлинного рвения.

XXXVIII. О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ

Природа в человеке часто бывает сокрыта, иногда — подавлена, но редко истреблена. Принуждение заставляет природу жестоко мстить за себя, поучения смиряют несколько ее порывы, но только привычка может ее переделать и покорить.

Кто стремится победить в себе природу, пусть не ставит себе ни чрезмерно трудных, ни слишком легких задач; ибо в первом случае будет удручен частыми неудачами, а во втором слишком мало сделает успехов, хотя побеждать будет часто. И пусть вначале облегчает себе дело, подобно пловцу, прибегающему к пузырям или камышевым связкам; а немного погодя пусть ставит себя, напротив, в трудные условия, как делают танцоры, упражняясь в тяжелых башмаках; ибо для полного совершенства надо, чтоб подготовка была трудней самого дела.

Где природа могущественна, и победа, следовательно, трудна, первым шагом к ней должно быть умение во-время обуздать свой порыв (так некоторые, желая остудить гнев, повторяют про себя азбуку); затем следует себя ограничить (так, отучаясь от вина, переходят от заздравных кубков к одному глотку за едою); а там и совсем оставить свою привычку. Но если хватает у человека стойкости и решимости покончить с ней разом, это всего лучше:

*Optimus ille animi vindex, laedentia pectus
Vincula qui rupit, dedoluitque semel¹.*

Может пригодиться и старое правило: гнуть природу в противоположную сторону, чтобы тем самым выпрямить; но это лишь тогда, разумеется, когда противоположная крайность не будет пороком.

Пусть никто не понуждает себя к чему-либо непрерывно, но дает себе передышку; ибо она позволяет набраться сил для новых попыток; а кроме того, если человек, не утвердившись еще в новых правилах, беспрестанно себя упражняет, он заодно с хорошими упражняет и дурные свои свойства, укрепляя в себе к ним привычку; и помочь тут можно лишь своевременной передышкой.

И пусть никто не верит вполне победе своей над природою; ибо природа может долгое время не давать о себе знать и вновь ожить при случае или соблазне; как это было с эзоповой девицей², превращенной из кошки в женщину; уж на что она чинно сидела за столом, пока не пробежала мимо нее мышь. А потому пусть человек либо вовсе избегает соблазна, либо почаще ему подвергается, дабы стать к нему нечувствительным.

Природу человека всего легче обнаружить в уединении, ибо тут он сбрасывает с себя все показное; в порыве страсти, ибо тогда забывает он свои правила; а также в новых обстоятельствах, ибо здесь покидает его сила привычки.

Счастливы те, чья природа находится в согласии с их занятиями; иначе они могут сказать: *Multum incola fuit anima mea*³, когда вынуждены заниматься вещами, к которым не питают склонности. Занимаясь науками, пусть человек назначает часы тому, к чему себя понуждает; а для того, что согласно с его природою, пусть не заботится отводить особое время; ибо мысли его и сами будут к этому обращаться, насколько позволят другие дела и занятия.

В каждом человеке природа всходит либо злаками, либо сорной травой; пусть же он своевременно поливает первые и истребляет вторую.

XXXIX. О ПРИВЫЧКЕ И ВОСПИТАНИИ

Люди думают сообразно природным склонностям; говорят сообразно познаниям и внушенным мнениям; но поступают они сообразно привычке. Поэтому верно замечает Маккиавелли¹ (хоть и гнусный выбирает при этом пример), что нельзя доверять ни силе природы, ни силе красноречия, если к ним не присоединяется еще и привычка. А пример его состоит в том, что для успеха

кровавого заговора не следует полагаться ни на врожденную свирепость, ни на выражения решимости, но выбирать непременно такого, кто уже однажды обагрил свои руки кровью; правда, Маккиавелли не знал ни брата Клемана², ни Равальяка³, ни Жорегги⁴, ни Балтазара Жерара⁵; правило его, однакож, остается в силе: ни природа, ни словесные обязательства не имеют той власти, что привычка. Но только суеверие сделало ныне такие успехи⁶, что и новички выказывают не меньшую твердость, чем закоренелый убийца, и даже в кровавом деле обет сделался равносильным привычке. Во всем прочем привычка царит повсеместно; так что диву даешься, слыша, как люди уверяют, заверяют, обязуются, громко клянутся, а затем поступают точно так, как и раньше, словно все они — мертвые истуканы, приводимые в движение одним лишь механизмом привычки.

Хорошо известно также, к чему ведет тирания обычая⁷. Индийцы (я разумею здесь касту их мудрецов), обрешив себя в жертву, спокойно всходят на костер, и даже жены их стремятся быть сожженными вместе с телами мужей. Юноши древней Спарты, не дрогнув, подвергали себя бичеванию на алтаре Дианы. Помнится, в начале царствования Елизаветы Английской один осужденный ирландский мятежник просил наместника, чтобы его удавили не веревкою, но ивовой лозою, ибо так именно поступали с мятежниками прежде него⁸. А в России бывает, что монахи из покаяния просиживают всю ночь в бочке с водой, покуда совсем не обледенеют⁹.

Можно привести еще множество примеров всемогущей власти привычки и обычая над телами и душами; и коль скоро обычай является главным управителем человеческой жизни, то и надлежит все силы устремить к установлению хороших обычаев.

Привычка всего прочнее, когда берет начало в юных годах; это называем мы воспитанием, которое есть в сущности не что иное, как рано сложившиеся привычки. Смолоду и язык, при обучении чужим наречиям, послушней воспроизводит звуки, и суставы гибче в движениях и упражнениях; а запоздалый ученик уже не может всего перенять, если только не принадлежит к тем умам,

кои не поддались окостенению, но сохранили восприимчивость и готовность совершенствоваться; что встречается крайне редко.

Но если такова сила привычки у отдельных людей, еще гораздо могущественней сила обычая среди людских масс; ибо тут человек наставляем примером, ободряем товариществом, побуждаем соревнованием и награждаем одобрением; так что сила обычая имеет здесь наиболее благоприятные для себя условия. Нет сомнения, что всеобщее распространение добродетели зависит от хорошего устройства общества; ибо республики и хорошие правительства лелеют добродетель уже созревшую, не оказывая заметного воздействия на семена ее. Но в том-то и беда, что наиболее действенные средства направлены в наши дни к целям, наименее желательным.

XLI. О РОСТОВЩИЧЕСТВЕ¹

Много было сказано против ростовщичества. Говорили, что не подобает отдавать дьяволу божью долю, то-есть десятину; что никто более ростовщика не нарушает дня субботнего, ибо он работает и по праздникам; что ростовщик и есть тот трутень, о котором сказано у Вергилия: *Ignavum fucos pecus a praesepibus arcent*²; что ростовщик нарушает первый закон, данный человечеству после грехопадения, а именно *in sudore vultus tui comedes panem tuum*, а не *in sudore vultus alieni*³; что ростовщику подобает желтый колпак, ибо он жидовствует; что противоестественно, чтобы деньги рождали деньги — и тому подобное. Я же скажу только, что ростовщичество есть *concessum propter duritiam cordis*⁴; ибо раз уж должны быть на свете займодавцы и должники, а люди столь жестокосерды, что не хотят ссужать безвозмездно, то ростовщичество должно быть дозволено. Кое-кто предлагал хитроумные предосторожности по части банков, установления несостоятельности и тому подобного. Но мало кто говорил о ростовщичестве дельно. Нам следует, поэтому, обозреть дурные и хорошие его стороны, дабы взвесить или отделить хорошее, и действовать осмотрительно, чтобы, стремясь к лучшему, не притти к худшему.

Дурным следствием ростовщичества является, во-первых, то, что оно уменьшает число купцов. Не будь этого паразитического промысла, деньги не лежали бы втуне, а большей частью оплодотворяли торговлю, которая есть *vena porta*⁵ богатства народного. Во-вторых, ростовщичество обедняет купцов. Как у земледельца дела идут хуже, когда он платит большую аренду, так и у купца хуже идет торговля, если он занимает под большие проценты. Третье неудобство проистекает из первых двух и заключается в уменьшении доходов правительств и государей от таможенных пошлин; ибо доходы эти зависимы от торговли. Четвертое состоит в том, что богатства страны скопляются в немногих руках. Ибо доходы ростовщика надежны, все же другие подвержены случайностям; так что в конце игры большая часть денег остается в его кубышке; а между тем для процветания страны надобно более равномерное распределение богатств. Пятое неудобство состоит в том, что ростовщичество понижает цены на землю; ибо главное применение денег заключается в купле-продаже; ростовщичество же препятствует тому и другому. Шестым является застой во всех промыслах, нововведениях и изобретениях, куда притекали бы деньги, если бы не эта помеха.

И, наконец, ростовщичество является губительной язвой для множества частных состояний, а это со временем истощает и самое государство.

С другой стороны, ростовщичество имеет и свои выгоды. Во-первых, хотя оно кое в чем и затрудняет торговлю, зато в других отношениях благоприятствует ей; ибо известно, что торговля ведется большей частью молодыми купцами, которые берут займы под проценты; так что если ростовщик возьмет свои деньги назад или откажет в них, это может повести к застою в торговле. Во-вторых, не будь возможности легко занять под проценты, люди платились бы за свои траты разорением; ибо были бы вынуждены продавать имущество (как движимое, так и недвижимое) за бесценок; ростовщичество подтачивает их состояния исподволь, а тут они сразу пошли бы ко дну. Что до ипотек, то они мало помогают против этого зла; ибо ненужных залогов

никто не возьмет, а ценные всякий захочет присвоить за неуплату. Помню одного жестокосердого богача, который всегда говорил: чорт бы побрал этих ростовщиков; они отбивают у нас все барыши от просроченных закладных. В-третьих, тщетно было бы искать охотников ссужать без процентов; а ограничение ссуд повлекло бы за собой неудобства неисчислимые. Вот почему все толки об уничтожении ростовщичества являются праздными. Всегда и всюду оно было, не в одном виде, так в другом. Так что с этим замыслом надо отправляться в Утопию.

Поговорим лучше о том, как удержать ростовщичество в должных границах, как устранить его неудобства и сохранить выгоды. Взвесивши первые и вторые, мы убедимся, что необходимы две вещи. С одной стороны, следует подпилить зубы ростовщику, дабы ослабить его хватку; с другой — побудить денежных людей ссужать свои деньги купцам ради оживления торговли. А этого нельзя добиться, если не ввести двух различных ссудных процентов — меньшего и большего. Ибо если установить единый низкий процент, это облегчит долю обычного должника, зато купцу трудно будет найти где занять денег. А между тем торговля, будучи делом наиболее прибыльным, не то, что другие, может выдержать более высокий ссудный процент.

Итак, чтобы достичь обеих целей, надлежит установить два процента. Один — доступный и общий для всех; другой — по особому разрешению, для некоторых лиц и только в главных торговых городах. Пусть общий процент будет снижен до пяти; пусть он будет повсеместно дозволен и государственными пошлинами не облагается. Это не даст иссякнуть кредиту, облегчит долю бесчисленных должников, и немало повысит цены на землю, ибо земля, которая покупается на шестнадцать лет, приносит шесть со ста и даже несколько более, тогда как такая ссуда приносит всего пять. По той же причине это поощрит промышленность и выгодные усовершенствования; ибо многие скорее вложат деньги во что-либо подобное, нежели согласятся ссужать из пяти процентов, особенно будучи привычны получать больше. Далее, пусть некоторым лицам будет дозволено ссужать известных купцов из

большого процента, но с соблюдением следующих предосторожностей: пусть и этот процент для купцов будет несколько ниже того, что им приходилось платить ранее, ибо тогда преобразование принесет облегчение всем должникам, будь то купец или кто другой. Пусть не будет банка и общей кассы, но пусть каждый сам распоряжается своими деньгами. Не то, чтобы я совсем не признавал банков, но их вряд ли будут терпеть, ибо доверия к ним нет. Пусть государство требует себе небольшую долю за предоставляемое разрешение, а остальное идет займодавцу. Ибо если процент будет снижен незначительно, это ничуть его не охладит. Кто ранее брал десять или двадцать процентов, тот скорее удовольствуется восемью, нежели вовсе откажется от ростовщичества и верным прибылям предпочтет неверные. Число таких разрешений нет надобности определять заранее; но выдавать их следует лишь в наиболее крупных торговых городах; ибо тогда они едва ли окажут действие на ссудный процент по всей стране; и разрешение взимать девять процентов не уничтожит общей нормы в пять процентов; ибо никто не станет одалживать своих денег далеко или в неизвестные руки.

Если кто возразит, что это явится как бы поощрением ростовщичества, которое сейчас в иных местах едва терпят, то мы ответим, что лучше умерить ростовщичество, признав его открыто, нежели дать ему полную волю, потворствуя ему втайне.

XLVII. ОБ ИСКУССТВЕ ПЕРЕГОВОРОВ

Переговоры лучше вести устно, нежели письменно, и лучше через посредников, чем самому. Письма хороши в тех случаях, когда надобно добиться письменного же ответа; или когда само это письмо может впоследствии послужить оправдательным документом; или когда есть опасение, что тебя прервут или подслушают. Вести дела самому хорошо, когда одним своим видом внушаешь почтение; например, с людьми низшими; или же в случаях щекотливых, когда надобно руководствоваться выражением лица

собеседника, чтобы чувствовать, не зашел ли ты слишком далеко; или когда хочешь оставить за собою возможность отступить от сказанного или перетолковать его.

При выборе посредников следует отдавать предпочтение людям попроще, которые выполняют поручение и дадут о нем точный отчет; а не таких, что из чужого дела ухитряются извлечь для себя честь и ради этого не прочь его приукрасить.

Выбирать надо людей, имеющих склонность к поручаемому делу, ибо это немало его ускоряет; а также подходящих для него, как-то: смелых для выражения негодования; обходительных для уговоров; хитрых для наблюдения и выведывания; упрямых и неговорчивых для дел неправых.

Следует также искать таких, которые уже ранее были удачливы в поручаемых им делах; ибо это рождает в них уверенность и желание поддержать лестное о себе мнение.

При переговорах лучше начинать издалека, нежели сразу приступать к делу; если только не хочешь захватить собеседника врасплох неожиданным вопросом.

Лучше иметь дело с неудовлетворенным честолюбцем, нежели с тем, кто уже достиг желаемого. Если речь идет о взаимном выполнении условий, все дело в том, чьи условия будут выполнены первыми; а этого никто не может требовать; разве только условия сами по себе таковы, что должны быть выполнены раньше, или человек сумел убедить другого, что еще пригодится ему в будущем, или, наконец, считается более честным.

Все переговоры имеют целью выявить человека или воздействовать на него. Люди открываются из доверчивости, или в порыве страсти; или будучи застигнуты врасплох; или же поневоле, когда им надо чего-либо добиться, а приличный предлог не находится. Если хочешь воздействовать на кого-либо — надо знать его натуру и склонности, чтобы подчинить его; или его цели, чтобы убедить его; или его слабые места, чтобы застрашать его; или же тех, кто имеет на него влияние, чтобы руководить им через них. Когда имеешь дело с хитрецами, надо при истолковании их речей не упускать из виду их цели; с такими лучше говорить мало и

говорить такое, чего они менее всего ожидают. В трудных делах нельзя ожидать немедленных результатов; следует подготавливать их и давать им созреть постепенно.

XLVIII. О ПРИБЛИЖЕННЫХ И ДРУЗЬЯХ

Свита не должна обходиться дорого; иначе, удлиняя хвост, укоротишь себе крылья. Дорогими считаю я не только тех, кто обременяет кошелек, но и тех, кто докучает просьбами. Обычные приближенные должны довольствоваться поддержкой, покровительством и защитой от обидчиков. Еще хуже приближенные-интриганы, побуждаемые не привязанностью к тому, при ком состоят, но недовольством против кого-либо другого; откуда и возникает обычно рознь, часто наблюдаемая между вельможами. Множество неудобств причиняют и приближенные-хвастуны, повсюду трубящие славу своим покровителям; ибо они вредят делу неумением хранить его в тайне; чести при этом убывает, а завистников прибывает. Опасен и тот приближенный, который, на деле будучи соглядатаем, стремится выведать домашние тайны и пересказать их другим; и однакож такой часто бывает в большой милости, ибо кажется весьма услужливым; а между тем разносит сплетни в обе стороны.

Свита из людей известного сословия, соответственно положению самого вельможи (как, например, свита из солдат при бывшем военачальнике и тому подобное), всегда считалась весьма пристойной и позволялась даже при монархиях, лишь бы не было при этом излишней пышности и поисков популярности. Наиболее почетна та свита, какую составляет себе человек, стремящийся покровительствовать добродетели и достоинствам в людях любого сословия; и все же, где нет чрезмерного различия в способностях, лучше приблизить к себе посредственных, нежели даровитых. К тому же, если говорить откровенно, в наш испорченный век деятельные люди полезнее добродетельных.

На государственной службе к людям одного звания лучше относиться одинаково: ибо чрезмерно отличать кого-либо значит

сделать его дерзким, а остальных — недовольными; ведь и они могут потребовать свою долю. Напротив того, при оказании милостей лучше поступать с большим разбором; ибо в этом случае обласканные будут признательнее, а остальные усердней; ведь на то и милость. Неразумно оказывать одному человеку слишком много милостей сразу, ибо тогда их хватает ненадолго. Опасно идти, как говорится, на поводу у одного любимца; это указывает на слабость и дает волю сплетням и пересудам; ибо те, кто не решился бы порочить самого человека, будут смело злословить о его любимце, а тем самым бесчестить и его. Но еще хуже находиться во власти нескольких лиц; ибо от этого человек становится переменчив и послушен последнему наговору.

Советоваться с немногими избранными друзьями всегда хорошо; ибо зачастую зрителям дело яснее, чем игрокам, а лучший вид на холмы открывается из долины. Дружба в этом мире — редкость, а особенно дружба меж равными, столь превозносимая всюду. Если и бывает она, то между высшим и низшим, когда благосостояние одного зависит от другого.

L. О ЗАНЯТИЯХ НАУКАМИ¹

Науками занимаются ради удовольствия, ради украшения и ради умения. Удовольствие обнаруживается всего более в уединении; украшение — в беседе, а умение — в распоряжениях и руководстве делом. Ибо людям опыта можно поручить выполнение, да еще, пожалуй, суждение об отдельных подробностях; но общего руководства и совета лучше искать у людей ученых.

Отдавать наукам все время означает неумение применить их к делу; превращать их целиком в украшение — жеманство; а всецело полагаться на них в суждениях — ученое чудачество; наука совершенствует природу, но сама совершенствуется опытом; ибо врожденные дарования подобны диким растениям и нуждаются в выращивании с помощью ученых занятий; а ученость сама по себе дает указания чересчур общие, если их не уточнить опытом. Люди хитроумные презирают ученость, простодушные дивятся ей,

мудрые ею пользуются; ибо сама по себе ученость не научает как применять ее; на то есть мудрость особая, высшая, которую приобрести можно только опытом.

Читай не затем, чтобы противоречить и опровергать; не затем, чтобы принимать на веру; и не затем, чтобы найти предмет для беседы; но чтобы мыслить и рассуждать. Есть книги, которые надо только отведать, есть такие, которые лучше всего проглотить, и лишь немногие стоит разжевать и переварить; иначе говоря, одни книги следует прочесть лишь частично, другие — без особого прилежания, и лишь немногие — целиком и внимательно. Есть и такие, что можно поручить прочесть другому и воспользоваться сделанными им извлечениями; но так можно поступать лишь с маловажными предметами и посредственными авторами; ибо перегонка книг, как перегонка воды, убивает всякий вкус. Чтение делает человека знающим, беседа — находчивым, а привычка записывать — точным; поэтому, кто мало пишет, тому нужна хорошая память; кто мало упражняется в беседе, должен быть находчив; а кто мало читает, должен быть весьма хитер, чтобы казаться более знающим, чем это есть на деле.

В истории черпаем мы мудрость; в поэзии — остроумие; в математике — пронизательность; в естественных науках — глубину; в нравственной философии — серьезность; в логике и риторике — умение спорить: *Abeunt studia in mores*². Скажем более: нет такого умственного изъяна, который не мог бы быть исправлен надлежащими занятиями, подобно тому как недостатки телесные устраняются соответствующими упражнениями: так, игра в шары полезна при каменной болезни и для почек; стрельба — для легких и груди; ходьба — для желудка; верховая езда — для мозга, и так далее. А кто рассеян, тот пусть займется математикой, ибо при доказательстве теорем малейшая рассеянность вынуждает все начинать сызнова. Кто неспособен усматривать различия, пусть изучает схоластов, ибо это — *sumini sectores*³. Кто не умеет быстро осваиваться с предметом и быстро припоминать все нужное для доказательства, пусть изучает судебные дела. И такие средства имеются против каждого умственного изъяна.

ЛІ. О ПАРТИЯХ¹

Многие ошибочно держатся того мнения, что и государю в управлении страной, и каждому вельможе в ведении дел надо прежде всего принимать во внимание интересы партий; а между тем высшая мудрость велит, напротив, сообразоваться либо с общими интересами, осуществляя то, с чем согласны представители самых различных партий, либо с интересами отдельных лиц. Этим не хочу я, однако, сказать, что соображениями партийными должно пренебречь совершенно. Людям простого звания, чтобы возвыситься, необходимо за что-то держаться; но людям знатным, чувствующим свою силу, лучше сохранять независимость; и даже начинающему выдвигаться, для более верного успеха, обычно лучше обнаруживать столь умеренную приверженность, чтобы из всех членов своей партии быть наиболее приемлемым для другой.

Чем партия слабее и малочисленней, тем больше в ней единства; и часто бывает, что небольшое число непреклонных берет верх над многочисленным, но более умеренным противником.

Когда одна из двух партий прекращает свое существование, другая раскалывается. Так, партия, объединявшая Лукулла² и сенатскую знать (называвшуюся *optimates*), некоторое время противостояла партии Помпея и Цезаря; но когда власть сената рушилась, произошел и разрыв Цезаря с Помпеем³. Подобным же образом, партия Антония и Октавиана противостояла некоторое время Бруту и Кассию⁴; но вслед за падением Брута и Кассия последовал и разрыв Антония с Октавианом. Приведенные примеры относятся к партиям, состоящим в открытой войне; но то же самое можно сказать о случаях более мелких; и часто при расколах те, что были на вторых ролях, оказываются во главе партии; но столь же часто оказываются ничтожествами и бывают отстранены; ибо многие сильны лишь пока находятся в оппозиции, а когда этого нет, они бесполезны.

Часто видим мы, что человек, добившись успеха, переходит в партию, враждебную той, коей обязан он своим возвышением; полагая, вероятно, что с первой он свое уже взял, и ища новой

выгоды. Такому перебежчику это сходит легко; ибо когда силы долгое время были уравновешены, приобретение даже одного лишнего приверженца дает перевес одной из сторон, а вся заслуга приписывается ему. Если кто держится середины между двух партий, это не всегда происходит от умеренности, но нередко от своекорыстия, и имеет целью извлечение выгоды из обеих. В Италии, например, считаются подозрительными те папы, у которых постоянно на устах *Padre commune*⁵, ибо это служит признаком стремления всеми средствами возвеличить свой род.

Королям не следует держать сторону какой-либо одной партии; ибо всяческие союзы неизменно пагубны для монархии: они налагают обязательства, которые могут возобладать над долгом подданного, и король становится при этом *tanquam unus ex nobis*⁶, как это было с Лигой во Франции⁷. Чрезмерное усиление партий и раздоров между ними указывает на слабость государей и весьма вредит их славе и успеху их дел. Действия партий под властью монархии должны быть (если говорить языком астрономов) подобны движениям низших орбит, которые могут иметь и собственное движение, но вместе с тем увлекаемы высшим движением — *primum mobile*⁸.

LV. О ПОЧЕСТЯХ И ИЗВЕСТНОСТИ

Завоевание почестей есть лишь обнаружение, без помех, достоинств и добродетелей человека. Некоторые во всех своих деяниях стремятся к почестям и известности; о таких обычно говорят много, но втайне думают дурно. Другие, напротив, не умеют показать своих достоинств, так что им не воздают должного.

Если человек совершит что-либо, что до него не предпринималось; или было начато и оставлено; или же выполнено не столь удачно, ему достанется больше чести, чем за более трудное дело, где он явится лишь последователем. Кто сумеет так повести себя, чтобы угодить всем партиям и группировкам, того будут славить всего громче. Кто предпримет что-либо, что грозит большим позором в случае неудачи, нежели обещает почестей при

свершении, тот плохо заботится о своей славе. Слава, отнятая у соперника, сверкает всего ярче, как граненый алмаз. Старайтесь же превзойти всех соперников; поразить их, так сказать, собственным их оружием.

Много содействуют доброй славе слуги и приближенные, если они не болтают лишнего. *Omnis fama a domesticis emanat*¹. Чтобы избежать зависти, пагубной для доброй славы, лучше всего заявлять, что целью ваших стремлений является не слава, но единственно лишь служение; и приписывать ваши успехи более божественному промыслу и удаче, нежели собственным вашим достоинствам или образу действий.

Лиц, облеченных верховной властью, я разместил бы на лестнице славы в следующем порядке: на первом месте — *conditores imperiorum*, основатели государств, как Ромул², Кир³, Цезарь⁴, Осман⁵, Исмаил⁶. На втором — *legislatores*, законодатели, называемые также „вторыми основателями“, или *perpetui principes*⁷, ибо они и после смерти управляют через посредство своих законов; таковы Ликург⁸, Солон⁹, Юстиниан¹⁰, Эдгар¹¹, Альфонсо Кастильский, прозванный Мудрым, создатель *Siete Partidas*¹². На третьем месте стоят *liberatores*, или *salvatores*¹³, которые кладут конец долгим бедствиям гражданской войны или освобождают отечество от чужеземного ига или тирана; таковы Цезарь Август¹⁴, Веспасиан¹⁵, Аврелиан¹⁶, Теодорих¹⁷, Генрих Седьмой Английский¹⁸, Генрих Четвертый Французский¹⁹. На четвертом месте стоят *propagatores*²⁰, или *propugnatores imperii*²¹; те, кто в почетной войне раздвигает границы своих государств или доблестно защищается от завоевателей. На последнем месте стоят *patres patriae*²²; те, кто правит по справедливости, составляя счастье своих подданных. Последние два разряда не нуждаются в примерах, столь они многочисленны.

Подданные заслуживают почестей в следующем порядке: сперва — *participes curarum*²³, те, на кого государи возлагают главное бремя правления и кого называют обычно их правой рукой. Далее следуют *duces belli*²⁴, великие полководцы, помощники государей в делах войны. На третьем месте стоят *gratiosi*,

фавориты; но только те из них, кто умеет держаться в границах и, служа утехой государю, не причиняет вреда народу. На четвертом месте стоят *negotiiis pares* — те, кто занимает высокие должности в государстве и добросовестно их отправляет.

Есть и еще род славы, из числа величайших, но редко кому выпадающий; это — честь пожертвовать собою на благо родины, как это сделали М. Регул²⁵ и оба Деция²⁶.

LVI. О ПРАВОСУДИИ¹

Судьям надлежит помнить, что их дело *jus dicere*, а не *jus dare*² — толковать законы, а не создавать и издавать их. Иначе будет похоже на ту власть, какую присваивает себе римско-католическая церковь, которая под предлогом толкования священного писания не останавливается перед добавлениями и изменениями, находит там то, чего нет³, и под видом охраны старого вводит новое. Судьям подобает более учености, чем остроумия, более почтительности, чем искусности в доказательствах, более осмотрительности, чем самоуверенности. Но главной их добродетелью является неподкупность. „Проклят нарушающий межи ближнего своего“, гласит Писание⁴. Кто сдвинет межевой знак, достоин осуждения. Но никто не смещает столько межевых знаков, сколько неправедный судья, неверно межующий земли и владения. Один дурной приговор пагубнее множества дурных примеров. Ибо последние оскверняют поток, первые же — самый родник. Так говорит и Соломон: *Fons turbatus, et vena corrupta, est justus cadens in causâ suâ coram adversario*⁵.

В отправлении своей должности судьи имеют дело с тяжущимися сторонами, с защищающими их адвокатами, с подчиненными им судебскими писцами и чиновниками и с государем или правительством, которому они сами подвластны.

Скажем сперва об отношении судей к тяжущимся сторонам. „Есть такие“, говорит Писание, „которые суд превращают в отраву“⁶; а есть и такие, что превращают правосудие в укус, ибо оно становится горьким от несправедливости и кислым от

проволочек. Главная обязанность судьи состоит в обуздании насилия и плутовства; причем насилие пагубнее, когда оно явно, а плутовство — когда оно тайно. Добавьте к этому спорные дела, которые судам следовало бы изрыгать, не обременяя своего чрева.

Судья должен готовить справедливый приговор, как бог прокладывает свой путь, „наполняя всякий дол и понижая всякий холм“⁷.

Если с какой-либо стороны окажется произвол, насилие, хитрость, сговор, сильная заручка, искусный защитник, вот тогда-то и должен праведный судья уравнивать неравенство и как бы уравновесить весы правосудия. *Qui fortiter emungit, elicit sanguinem*⁸; и где давящая жмет чересчур сильно, вино получается терпким и отзывается косточками. Пусть судьи остерегаются толкований в дурную сторону и натянутых выводов; ибо нет пытки хуже, нежели пытка законом. Особенно в части уголовных законов должны они стараться, чтобы острастка не превратилась в жестокость; и чтобы не обрушить на народ того бедствия, о котором говорит Писание: *Pluet super eos laqueos*⁹; ибо суровые уголовные законы для народа не что иное, как тенета и ловушки. А потому пусть те уголовные законы, кои пребывали в долгой спячке или стали непригодны для новых времен, мудрыми судьями применяются ограниченно:

*Judicis officium est, ut res, ita tempora rerum, etc*¹⁰.

Где дело идет о жизни и смерти, судьям надлежит (поскольку дозволяет закон), верша правосудие, помнить о милосердии и взирать суровым оком на дурной пример, но милосердным — на самого виновника.

Скажем, далее, об отношении судей к адвокатам, защищающим дело. Умение выслушивать терпеливо и невозмутимо составляет важную часть судейских обязанностей; многоречивый судья не есть „кимвал звучный“¹¹. Судье не подобает первому высказывать то, что он может своевременно услышать от адвокатов; щеголять своей сметливостью, прерывая на полуслове свидетеля или защитника; и прерывать показания вопросами, хотя бы и умест-

ными. Обязанности судьи при слушании дела могут быть сведены к четырем: направлять показания; умерять многословие, повторения и речи не к месту; отобрать и свести воедино наиболее существенное из сказанного; и вынести решение или приговор. Все, что сверх этого — излишне и проистекает из тщеславия и словоохотливости, либо нетерпения, либо беспамятности, либо неумения сосредоточить свое внимание. Странно видеть, как может влиять на судью бессовестный адвокат; тогда как судье надлежит, подобно богу, чьим наместником он является, „гордым противиться, а смиренным давать благодать“¹².

Но еще более странно, что у судей бывают любимцы; что неизбежно влечет за собой повышение платы адвокатам и подозрения в лихоимстве. Когда дело защищалось правильно и по чести, судья обязан выразить адвокату известное поощрение; в особенности же адвокату проигравшей стороны; ибо это внушает тяжущемуся доверие к адвокату и колеблет его убеждение, что дело его и без того верное. С другой стороны, когда имеются налицо плутни, грубое небрежение, неосведомленность, давление или наглость, судья обязан перед обществом вынести адвокату порицание. И пусть адвокат не пререкается на суде с судьей и после вынесения приговора не пытается вновь вмешаться в дело; но пусть и судья, со своей стороны, не спешит с решением и не дает какой-либо из сторон повод жаловаться, что его защитник или свидетели не были выслушаны.

Скажем, далее, о судейских писцах и чиновниках. Суд есть место священное, а потому не только судейское кресло, но и подножье его и все подступы к нему должны быть охраняемы от соблазнов и худой славы. Нельзя (по словам Писания) собирать виноград с терновника¹³. Так и правосудие не может дать своего сладостного плода среди шипов и терниев, какими являются алчные и корыстные писцы и чиновники. Крючоктворцы эти встречаются в четырех разновидностях. Первые из них — мастера плодить тяжбы, от которых жиреют судьи и беднеет народ. Вторые — это те, кто вовлекает суды в столкновения по поводу границ их юрисдикции, а на деле являются не *amici curiae*, но *parasiti curiae*¹⁴,

ибо ради собственных выгод подстрекают суды к превышению их полномочий. Третьи — это те, кого можно назвать левой рукой правосудия: люди, имеющие в запасе всевозможные ловкие и темные плутни и ухищрения, которые мешают прямому ходу правосудия и ведут его кривыми и запутанными путями. Четвертые — это вымогатели, из-за которых суд часто сравнивают с терновым кустом, где овцы, ищущие убежища от непогоды, непременно оставляют часть своей шерсти. И напротив, старый чиновник, сведущий в прецедентах, осмотрительный в судопроизводстве и опытный во всех делах, является превосходным руководителем и нередко может указать путь самому судье.

Что касается государя и государства, то здесь судьям надлежит прежде всего помнить заключительные слова Двенадцати Римских Таблиц: *Salus Populi suprema lex*¹⁵ и знать, что законы, если они не служат этой цели, суть лишь вздорные и ложные прорицания. Благо тому государству, где король и правители часто совещаются с судьями, а судьи часто совещаются с правителями и королем; первые — когда в государственные дела замешаны вопросы права, вторые — когда вопросы права сталкиваются с соображениями политическими. Ибо нередко дело по видимости сводится к понятиям *meum* и *tuum*¹⁶, тогда как последствия его могут затрагивать интересы государства. Делом государственным я называю не только права верховной власти, но все, что влечет за собой важные перемены; или создает опасный прецедент; или касается большей части населения. И пусть никто не думает, что справедливые законы и разумная политика враждебны друг другу; ибо они подобны нервам и мускулам: одно без другого не действует. Пусть судьи помнят также, что трон сомонов поддерживаем был с обеих сторон львами¹⁷. И пусть они будут львами, но львами у подножья трона; и не ставят никаких препон верховной власти. Вместе с тем пусть судьи достаточно знают свои права, чтобы понимать, что мудрое применение законов остается их главной прерогативой. Ибо им наверно ведомо, что сказал апостол о другом, высшем законе: *Nos scimus quia lex bona est, modo quis ea utatur legitime*¹⁸.

LVIII. О ПРЕВРАТНОСТЯХ

Нет ничего нового под солнцем¹, — сказал Соломон. И как Платон считает, что „всякое знание есть лишь воспоминание“², так Соломон говорит, что „все новое есть лишь забвенное“,³ — откуда можно видеть, что воды Леты⁴ текут не только под землей, но и на земле.

У одного астролога находим мы следующее темное речение: „Не будь на свете двух постоянных вещей (а именно: неподвижных звезд, всегда находящихся друг от друга на одном расстоянии, не приближаясь и не удаляясь; и неизменного ежедневного вращения, которое отсчитывает время), никто не мог бы существовать и одного мгновения“.

Одно можно сказать с достоверностью: материя не знает покоя и находится в вечном движении. Есть два обширных савана, все под собой погребаящих — потопа и землетрясения. Что касается пожаров и больших засух, то они хотя и разрушительны, но не вовсе истребляют население. Кони Фаэтона⁵ понесли только раз; а трехлетняя засуха во времена Илии⁶ была частичной и оставила жителей в живых. Точно так же и пожары, возникающие от молний и часто наблюдаемые в Вест-Индии; действие их местное и ограниченное. Тогда как при потопа и землетрясении, если и случится кому уцелеть, то это обычно темные люди, жители глухих горных мест, не сохранившие памяти о прошлом; поэтому забвение поглощает страну так, словно бы никого в живых и не оставалось. Возьмем хотя бы население Вест-Индии; весьма возможно, что это народ более новый или молодой, чем обитатели Старого Света; и что бедствие, некогда там происшедшее, было всего вероятнее не землетрясением (как говорил египетский жрец Солону об острове Атлантиде)⁷, но частичным потопом; ибо землетрясения в тех краях редки. Зато реки у них столь мощны, что рядом с ними реки Азии, Африки и Европы кажутся ручьями. Точно так же и горы их, Анды, много выше наших, почему и представляется возможным, что жители после такого потопа частью уцелели.

Что же касается замечания Маккиавелли, который главную причину исчезновения памятников прошлого видит во вражде религиозных сект⁸ и обвиняет Григория Великого в усердном истреблении языческих древностей⁹, то я что-то не вижу, чтобы подобное рвение достигало цели или имело длительные последствия; так было и на сей раз, ибо Григорию наследовал Сабиниан, взявшийся за восстановление древностей.

Превратности или перемены в небесных сферах не являются подходящим предметом для моего рассуждения. Быть может, платонов Великий Год¹⁰, если только мир наш продержится до тех пор, окажет некоторое действие — не в смысле воскрешения отдельных личностей (ибо это лишь пустые бредни тех, кто воображает, будто небесные светила имеют более влияния на земные дела, чем это есть в действительности), но в смысле общих перемен. Такое же действие и влияние на общий ход вещей, несомненно, имеют кометы; но у нас принято более дивиться им и следить за их движением, нежели должным образом наблюдать их действие, особенно в его взаимосвязях, а именно: какие кометы — по величине, цвету, направлению лучей, положению в небе и длительности появления — какое действие оказывают.

Мне довелось слышать один пустяк, который, однакож, не хотелось бы оставлять без внимания. Говорят, что в Нидерландах (не знаю только в какой их части) каждые тридцать пять лет повторяются в том же порядке все явления природы, как-то: большие морозы, проливные дожди, сильные засухи, теплые зимы, холодные лета и так далее. И называется это у них Прямой. Пример этот я привожу тем охотнее, что, произведя некоторые вычисления за прошедшие годы, обнаружил ряд совпадений.

Но обратимся теперь от природы к человеку. Величайшей превратностью в делах человеческих являются смены сект и вероучений; ибо именно они всего более властвуют над умами. Истинная вера зиждется на скале; остальные же являются игрой волн времени. Итак, поговорим о причинах появления новых сект и дадим по этому поводу некоторые советы, в той мере, в какой

слабый разум человеческий способен оказывать действие на события такой важности.

Когда общепринятая вера раздираема спорами, когда нравы ее служителей исполнились греха и соблазна, а времена темны и невежественны, тогда должно ожидать появления новой секты; если к тому же явится беспокойный и мятущийся дух, чтобы стать ее основателем. Все эти обстоятельства были налицо, когда Магомет возгласил свой закон. Но есть еще два признака, обязательных для новой секты; иначе нечего и опасаться ее распространения; во-первых, надо, чтобы она противостояла установленной власти и стремилась заменить ее, ибо нет ничего популярнее этого; а во-вторых, чтобы давала простор чувственным страстям. Ибо ересь умозрительная (какою было в древние времена арианство¹¹, а ныне — арминианство¹²) хотя и сильно воздействует на умы, однакож не производит переворотов в государствах, разве лишь в сочетании с событиями политическими.

Насаждение новой веры происходит тремя путями: силою чудес и знамений; красноречивыми и мудрыми речами и увещеваниями; и силою оружия. Мученичество причисляю я также к чудесам, ибо оно превышает, повидимому, силы человеческой природы; туда же склонен я отнести и выдающиеся примеры необычайной святости жизни. Для борьбы с новыми сектами и ересями нет лучшего способа, как искоренять злоупотребления; примирять несущественные разногласия; действовать с умеренностью, не прибегая к кровавым расправам; а главных зачинщиков лучше привлекать подкупами и милостями, нежели озлоблять преследованиями.

Превратности и перемены в войнах многочисленны, но более всего подвержены им три вещи: театр военных действий, оружие и способы ведения войны. В древности войны имели преимущественно направление с востока на запад: ибо персы, ассирияне, арабы, татары (то-есть все завоеватели) были народами восточными. Правда, галлы относятся к числу западных; но из их набегов нам известны лишь два: один — на Галатию¹³, другой — на Рим¹⁴. Восток и запад не являются, однако, постоянными точками

на небе; также и о войнах нельзя с точностью заключить, свойственно ли им восточное направление или западное. Тогда как север и юг являются направлениями постоянными; и редко или даже никогда не случалось южному народу завоевать северный; а бывало как раз наоборот; откуда явствует, что жители северных стран по природе своей более воинственны; будь то влияние звезд этого полушария, или следствие расположения на севере больших материков, тогда как юг, насколько известно, почти целиком занят морями или же (что всего вероятнее) следствие холодного климата северных стран; именно он, без помощи военного обучения, всего более укрепляет тела и согревает сердца.

Войны наверняка можно ждать при распаде великой империи; ибо такие империи, покуда они существуют, весьма расслабляют население подвластных им областей, полагаясь, для защиты их, единственно на собственные свои силы; а когда силы эти иссякнут, то и все рушится, становясь легкой добычей. Так было при распаде Римской империи; так было с империей Германской¹⁵ после Карла Великого, когда каждый хищник отрывал по куску; так может случиться с Испанией, если станет она распадаться. Крупные государственные объединения также порождают войны; ибо когда могущество государства чрезмерно усиливается, оно становится подобно мощной реке и наверняка выходит из берегов. Так было с Римом, Турцией, Испанией и другими. И еще заметим: когда мир населен не варварскими племенами, но преимущественно такими, которые воздерживаются от брака и деторождения, если не имеют средств к жизни (а это в наши дни наблюдается почти повсеместно, исключая Татарию), то нечего опасаться нашествий. Но когда имеются огромные скопления людей, продолжающих плодиться, не заботясь о средствах к существованию, тогда неизбежно раз или два в столетие часть этого народа будет наводнять соседние страны; это у древних народов севера решалось жребием: кому оставаться дома, а кому искать счастья по свету. Война неизбежна и тогда, когда народ, ранее воинственный, становится изнеженным и расслабленным, ибо такие государства обычно накапливают богатства за время своего вырождения;

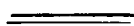
это служит приманкою, а упадок у них доблести поощряет врагов к войне.

Что касается оружия, то здесь трудно привести какое-либо общее правило; однакож и тут мы видим превратности и чередования; известно, например, что огнестрельное оружие применялось в Индии и что именно его македонцы называли громом и молнией, или колдовством; и мы знаем также, что в Китае огнестрельное оружие было известно более двух тысячелетий назад. От оружия требуется, во-первых, дальность боя, ибо тогда оно опережает опасность, как видно по артиллерии и мушкетам; во-вторых — пробивная сила, в чем артиллерия опять-таки превосходит все тараны и военные машины древности; а в-третьих, удобство пользования; чтобы действовали во всякую погоду, чтобы были подвижными, легкими и тому подобное.

Что касается способов ведения войны, то вначале более всего полагались на численность войска; в солдатах ценили лишь силу и мужество и назначали дни для решающих сражений, то-есть старались решить дело в равной схватке, а искусство боевого строя было неведомо. Впоследствии стали более ценить умение, а не число, понимать значение выбора местности, хитроумных диверсий и прочего и искуснее располагать войска перед боем.

В молодых государствах процветает искусство войны; в зрелых — науки; затем некоторое время процветает то и другое; в дряхлых же — ремесла и торговля. Есть и у науки младенчество, когда она только еще лепечет; затем юность, когда она бывает цветущей и пышной; далее, зрелость, когда она становится серьезной и немногословной; и, наконец, старость, когда она дряхлеет. Но не следует слишком долго созерцать вращение колес превратности, не то закружится голова. Что же касается их объяснения, то это лишь собрание побасенок, а потому для этих страниц непригодно.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ф. А. Коган-Бернштейн

„НОВАЯ АТЛАНТИДА“ И „ОПЫТЫ“
ФРЭНСИСА БЭКОНА

I

Среди утопий, возникших в эпоху раннего капитализма, „Новая Атлантида“ Фрэнсиса Бэкона занимает особое место.

После смерти Бэкона, последовавшей 9 апреля 1626 г., „Новая Атлантида“ осталась в виде неоконченного фрагмента и была впервые опубликована его духовником и литературным душеприказчиком Раули в 1627 г.¹ Написана же она была Бэконом, по словам Раули, около 1623 г. по-английски, причем через короткое время был сделан перевод „Новой Атлантиды“ на латинский язык „для пользы других народов“.

Таким образом, „Новая Атлантида“ писалась Бэконом на склоне дней, когда философ имел за собой большой государственно-политический и жизненный опыт, когда уже написаны были его важнейшие произведения и несколько раз изданы были его прославленные „Опыты“, в которых нашли свое первое выражение его социально-политические воззрения.

„Новая Атлантида“ представляет собой итог долголетних размышлений. Важнейшие идеи „Новой Атлантиды“ возникли у Бэкона очень давно: небольшую пьесу, написанную им для праздника на рождестве 1594 г., о которой мы подробнее скажем ниже, можно считать начальным наброском будущей „Новой Атлантиды“. Можно сказать, что некоторые, особенно дорогие ему мысли, развитые в „Новой Атлантиде“, Бэкон пронес через всю свою жизнь. „Новая Атлантида“ — это фрагмент обобщающего

¹ Титульный лист этого издания см. стр. 19 и 107.

значения, написанный одним из крупных государственных деятелей предреволюционной Англии и вместе с тем одним из выдающихся ученых того времени, которого Маркс называет „истинным родоначальником *английского материализма* и вообще *опытных наук новейшего времени*“¹. Вот почему „Новая Атлантида“ вплоть до наших дней не перестает привлекать к себе внимание читателей.

* * *

Для Бэкона и как ученого и как государственного деятеля характерно обостренное восприятие его современности, ясное понимание насущных социальных нужд и задач его времени. „Для политика, — писал Бэкон, — зеркалом служит действительное состояние вещей и время, в которое он живет“.

Политику Бэкон считал своим предназначением. Бэкон очень выразительно признает это в единственном оставшемся от него автобиографическом отрывке, относящемся к 1603 г. Он пишет в нем: „... По моему рождению, воспитанию и образованию я предназначен был не к занятиям философией, а к политике: я был буквально напоен политикой с детских лет... Наконец, я питал надежду, что если мне удастся занять какую-нибудь почетную государственную должность, то это будет важной помощью для моих научных занятий... По этим соображениям я отдался политике и со всей надлежащей скромностью поручил себя попечению влиятельных друзей“².

Каково же было то „действительное состояние вещей“, то зеркало, которое имел перед глазами Бэкон? Шестнадцатый век был для Англии, как и для ряда других европейских стран, временем становления нового, капиталистического уклада. И именно потому, что развитие капиталистического способа производства происходило в Англии „в классической форме“, Маркс положил анализ его в основу знаменитой 24-й главы I тома „Капитала“, главы „О так называемом первоначальном накоплении“. Заслужи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 157.

² См. В. Farrington. Francis Bacon, New-York, 1949, p. 55.

вает при этом внимания то, что, рассматривая процесс первоначального капиталистического накопления в Англии, Маркс ссылается на работы Бэкона, в частности на бэконовскую „Историю Генриха VII“ и на его „Опыты“.

Именно в это время в Англии совершалась насильственная экспроприация непосредственных производителей, насильственное обезземеление крестьянства, составляющее основу процесса первоначального накопления. Происходившая в стране революция производственных отношений в области сельского хозяйства выражалась в захвате пахотных земель, превращаемых в пастбища для овец, и в насильственном сгоне с земли широких масс крестьян — феодальных держателей, из которых далеко не все могли стать наемными рабочими. Вместе с тем капиталистическое перерождение английской деревни сопровождалось возникновением и ростом капиталистического фермерства и значительных слоев „нового“ дворянства, которые начинали вести свое хозяйство на капиталистической основе. Принимавшие активное участие в этом процессе перестройки крупные землевладельцы редко вели хозяйство сами, но заинтересованы были в огораживаниях, в ликвидации общинного владения, в обращении пахотных земель под пастбища, ибо это давало им возможность сдавать арендаторам огороженную землю. Именно поэтому борьба, которую Тюдоры вынуждены были вести против огораживаний, но в успехе которой они отнюдь не были заинтересованы, обречена была на неудачу. Они, говорит Маркс словами Бэкона из его „Опытов“, гл. XXIX, хотели сохранить подданных достаточно обеспеченных, не приниженных рабской зависимостью, с тем чтобы „плугом водила рука самого собственника, а не наемника“. „Но, — исправляет Маркс Бэкона, — капиталистическое производство, наоборот, требовало именно рабского положения народных масс, превращения их самих в наемников и превращения средств их труда в капитал“¹. В результате десятки тысяч крестьянских семей лишались средств

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, М., 1953, стр. 724—725.

к существованию и вынуждены были покидать насиженные места, становясь нищими и бродягами. На чинимые насилия крестьянство отвечало ожесточенным сопротивлением, непрекращавшимися восстаниями, вспыхивавшими то тут, то там. Классовая борьба в английской деревне XVI в. достигла высокого напряжения.

Во времена Бэкона, во второй половине XVI и в начале XVII в., процесс капиталистической перестройки английской деревни усиливается. Огораживания в это время уже производятся не столько для овцеводства, сколько для целей земледелия. Расширение внутреннего рынка, рост промышленного населения, требующего все большего количества продуктов питания, заставляют переходить к усовершенствованным методам земледелия. Потребность в агрономических усовершенствованиях, необходимость технических нововведений в области земледелия становятся особенно актуальными в конце XVI в. и продолжают стоять в центре внимания в XVII в.

Крупные экономические и социальные сдвиги эпохи первоначального накопления, отчетливо выявившиеся в Англии во второй половине XVI в., происходили не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности. К этому времени капиталистическая мануфактура становится характерной формой производства. Она утверждается в ведущей отрасли тогдашней английской промышленности, в суконной. В это время в английской промышленности в целом царит еще большая пестрота. Быстрыми темпами происходит разложение цеховой системы, но наряду со старой цеховой промышленностью, успешно тесня ее, развиваются в широком масштабе домашняя капиталистическая промышленность и мануфактура. Кроме того, вторая половина XVI в. в Англии отмечена появлением ряда новых отраслей производства, строящихся главным образом в виде мануфактур. Эти отрасли промышленности были объектом частной инициативы, большей частью компаний предпринимателей. Зарождение доменного производства в Англии относится именно к этому времени. Начинает развиваться английская металлургия. В Англии имелись богатые запасы каменного угля. Для экономики Англии первостепенное значение

имели добыча железной руды и металлургическая обработка ее. Обе эти отрасли были по сути дела неотделимы друг от друга, ибо там, где добывалась руда, обычно производились и ее плавка и выработка железа, чугуна, стали. Но подлинный расцвет каменноугольной промышленности был еще впереди: в XVI в. каменный уголь употреблялся еще главным образом для отопления помещений, а не для промышленных целей. Железо выплавлялось на древесном угле. Это приводило к хищническому истреблению лесов и грозило полным исчезновением их. Поэтому уже во времена Бэкона очень актуальной была проблема внедрения каменного угля в качестве топлива в промышленность.

Крупные сдвиги произошли к концу XVI — началу XVII в. в целом ряде отраслей промышленности, связанных с производством предметов вооружения. Изготовление пороха, добыча селитры в Англии были делом частных компаний, и попытки королевской власти взять эти производства в свои руки большей частью оставались безуспешными. Важное значение имело при этом то обстоятельство, что, не располагая развитым бюрократическим аппаратом, английский абсолютизм должен был опираться на те круги буржуазии и нового дворянства, которые составляли его социальную базу на местах и которые предпочитали заниматься этим предпринимательством на свой страх и риск. На данном этапе Англия вообще отставала в своем экономическом развитии, например, от Франции, где стремительное развитие военного производства, в частности артиллерийского дела, вызвало уже в XV в. появление таких отраслей промышленности, как литье пушек, производство пороха, производство арбалетов и стрел и др. Но в конце XVI — начале XVII в. Англия стремится наверстать упущенное: неуклонно растет добыча каменного угля, железа, меди, селитры, свинца, олова. В связи с этим все усиливается стремление буржуазии и нового дворянства — ибо именно их капиталы были главным образом вложены в эти отрасли производства — повысить производительность труда и все больше ощущается необходимость в изобретениях. Важность технических усовершенствований, необходимость связать науку

с практическими потребностями жизни проникает в сознание все более широких кругов предпринимателей.

Оборотной стороной этого развертывания капиталистического способа производства было кровавое законодательство против экспроприированных, против обезземеленных народных масс. О нем тоже можно сказать, что оно проводилось в Англии „в классической форме“. С проявлениями социального кризиса представители классовой юстиции боролись жестокими преследованиями нищих и бродяг. По словам Маркса, „отцы теперешнего рабочего класса были прежде всего подвергнуты наказанию за то, что их насильственно превратили в бродяг и пауперов“¹. Массовый пауперизм остается самым актуальным и неразрешимым вопросом в Англии как при Тюдорах, так и при Стюартах. Полицейское законодательство правительства Елизаветы против экспроприированных масс крестьянства послужило образцом для последующих мероприятий в том же направлении Якова I. Эти меры проводились уже в период государственной деятельности Бэкона, при котором бедняков продолжают клеймить, наказывать плетью, употреблять на принудительные работы, а в случае „упорства“ — казнить. Кровавое законодательство против экспроприированных — одна из характернейших черт той социальной обстановки, которую имел перед глазами Бэкон.

В процессе развития Англии по капиталистическому пути существенное место занимает начало колониального ограбления народов господствующим классом Англии как один из главных моментов первоначального накопления. Бэкон был ранним провозвестником активной колониальной политики. Уже в его времена методы колониальной экспансии, как отмечает Маркс, покоились „на грубейшем насилии“.² Первые колониальные разбойничьи подвиги Англии, столь идеализируемые английской буржуазной историографией и трактуемые обычно как славные героические деяния, были связаны с пиратскими рейдами елизаветинских корсаров — Дрейка, Рэли — у побережья испанской Америки, с заведен-

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 738.

² См. там же, стр. 754.

ной здесь же контрабандной торговлей, с рыбными промыслами у Нью-Фаундленда. Особенно пышным цветом расцвели пиратские и контрабандные промыслы во время войны Англии с Испанией в 1587—1604 гг. В эти прибыльные занятия — грабеж и контрабандные сделки — были вовлечены весьма влиятельные слои господствующего класса, придворные, дворяне-колонизаторы, дворяне-авантюристы, дворяне-негоцианты, а также крупные дельцы из буржуазных кругов, судовладельцы и влиятельные капиталисты, задававшие тон в заокеанском предпринимательстве.

В начале 1606 г. правительство Якова I выдало первые патенты двум виргинским компаниям — Лондонской и Плимутской — на право основания колоний в Северной Америке. Создание колониальных компаний, происходившее при первом Стюарте, продолжалось и в дальнейшем, причем правительство Якова I соглашалось на основание этих компаний главным образом под давлением острой нужды в деньгах¹. Так, в 1612 г. создана была компания для колонизации Бермудских островов, в 20-х годах организована была компания для финансирования колонизации Барбадоса. Насколько рьяно эти колонизаторские начинания поддерживались заседавшими в парламенте представителями нового дворянства и крупного купечества, видно из того, что около 140 членов палаты общин было в 1614 г. пайщиками виргинских компаний. Бэкон еще до этого горячо ратовал в парламенте за основание колоний и принимал руководящее участие в разработке планов колонизации Виргинии, а позднее Ньюфаундленда. Колонизация Виргинии, Барбадоса и других колоний ясно показала, что она сводилась к насильственному захвату территорий у туземцев и вытеснению их с обжитых мест, что она сопровождалась, говоря словами Маркса, искоренением, порабощением и погребением заживо туземного населения². Это были все те же „английские свинства“, которые так ярко живописал Энгельс на

¹ Компании получали патенты от короны не даром, не говоря уже о взятках министрам и придворным.

² См. К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 754.

примере Ирландии, где англичане впервые показали свои методы управления покоренными народами¹.

Однако гораздо более широкое распространение, чем колониальные компании, получили возникшие раньше их торговые и промышленные компании. Можно без преувеличения сказать, что оживившаяся в XVI в., в связи с ростом капиталистического производства, внешняя торговля Англии была сосредоточена в руках отдельных привилегированных компаний, получивших от королевской власти право монопольной торговли в той или иной стране. Старейшей из них была образовавшаяся еще в 70-х годах XV в. в Лондоне „Компания купцов-авантюристов“, конкурировавшая с Ганзой и занимавшаяся вывозом сукон в разные страны. Позднее, в 1554 г., образовалась Московская компания. В правление Елизаветы возник целый ряд новых привилегированных компаний, организованных по типу капиталистических акционерных компаний; так, например, в 1579 г. возникла компания, которая вела торговлю в Прибалтике и Скандинавии; в 1581 г. была основана Левантская компания для торговли со странами Средиземного моря, в 1588 г. — Гвинейская компания для торговли с Африкой, в первую очередь для вывоза из нее рабов и торговли неграми. Но наиболее показательным образцом компании, своего рода знаменем времени, была учрежденная в последние годы правления Елизаветы Ост-Индская компания, положившая начало английской экспансии в Индии. Это была компания несколько особого типа. Ост-Индская компания получила право монопольной торговли в областях, начиная „с мыса Доброй Надежды и до Магелланова пролива“. Деятельность Ост-Индской компании значительно расширилась при Якове I; уже в 1617 г. она насчитывала свыше 9,5 тыс. пайщиков с общим капиталом более чем в 1,5 млн. ф. ст. Однако, несмотря на огромное число пайщиков, фактическими „заправи-

¹ „На примере ирландской истории, — писал Энгельс, — можно видеть, какое это несчастье для народа поработить себе другой народ. Все английские свинства ведут свое происхождение от ирландской Pale“ [так называлась с 1170 г. английская (восточная) часть Ирландии]. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 240.

лами“ компании был весьма ограниченный круг лиц. Характерной особенностью Ост-Индской компании являлось то, что она занималась не только торговой, но и промышленной деятельностью; так, например, в 1627 г. она получила право изготавливать порох из ввозившейся ею селитры¹. Кроме того, Ост-Индская компания в значительно более широком масштабе, чем другие влиятельные монопольные компании, присвоила себе выполнение дипломатических и военно-административных функций. Ост-Индская компания сделалась важным орудием для утверждения британского владычества в Индии. Недаром Маркс, характеризуя колонизаторскую деятельность Ост-Индской компании, в подтверждение слов английского губернатора Явы Страмфорда Рафлса, писал, что она „пустила в ход весь существующий аппарат деспотизма для того, чтобы выжать из населения последнюю полушку поборами и заставить его работать до полного истощения“². Это многообразие функций Ост-Индской компании, сочетавшей торговую, промышленную, дипломатическую и военно-административную деятельность, следует иметь в виду при рассмотрении бэконовской „Новой Атлантиды“.

Наряду с такими мощными компаниями возникали и другие компании, более мелкие, местного значения, причем создавались не только торговые, но и промышленные компании, обладавшие монопольными правами на промышленную деятельность в той или иной области, например производство бумаги, стекла или мыла. Правительство поощряло их развитие, раздавая патенты на эти монополии, приносящие ему доходы. Однако система монополий не столько обогащала казну, сколько ту верхушку знати и буржуазии, которая выступала в качестве организаторов их. Монополии были формой приобщения приходившей в упадок феодальной знати к капиталистическим прибылям. Иногда в качестве монополиста-предпринимателя выступала сама корона через доверенных лиц

¹ J. Ne f. *Industry and government in France and England 1540—1640*, Philadelphia, 1940, p. 95.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. *Избр. произведения*, т. I, стр. 304.

Так, правительство Якова I пыталось вернуться к неудавшимся попыткам елизаветинских времен и установить правительственную монополию в некоторых отраслях промышленности, как, например, в производстве квасцов в Йоркшире.

Большинство этих компаний возникло на глазах у Бэкона, а некоторые при его непосредственном участии. В выдаче патентов многое зависело от составлявших их лиц. Бэкон же в качестве лорда-хранителя печати скреплял патенты на те или иные монополии, на учреждение компаний. Таким образом, Бэкон досконально знал ту атмосферу делячества при дворе, которая связана была с практикой раздачи патентов. Королевский двор был в это время средоточием по раздаче патентов на создание больших предприятий торгового и промышленного характера: чтобы получить ту или иную монополию или колониальную хартию, нужно было действовать через двор. Бэкон был превосходно осведомлен о том лихорадочном соперничестве, которое царило в придворных кругах в связи с раздачей патентов. Виднейшие лица из ближайшего королевского окружения в той или иной форме принимали участие в создававшихся колониальных компаниях, в торговых и промышленных монополиях. Очень часто такое лицо становилось во главе компании, давало ей свое имя, чтобы, пользуясь своим влиянием, получить королевскую хартию и не допустить передачи ее другим королевским приспешникам — своим соперникам, представлявшим интересы других дельцов. Вознаграждением за эти хлопоты служило участие в прибылях предприятий, подлинными организаторами и руководителями которых являлись дворяне-негоцианты и крупные буржуа-купцы. Эта традиция утвердилась еще во времена королевы Елизаветы, состоявшей тайной пайщицей торговых предприятий, которые вели контрабандную торговлю с испанскими колониями или занимались грабежом этих колоний. Так, например, друг и покровитель Бэкона, содействовавший началу его карьеры, фаворит королевы Елизаветы граф Эссекс получил 10-летнюю монополию (до 1600 г.) на торговлю сладкими винами.

Практика раздачи короной патентов на те или иные монополии или на создание колониальных компаний еще расширилась при

Якове I, т. е. в период государственной деятельности Бэкона. В экономической действительности предреволюционной Англии монопольная компания была ведущей организацией, которая рассматривалась в заинтересованных предпринимательских кругах как вернейший способ быстрого обогащения; Бэкон указывает на это в своем опыте „О богатстве“. Она стояла в центре общественного внимания, особенно с тех пор, как стал обостряться конфликт между короной и парламентом, вызванный практикой раздачи патентов на монополии. Уже в конце правления Елизаветы длившееся почти в течение всего XVI в. постоянное согласие между короной и раболепствующим парламентом было в связи с этим нарушено. Парламент выступил против злоупотреблений короны правом раздавать патенты и связанных с этим мошенничеств, против тех огромных барышей, которые королевский двор получал от раздачи монополий. Парламент, представлявший в первую очередь интересы буржуазии и нового дворянства, все резче протестовал против того порядка, при котором наибольшие выгоды, приносившиеся растущей английской промышленностью и торговлей, перекачивались в карманы короля и двора. Таким образом, вопрос о выдаче патентов, о монопольных компаниях был одной из актуальнейших проблем во времена Бэкона. Английская буржуазия и новое дворянство настолько окрепли к этому времени, что стали уже тяготиться политикой королевского абсолютизма и желали сами решать важнейшие вопросы государственной жизни. Маркс называет этот период, который был временем наибольшей активности Бэкона, „прологом английской революции“¹. Таковы были важнейшие черты той социальной действительности, которая окружала Бэкона.

* * *

Под каким же углом зрения отразилось это „действительное состояние вещей“ в бэконовой „Новой Атлантиде“? Выше было сказано, что „Новая Атлантида“ занимает особое место в ряду

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, стр. 95.

утопий. Действительно, с утопией принято связывать представление об идеальном общественном устройстве, в корне отличающемся от существующего. Но именно в этом смысле в „Новой Атлантиде“ очень мало утопического: в ней нет наброска социально-политического уклада, который был бы противопоставлен тогдашней английской действительности.

В самом деле, рассмотрим, что представляет собой государство Бенсалем, как именуют свою страну жители „Новой Атлантиды“.

Прошло уже сто с лишним лет со времени выхода „Утопии“ Томаса Мора. У Мора за это время не появилось заслуживающих упоминания последователей. А между тем капиталистический уклад, только нарождавшийся при Море, и новые формы эксплуатации трудящихся, явившиеся предметом беспощадного обличения Мора, успели за это время основательно оформиться. Первоначальное капиталистическое накопление шло полным ходом, когда Бэкон задался целью изобразить свой идеал общественного устройства. Однако похоже на то, что Бэкону нечего было сказать своим современникам именно в этом отношении. Он был, повидимому, удовлетворен существующим строем и никаких планов общественного переустройства в дошедшем до нас фрагменте мы не находим.

С первых же страниц „Новой Атлантиды“ мы узнаём, что бенсалемское общество покоится на принципе собственности, на классах и различии в состояниях, что в нем нет имущественного и социального равенства, а, напротив, имеются граждане, „впавшие в нищету“ и находящиеся „в тяжелом положении“, которым приходят на помощь их более состоятельные родственники. Происхождение влияет на общественное положение бенсалемцев: так, приехавшие в Бенсалем иностранцы сообщают, что они „завели знакомство со многими гражданами, отнюдь не простого звания“. Далее, при описании праздника, устраиваемого в честь главы семьи, имеющего в живых 30 прямых потомков и именуемого тирсаном, мы узнаём, что он награждается королевской грамотой, в которой указываются „пенсии, льготы, почести, привилегии“. И хотя такого рода указами тирсаны награждаются обязательно

в силу закона, однако кое-что может в них меняться „соответственно численности и достоинству семейства“. В бенсалемском обществе есть господа и слуги. Так, к приезжим иностранцам приставляют слуг, которые обязаны исполнять все, что тем понадобится. Низшие служащие должны выказывать особые знаки почтения по отношению к высшим. И в том учреждении, которое, по заявлению рассказчика „Новой Атлантиды“, является „зеницей ока“ этой страны, в Доме Соломона, имеется многочисленный штат слуг, противопоставленных молодым научным работникам Соломонова дома.

Итак, рисуемое Бэконом общество есть общество классовое, распадающееся на богатых и бедных, в котором часть граждан в отличие от других пользуется различными привилегиями и льготами, причем эти знаки отличия видоизменяются, сообразуясь со степенью „достоинства“ данного лица. Важную роль в этом обществе играют деньги: ими щедро награждаются изобретатели за всякого рода открытия и нововведения. Деньги фигурируют при награждении тирсанов, ими одаряются приехавшие иностранцы.

Таковы важнейшие особенности социального строя бенсалемского государства.

А каково политическое устройство бенсалемского общества? Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что все мудрые политические порядки, царящие в Бенсалеме, изображаются как результат деятельности гуманного и просвещенного монарха, устанавливающего свой социальный порядок „сверху“. Это несомненная идеализация той абсолютной монархии, которую Бэкон имел перед своими глазами.

С того времени как устроитель бенсалемского общества и государства завел в нем свои порядки, в Бенсалеме существуют король и сенат, иными словами — король и парламент, целая иерархия чиновников, влиятельная церковь и, наконец, окруженная особым почетом организация, именуемая Домом Соломона.

Рассмотрим, каковы функции названных лиц и учреждений в бенсалемском государстве. Трудно судить о прерогативах бенсалемского короля, несомненного носителя абсолютной власти,

установленной еще ее первым представителем, царем Соламоной. В дошедшем до нас фрагменте подробнейшим образом описан, например, праздник родоначальника-тирсана, или весь ритуал торжественного приема приехавшего члена Соломонова дома, т. е. тех лиц, которые олицетворяют характерные особенности бенсалемского общества. В отличие от них королю отведено очень мало места; выразительно подчеркнута только, что свои указы король издает обязательно в силу закона, т. е. что власть свою он осуществляет совместно с парламентом. Бэкон, повидимому, желал этим подчеркнуть в своей утопии особенно дорогую ему мысль, которую он горячо отстаивал и в своих „Опытах“ и в своей практической государственной деятельности в пору острого конфликта между королем и парламентом — о необходимости и важности созывов парламента, этого органа „народного представительства“, как он его именует.

Значительную роль в бенсалемском обществе играют религия и церковь. Показательно, что, принципиальный противник всяких чудес и поборник естественно-научного метода, Бэкон в этом пункте стоит на страже интересов господствующего класса. Желая подчеркнуть важность для государства религии и стремясь возвеличить ее, Бэкон устами рассказчика „Новой Атлантиды“ сообщает, что евангелие возведено было бенсалемцам не людьми, а сверхъестественным образом, с помощью чуда. Мало того: в Бенсалеме царит такая религиозная нетерпимость, что прибывшим иностранцам разрешается высадиться на берег только в том случае, если они христиане. Какой разительный контраст по сравнению с Томасом Мором, в утопийском обществе которого допущена широкая веротерпимость и запрещается оказывать давление на инаковерующих!

Характерно для бенсалемского общества участие представителей церкви в государственном аппарате — точная копия того, что имело место в окружавшей Бэкона английской действительности, где представители церковной иерархии играли важную роль и в центральном, и в местном управлении, занимая, в частности, видные дипломатические должности. Так, в Бенсалеме ответ-

ственный дипломатический пост управителя Дома чужестранцев занимает духовное лицо¹. Это точно отражает „состояние вещей“ во времена Бэкона: как в правление Елизаветы, так и в правление первого Стюарта в Англии под флагом религиозных разногласий решались первостепенной важности социальные вопросы, связанные с борьбой рвавшихся к власти нового дворянства и буржуазии, и как раз в предреволюционной Англии эти вопросы приобрели особую остроту и актуальность. Это сказалось в подчеркивании роли религии и идеи господствующей, государственной церкви в „Новой Атлантиде“. Вообще весь лицемерно-ханжеский благочестивый тон с благословениями, хвалами богу, гимнами и пр. крайне характерен для Англии в период правления Якова I, когда государственная церковь насаждала обрядность католического типа. Даже в Соломоновом доме, этом центре научных экспериментов и изобретений, где, казалось бы, религии совсем не должно было быть места, дело не обходится без литургий и молитв.

То, что в своем идеальном государстве Бэкон, глашатай идей материалистической философии, отвел религии и церкви важную роль, было проявлением той „теологической непоследовательности“, которую отмечал в материалистическом учении Бэкона Маркс²; это один из тех пунктов, в котором ярко сказалась классовая ограниченность Бэкона.

Рассмотрим, какова роль родоначальников-тирсанов, о которых мы упоминали выше, и каковы их функции в бенсалемском обществе. В „Новой Атлантиде“ подробно описывается церемония семейного праздника родоначальника-тирсана. По словам рассказчика „Новой Атлантиды“, обычай справлять этот праздник может по справедливости считаться весьма почтенным, благочестивым и согласным с природой. Расходы по устройству праздника берет на себя государство. На самом празднике обязаны присутствовать все члены семьи виновника торжества; кроме того,

¹ То же самое мы встречаем в „Городе Солнца“ Кампанеллы, где, например, верховный правитель Метафизик одновременно и священнослужитель.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 157.

он удостоивается присутствия правителя города, в котором справляется праздник. Вместе с этим представителем власти и друзьями тирсан совещается в течение двух дней о делах семьи. Встает вопрос: для чего при обсуждении семейных дел нужен представитель государственной власти? Оказывается, он „присутствует... дабы своей властью подкреплять распоряжения тирсана, если кто-либо вздумает их ослушаться; однако надобность в этом бывает редко: настолько велико у них уважение к законам природы“. Из этого явствует, что повиновение потомков тирсану покоится на его моральном авторитете, а в тех редчайших случаях, когда кто-либо может обнаружить склонность к неповиновению, присутствует лицо, облеченное государственной властью.

Мы не будем останавливаться на пространным описании всей церемонии празднества, описании, в котором так ярко запечатлено пристрастие Бэкона к пышным приемам, к их декоративному обрамлению, ко всем деталям этикета, вплоть до мельчайших подробностей замысловатых туалетов. Отметим лишь одну любопытную деталь, упоминаемую при описании праздничного обеда; во время этой трапезы на возвышении сидит только сам виновник торжества: „никто из потомков его не садится с ним, каково бы ни было его звание и положение, если только это не член Соломонова дома“.

Как видим, представители Соломонова дома пользуются особым почетом, они как бы олицетворяют какую-то высшую власть.

Из сказанного о тирсанах можно заключить, что у них имеются особые важные полномочия в бенсалемском обществе: задача их заключается в том, чтобы оказывать помощь членам своего рода в выборе профессий, подбирать подходящие пары для браков, улаживать и прекращать семейные распри, выносить осуждение предающимся порокам и, наконец, заботиться о подыскании средств к существованию впавшим в нищету и нуждающимся членам данного рода.

Целью Бэкона было, повидимому, показать на примере возвеличения тирсанов господство в благоустроенном бенсалемском обществе естественных обычаев, обычаев „согласных с природой“,

как выразительно характеризует их Бэкон. В отличие от социальных противоречий, раздиравших то реальное общество, в котором жил Бэкон, социальный строй Бенсалема покоится на „естественных“, патриархальных основаниях. Здесь царит, по словам автора „Новой Атлантиды“, глубокое уважение к законам природы, в частности к семейному принципу. В бенсалемском обществе окружены поклонением и пользуются моральным авторитетом те, кто по естественным причинам являются родоначальниками больших семейств и приумножают число подданных бенсалемского государства.

* * *

Предметом особой гордости бенсалемского государства является не раз уже упоминавшийся нами Дом Соломона. Именно Дом Соломона является основным стержнем „Новой Атлантиды“, ради него, повидимому, написан весь фрагмент: в описание Соломонова дома Бэкон вложил некоторые свои заветные идеи¹. Изображая его, Бэкон явно хотел сказать новое слово и именно здесь нарисовал свою научную утопию.

¹ Вот к чему сводился первоначальный эскиз Дома Соломона, начертанный Бэконом еще в 1594 г. Бэкон вкладывает описание его в уста советника, обращающегося к королю со следующими словами: „Я хотел бы пожелать Вашему Высочеству лучших и чистейших из всех духовных наслаждений и самых невинных и похвальных побед, какими является покорение природы. С этой целью я предлагаю вниманию Вашего Высочества четыре деяния, которыми лучше всего может быть увековечена Ваша память. Первым из них является создание совершеннейшей библиотеки, где к услугам Вашего просвещенного ума было бы все, что гений человеческий доныне запечатлел в лучших книгах как древних, так и новых, как печатных, так и рукописных, на европейских и на иных языках. Вторым является устройство обширного и роскошного сада, где... выращивались бы всевозможные растения, питомцы разных климатов и почв, как дикие, так и культурные. А в саду чтобы были помещения для редкостных животных и клетки для диковинных птиц. И тут же два озера — одно пресное, а другое соленое, для разведения столь же редкостных рыб. Таким образом можете Вы иметь в своем владении как бы всю природу в малом виде. Третьим пусть будет достаточно обширная кунсткамера, где было бы собрано и рассортировано все, что создано искусными человеческими руками или

Что же представляет собой Дом Соломона, возникновение которого было наиболее выдающимся установлением строителя бенсалаемского государства? Все важнейшие сведения, касающиеся Дома Соломона, мы узнаём от одного из его членов. Торжественный въезд этого лица в город описан Бэконом необычайно пространно и весьма походит на театральную инсценировку. При обрисовке этой картины Бэкон задался, видимо, целью подавить читателя описанием невиданно роскошных одежд, драгоценных камней, ковров, а главное благовоспитанностью бенсалаемцев. Вообще предрассудки британской респектабельности, британского филистерства, зло осмеянные Энгельсом¹, достигают в описании этой помпезной процессии своего предела. Приехавший член Соломонова дома удостоивает аудиенции прибывших иностранцев и в виде особой милости в беседе наедине с главой их сообщает ему „истинный устав Соломонова дома“. „Цель нашего Общества, — заявляет он, — познание причин и скрытых сил всех вещей; и расширение власти человека над природой, покуда все не станет для него возможным“. Казалось бы, цели Общества чисто научные. Однако, когда представитель Соломонова дома переходит к описанию материальной базы Общества, его ресурсов, функций и учреждений, то оказывается, что в руках этого Общества сосредоточены главные природные богатства страны, важнейшие отрасли промышленности и что здесь не только делают опыты и расчеты, но и занимаются производством. Действительно, мы узнаём, что этим Обществом освоен ряд новых производств, выпускающих различные изделия, не известные еще другим странам. „Есть у нас, — рассказывает представитель Соломонова дома, — различные производства, не известные вам; и немало изделий,

машинами. . . , а также все редкости, порождаемые игрою неживой природы, которые легко хранить. Четвертым пусть будет помещение, оборудованное механизмами, инструментами, печами и сосудами, чтобы это было нечто вроде дворца для искателя философского камня.

И вот тогда. . . раскроются все тайны и чудеса, поскольку постигнуты будут естественные причины их. . .“.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 288, 291.

как-то: бумага различных сортов, льняные, шелковые и другие ткани; нежные ткани из пуха с удивительными переливами; отличные краски и многое другое“. Производство этих предметов носит, очевидно, широкий характер, так как рассказчик сообщает о наличии „мастерских как для изделий, вошедших в общее употребление, так и для редкостных. Ибо из перечисленного мною многое распространилось уже по всей стране“. Имеются у этого Общества глубокие и обширные рудники, которыми они пользуются для воссоздания природных рудников, в которых разрабатываются металлы, а также для получения новых, искусственных металлов. Добывающая промышленность стоит у бенсалемицев на большой высоте. „Есть у нас, — сообщает представитель Соломонова дома — всевозможные драгоценные камни, из коих многие отличаются дивной красотой и вам неизвестны; а также хрусталь и разного рода стекло, которое мы получаем не только из известных вам веществ, но также из металлов, приведенных в стеклообразное состояние. Есть немало неизвестных вам ископаемых и низших минералов...“ Первостепенное значение для обработки и плавки металлических руд, железа, чугуна и других металлов, для красивого производства, столь важного в суконной промышленности, должны были иметь соответствующие плавильные печи. И действительно, в Соломоновом доме мы обнаруживаем „различного устройства печи, дающие и сохраняющие самую различную температуру: с быстрым нагревом; с сильным и постоянным жаром; со слабым и равномерным нагревом;... с сухим или влажным жаром“ и т. п.

В этой идеальной и счастливой стране усиленно пекутся о новейшем военном оснащении, о создании мощной военной промышленности. Бенсалеми, повидимому, первоклассная военная держава. „Мы производим, — перечисляет представитель Соломонова дома, — артиллерийские орудия и всевозможные военные машины; новые сорта пороха; греческий огонь, горящий в воде...“

Кроме того, следует помнить, что Бенсалеми издавна был морской державой с мощным флотом. Еще мудрый устроитель бенсалемиского государства предвидел, какое великое будущее

предстоит его флоту, и учел, „сколько найдется дела нашим кораблям как на рыбных промыслах, так и на перевозках из порта в порт, или на небольшие острова, расположенные неподалеку от нас и принадлежащие нашему королевству“. Совершенно естественно поэтому, что большое внимание в бенсалемском государстве уделяется судостроению и всем связанным с ним проблемам. Касаясь этого, представитель Соломонова дома указывает, в каком направлении ведет свои поиски изобретательская мысль в этой области: „Есть у нас суда и лодки для плавания под водой, и такие, которые выдерживают бурю...“.

Большое внимание отводится в Доме Соломона изобретению разных приборов. „Мы нашли способы, — рассказывает представитель Соломонова дома, — видеть предметы на большом расстоянии, как, например, на небе и в отдаленных местах; близкие предметы мы умеем представить отдаленными, а отдаленные близкими... Есть у нас зрительные приборы, значительно превосходящие ваши очки и подзорные трубы. Есть стекла и приборы, позволяющие отчетливо рассмотреть мельчайшие предметы, как, например, форму и окраску мошек, червей, зерен...“ Или в другом месте: „Есть у нас приборы, которые, будучи приложены к уху, весьма улучшают слух“. „Есть у нас дома механики, где изготавливаются машины и приборы для всех видов движения“.

Было бы, однако, неправильно думать, что в бенсалемском государстве развиваются лишь различные отрасли промышленности, еще не освоенные в других европейских государствах. Отнюдь нет. Открытия и усовершенствования совершаются во всех отраслях производства. Так, видное место в работах Соломонова дома отведено сельскому хозяйству: земледелию и скотоводству, разнообразным техническим усовершенствованиям и нововведениям в них. Хотя в рассказе управителя Дома чужеземцев выразительно подчеркнуто, что Бенсалем имеет „на редкость плодородную почву почти повсеместно“, тем не менее мы узнаём, что изобретательская мысль работников Соломонова дома усердно занята агрономическими проблемами. „Нам известны, — сообщает представитель Соломонова дома, — различ-

ные способы изготовлять перегной и сложные удобрения, делающие почву более плодородной“. И, рассказав о том, что бенсалемцы стремятся к созданию разнообразия почв, благоприятных для различных деревьев и трав, и об опытах разных прививок над различными фруктовыми деревьями, представитель Соломонова дома подводит следующий итог: „Нам известны способы выращивать различные растения без семян, одним только смешением почв; а также способы выводить новые виды растений, отличные от существующих, и превращать одно дерево или растение в другое“.

Разведение и выращивание новых, улучшенных пород животных также является одним из важных предприятий Соломонова дома. „С помощью науки,—отмечает представитель Соломонова дома,—делаем мы некоторые виды животных крупней, чем положено их породе; или, напротив, превращаем в карликов, задерживая их рост; делаем их плодовитее, чем свойственно им от природы... Нам известны способы случать различные виды, от чего получилось много новых пород...“

Мы назвали далеко не все отрасли производства, которые описываются представителем Соломонова дома и перечисляются им без всякой видимой связи одна с другой. Мы узнаём и о математической палате, и о домах механики, и о замечательных опытах в области света, звука и пр. Многие из этих опытов предвосхищали открытия и изобретения, сделанные лишь в XIX и XX вв., свидетельствуя о гениальной интуиции Бэкона.

Перейдем к рассмотрению функций и обязанностей членов Соломонова дома, чтобы составить себе полное представление об этой организации.

Прежде всего отметим, что только Дому Соломона принадлежит монополия международных сношений. В то время как всем остальным жителям Бенсалема запрещен выезд в другие страны, на двенадцать членов Соломонова дома возложена обязанность разъезжать по разным странам света, чтобы осведомлять своих соотечественников о науках, искусствах, производствах и изобретениях, сделанных во всем мире, и привозить книги, инструменты и образцы всякого рода вещей.

Обращает на себя внимание, что научная работа членов Соломонова дома организована по типу мануфактуры, с таким же детальным разделением труда — любопытное отражение мануфактурной стадии производства в науке. Каждый вид научной работы составляет как бы особый отдел, возглавляемый тремя членами Соломонова дома: одни отмечают все опыты, описанные в книгах, другие производят новые опыты, третьи соединяют вышеуказанные опыты в сводки и таблицы, чтобы исследователи могли извлекать из них необходимые наблюдения и законы, и т. д. Заслуживает внимания весьма важный отдел, члены которого призваны отбирать из опытов своих коллег те „изобретения, которые могут быть полезны в обиходе“. Таким образом, часть членов Соломонова дома занята полезными промышленными изобретениями. Следует, однако, заметить, что далеко не все открытия и изобретения, произведенные в недрах Соломонова дома, делаются достоянием гласности в самом же Бенсалеме. Напротив, научные достижения здесь ревниво оберегаются. „На наших совещаниях, — сообщает представитель Соломонова дома, — мы решаем, какие из наших изобретений и открытий должны быть обнародованы, а какие нет. И все мы даем клятвенное обязательство хранить в тайне те, которые решено не обнародовать; хотя из этих последних мы некоторые сообщаем государству, а некоторые — нет,“. Таким образом, Дом Соломона занимает в бенсалеменском государстве столь независимое положение, что совершающие переворот в производстве научные открытия являются его монополией и только „некоторые“ из них, и то лишь иногда, сообщаются государству.

В Доме Соломона заботятся о подготовке молодых научных кадров. „Есть у нас также... — рассказывает представитель Дома Соломона, — новопосвященные и ученики, дабы не прекращалась преемственность в работе...“ Поощрение изобретателей составляет одну из важных забот Соломонова дома; имена их окружены почетом. Так, мы узнаём, что изобретателю каждого ценного усовершенствования тотчас же ставят статую и награждают его щедрым подарком.

M V N D V S
ALTER ET IDEM.

Sive

Terra Australis antehac sem-
per incognita; longis itineribus peregri-
ni Academici nuperimè lustrata.

Authore MERCVRIO BRITANNICO.

Accessit propter affinitatem materiae.

THOMÆ CAMPANELLÆ,
CIVITAS SOLIS.

ET

NOVA ATLANTIS.

FRANC. BACONIS,

Bar. de Verulamio.

V L T R A I E C T I,

Apud JOANNEM à WAESBER-
GE Anno 1643 XLIII.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ „ГОРОДА СОЛНЦА“
КАМПАНЕЛЛЫ И „НОВОЙ АТЛАНТИДЫ“

БЭКОНА

(Утрехт, 1643 г.)

Есть еще один интересный обычай, описанием которого заканчивает свой рассказ представитель Соломонова дома. Он состоит в том, что члены Соломонова дома посещают важнейшие города бенсалемского государства и дают советы и указания жителям, как бороться с такими бедствиями, как эпидемии, нашествия саранчи, землетрясения, наводнения и т. п. Это предвосхищение просветительной работы среди населения представляет весьма любопытную особенность. Таков круг деятельности Соломонова дома.

„Новая Атлантида“, как и „Город Солнца“ Томмазо Кампанеллы, была написана в начале XVII в. Стоит сравнить обе эти одновременно возникшие утопии („Город Солнца“ был впервые издан в 1623 г., а „Новая Атлантида“, по словам душеприказчика Бэкона, Раули, была написана в том же году).

И Бэкон, и Кампанелла были учениками выдающегося итальянского философа XVI в. Бернардино Телезио¹. Все трое — Телезио, Кампанелла, Бэкон — сходились в принципиальном отрицании схоластически искаженной философии Аристотеля и противопоставляли ей философию, основанную на опыте, на экспериментальном изучении природы, которое должно расширить власть человека над силами природы. Вместе с Бэконом и предваряя Декарта, Кампанелла видел задачу науки и философии в том, чтобы разрешать практические вопросы, в способности науки и философии усилить могущество человека. Как же отразилось это общее обоим мыслителям умонастроение в нарисованных ими изображениях идеального общественного строя?

При сопоставлении „Новой Атлантиды“ с „Городом Солнца“ бросаются в глаза некоторые черты сходства. Это прежде всего общее обоим великим умам стремление подчинить знание практическим интересам, придать науке практическую ориентировку, заставить ее служить непосредственным потребностям человека.

¹ Преисполненный благодарности к своему учителю Телезию, Бэкон называет его „другом истины, разрушителем предрассудков и первым человеком нового времени“. Разделяя эту оценку, Кампанелла писал: „Я больше всего любил Телезию за то, что он делает свои выводы, опираясь на природу вещей, а не на пустые, людские рассуждения“.

Достаточно напомнить выразительное речение Кампанеллы, что в его идеальном государстве „не они (т. е. люди. — Ф. К.-Б.) служат вещам, а вещи служат им“¹. Это стремление заставить вещи служить людям подсказало Кампанелле ряд технических идей и изобретений, напоминающих достижения, описываемые Бэконом в его бенсалемском государстве. Так, обитатели „Города Солнца“ — солярии — широко применяют всякого рода (технические) изобретения в морском деле, в сельском хозяйстве, в деле обороны. У Кампанеллы, как и у Бэкона, мы встречаем предвосхищение позднейших двигателей. Мы узнаём, например, что обитатели „Города Солнца“ изобрели „особые суда и галеры, ходящие по морю без помощи весел и ветра, посредством удивительно устроенного механизма“². В „Новой Атлантиде“ при перечислении изобретений в морском деле среди прочих упоминаются подводные лодки и особо устойчивые корабли, способные выдерживать морские бури³. В другом месте „Города Солнца“ сообщается, что солярии „уже изобрели искусство летать... а в ближайшем будущем ожидают изобретения подзорных труб... и труб слуховых“⁴. В соответствии с этим в „Новой Атлантиде“ мы читаем: „Мы подражаем также полету птиц и знаем несколько принципов полета“. „Есть у нас зрительные приборы, значительно превосходящие ваши очки и подзорные трубы“. „Есть у нас также приборы для улучшения слуха“⁵. Солярии, отмечая, „что в этом столетии вышло больше книг, чем вышло их за 5 тысяч лет“, с восторгом говорят „об изумительном изобретении книгопечатания, огнестрельного оружия и применения магнита“⁶, то-есть как раз о тех трех величайших открытиях, которые так прославлял Бэкон. Наряду с этим мы узнаем, что солярии „владеют также искусством воспроизво-

¹ Томмазо Кампанелла. Город Солнца, М., 1947, стр. 62.

² Там же, стр. 79.

³ См. наст. изд., стр. 41—42.

⁴ Томмазо Кампанелла. Город Солнца, стр. 110.

⁵ См. наст. изд., стр. 41, 40.

⁶ Томмазо Кампанелла. Город Солнца, стр. 110.

дять в комнатах всякие атмосферные явления: ветер, дождь, грозу, радугу и т. д.“¹ То же самое мы находим и в бенсале́мском государстве Бэкона: „Есть у нас, — читаем мы в „Новой Атлантиде“, — обширные помещения, где мы искусственно вызываем и показываем различные явления природы, как-то: снег, град, дождь, гром и молнию“ „мы воспроизводим искусственную радугу...“ Если солярии „изучают анатомию на приговоренных к смерти“, то бенсале́мцы используют с этой же целью животных и птиц. „Они (т. е. животные и птицы. — Ф. К.-Б.) нужны нам, — говорится в „Новой Атлантиде“, — не ради одной своей красоты и редкости, но вследствие их пригодности для вскрытий и анатомических опытов, дабы знать, что́ может происходить в человеческом теле“². И у соляриев, и у бенсале́мцев научные исследования ведутся в особых зданиях, лабораториях. Как у соляриев, так и у бенсале́мцев тем, кто добился успехов в процветании науки, „открыл что-нибудь полезное или же оказал крупную услугу государству либо в мирном, либо в военном деле“³, воздвигаются статуи; солярии так же, как и бенсале́мцы, посылают во все страны света „нарочных разведчиков и послов для ознакомления с обычаями, силами, образом правления и историей отдельных народов, и со всем, что есть у них хорошего и дурного...“⁴

Подобных совпадений в утопиях Бэкона и Кампанеллы множество. Все они говорят о том высоком положении, которое

¹ Томмазо Кампанелла. Город Солнца, стр. 143, прим. 12.

² Приведенные тексты из „Города Солнца“ и „Новой Атлантиды“ свидетельствуют о том, что и Бэкон и Кампанелла, несомненно, знали об открытиях, которые как раз в это время были сделаны прожившим большую часть жизни в Италии реформатором анатомии Везалием (1514—1564), в частности о его знаменитых вскрытиях, благодаря которым он сумел дать правильное описание строения человеческого тела, основанное на экспериментальных исследованиях. И Бэкон и Кампанелла были, повидимому, осведомлены также об открытиях римского анатома Бартоломео Эустахио (1510—1574) и об анатомических открытиях работавшего в Падуе, после Везалия, Габриеле Фаллоппио (1523—1562).

³ Томмазо Кампанелла. Город Солнца, стр. 97.

⁴ Там же, стр. 35.

занимает как в бенсалемском государстве, так и в государстве соляриев, наука, призванная служить непосредственным практическим потребностям человеческой жизни. Было бы неправильно представлять себе, что дело идет здесь о случайном созвучии некоторых идей у Бэкона и Кампанеллы. Это совпадение крайне характерно для данной эпохи. Задача согласования науки с практическими потребностями жизни занимала не только Бэкона и Кампанеллу. Ту же мысль превосходно выразил итальянский математик, философ и врач Джироламо Кардано (1501—1576), который в своей автобиографии сообщает, насколько его увлекла задача добиться того, „чтобы люди умели применять знакомство с природными явлениями на практике различных искусств и профессий“¹. Эта тяга к практическому применению добытых наукой знаний характерна не только для Бэкона, Кампанеллы и Кардано. Мы намеренно указываем на проявление одной и той же тенденции в разных странах в одно и то же время; мы указываем на нее потому, что это был именно тот путь, по которому в XVII в. пошла новая наука, созданная усилиями Бэкона, Галилея, Декарта.

* * *

Какие выводы можно сделать из рассказа представителя Соломонова дома о бенсалемском государстве? До момента его рассказа мы ничего не знали о том, что производят в бенсалемском обществе, и только из его сообщения мы, наконец, узнали, какие отрасли промышленности развиты в Бенсалеми. Оказывается, что дело идет о добывающей промышленности, прежде всего горнорудной, о металлообрабатывающей, стекольной промышленности и целом ряде производств, связанных с военной промышленностью.

Все эти производства названы не случайно: ведь это как раз были те новые отрасли промышленности, которые стояли в центре внимания бэконовской Англии. До середины XVI в., до конца

¹ Джироламо Кардано. О моей жизни, М., 1938, ГИХЛ, стр. 197—198.

правления Генриха VIII, Англия была страной отсталой в промышленном отношении. Развитие тяжелой, в частности горнорудной, промышленности начинается именно с этого времени, причем оно идет таким стремительным темпом, что к 40-м годам XVII в., началу английской революции, Англия выдвинулась уже по этим отраслям промышленности на одно из первых мест в Европе. Это изменение в экономической жизни страны особенно резко проявилось между 1575 и 1620 гг., т. е. в период деятельности Бэкона.

К этому времени произошла разительная перемена в масштабах и объеме экономического предпринимательства. Среди производств этого периода важное место занимали добыча каменного угля, железа, олова, меди и, разумеется, суконная промышленность, продолжавшая оставаться „главным богатством страны“. Стала бурно развиваться каменноугольная промышленность. С начала XVII в. уголь начинает признаваться одним из главных ресурсов Англии, все больше начинает утверждаться мысль, что уголь и железо — это и есть перуанские сокровища Англии. „Железо, а не золото является основой могущества Англии... Остров Британия имеет лучшее железо в мире“, — заявлял Бэкон в одной из своих речей в палате общин.

Уголь становится широко распространенным топливом и делается важной статьей английских фрахтов. И в дальнейшем быстрое развитие угольной промышленности было одним из стимулов для роста английского торгового флота. О стремительном увеличении добычи угля свидетельствует и тот факт, что за 100 лет — с 1540 по 1640 г. — добыча угля выросла в 8 раз. Но еще важнее, чем этот количественный рост, было то, что каменный уголь стал с начала XVII в. употребляться для промышленных целей.

Этот рост промышленности был определенным образом связан с развитием науки и техники.

Необходимо, однако, учесть еще одно обстоятельство. Историки-экономисты (в частности Неф) отмечают, что хотя каменноугольная промышленность развивалась быстрее, чем другие отрасли промышленности, однако это не было изолированным явлением в процессе раннего капиталистического развития Англии. За

столетие с 1550 по 1650 гг. добыча олова, свинца, меди, возросла в 6—8 раз. Заметно увеличилась также добыча железной руды. Стекольная и соляная промышленность также растут в это время, хотя и менее быстро, чем угольная. Успехи стекольной промышленности, в частности, были обусловлены тем, что в начале XVII в. стекловарение стало производиться не на древесном, а на минеральном топливе. Такой же процесс расширения наблюдается в ряде других новых отраслей промышленности: в производстве квасцов, купороса, селитры, в мыловаренной, пивоваренной, бумажной и других отраслях промышленности. Характерно, что все эти новые отрасли промышленности были производствами нового, капиталистического типа и находились в процессе капиталистического переустройства. Они были организованы в виде мануфактур и руководящую роль в них играла растущая буржуазия и обуржуазивавшееся дворянство. В Англии, в отличие от Франции, купцы и обуржуазивавшееся новое дворянство были тесно связаны с большинством отраслей тяжелой промышленности либо путем помещения своих капиталов в рудники и другие предприятия, либо через свою торговлю продукцией этих отраслей промышленности. Многие из этих лиц заседали в палате общин, многие были должностными лицами в Лондоне, в провинциальных городах и в промышленных графствах.

Разумеется, не следует переоценивать ни размеров, ни темпов этого капиталистического „грюндерства“. Англия на этом этапе, и даже позднее, в начале английской революции, явно отставала от „образцовой капиталистической страны“ — Голландии. Но важно отметить тот факт — и это проливает свет на раскрытие социального смысла „Новой Атлантиды“, — что внедрение капиталистического способа производства во все эти отрасли промышленности было ознаменовано началом процесса рационализации и что оно вызвало необходимость применения научных и технических знаний к промышленным процессам. Развитие промышленности выразилось не только в значительном увеличении размеров продукции, но и сопровождалось техническими усовершенствованиями и изменениями в организации производства. Мысль о преобразовании

всей производственной базы общества с помощью науки и техники и составляет центральную идею „Новой Атлантиды“, ее Соломонова дома.

Характеризуя связь между развитием промышленности и развитием науки, Энгельс писал: „... вместе с расцветом буржуазии шаг за шагом шел гигантский рост науки. Возобновились занятия астрономией, механикой, физикой, анатомией, физиологией. Буржуазии для развития ее промышленности нужна была наука, которая исследовала бы свойства физических тел и формы проявления сил природы“¹. Это относилось к капиталистической промышленности с момента ее возникновения, с ее мануфактурной стадии, и было особенно своевременно в период „революции в естествознании“.

В самом деле, подъем новых отраслей промышленности и их организация в виде крупных предприятий на капиталистических началах были связаны с целым рядом научно-технических проблем. Так, например, в железоделательной промышленности с самого начала остро встал вопрос об увеличении производительности железоплавильных печей, получивших довольно широкое распространение в Сэрри, Кенте, Сессексе, Ноттингемшире и других частях страны. Производительность их была очень невелика; в связи с этим весьма актуальным был вопрос о переводе плавильных печей на минеральное топливо. Заинтересованные в этом предприниматели усиленно стремились привлечь внимание естествоиспытателей и изобретателей к этим вопросам. И не далее как в 20-х годах XVII в. был выдан патент на вновь изобретенный способ выплавки железа и чугуна на каменном угле. Поэтому когда при описании Соломонова дома мы читаем, что у бенсалемцев „есть различного устройства печи“, то надо думать, что Бэкон касается здесь одной из насущных задач, связанных с техническим усовершенствованием печей, необходимых для плавки металлов, для красильного производства и др.

Не менее остро стоял вопрос о технических изобретениях и усовершенствованиях и в других отраслях промышленности, пере-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 93.

числяемых Бэконом в качестве развивающихся в недрах Соломонова дома: и в стекольной, и в бумажной, и в металлургической, и в ряде красивых производств, связанных с ведущей отраслью промышленности — сукноделием. В металлургической промышленности это были прежде всего проблемы, поставленные эксплуатацией глубоких копей. Предприниматели, вложившие значительные капиталы в это дело, сразу же столкнулись с такими трудностями, как необходимость откачки воды из шахт, очистки испорченного воздуха в шахтах, трудность подъема руды на поверхность, потребность в более усовершенствованных инструментах для отбоя породы и т. д. Эти вопросы стали весьма актуальными уже в конце XVI — начале XVII в., когда увеличилась глубина шахт и остро встал вопрос об осушке и вентиляции копей. Эти трудности чрезвычайно озабочивали шахтовладельцев и других связанных с этими отраслями предпринимателей, составлявших к тому времени довольно обширный и становившийся всё более влиятельным слой. Они всё настойчивее требовали применения изобретательской мысли к этим задачам. Вопрос о применении научных и технических знаний к разрешению этих проблем приобретал все более решающую роль.

Такая же настоятельная потребность в технических усовершенствованиях и нововведениях ощущалась в это время и в сельском хозяйстве. Расширение внутреннего рынка, повышенный спрос на продукты питания со стороны промышленного населения всё разрастающихся городов требовали перехода к более усовершенствованным методам сельского хозяйства. Это стимулировало изобретательскую мысль в определенном направлении; достаточно вспомнить мысль Энгельса о том, что если у общества появляется техническая потребность, то она продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов. И действительно, мы узнаём, что уже в 1618 г. были выданы патенты „на пахоту без волов и лошадей“ и на способ „делать почву более плодородной“ путем смешения почв. Таким образом, мы убеждаемся, что, говоря об агрономических усовершенствованиях, практикуемых Соломоновым домом, Бэкон опять-таки затрагивал весьма злободневные вопросы,

волновавшие широкие круги связанных с сельским хозяйством предпринимателей.

Как только задачи, обусловленные нуждами промышленности и сельского хозяйства, были поставлены, началось усиленное привлечение к ним внимания научной мысли. Как ни неразвита была еще английская наука на рубеже XVI—XVII вв., она уже и в это время была призвана обслуживать интересы растущей буржуазии и шедшего в союзе с ней дворянства. Новая техника вызвала к жизни две новые фигуры — техника-инженера и ученого. Появление их было обусловлено углублением разделения труда и выделением новых важных общественных функций, неизвестных до того времени в истории феодальной формации. Ученый конца XVI—начала XVII в. не мог не откликнуться на разительные экономические перемены, совершавшиеся вокруг него. К ученым того времени, являвшимся в большинстве случаев одновременно и изобретателями, и конструкторами, и техниками¹, обращались за разрешением вопросов важного экономического значения. Наиболее ценными признавались изобретения и технические усовершенствования, связанные с расширением экономического господства Англии, т. е. в суконной, в угольной промышленности, в металлургии, судостроении. В какой мере, например, угольная промышленность поглощала внимание изобретателей, видно из статистики патентов: из 317 патентов, выданных в Англии с 1561 по 1688 г., около 75% были связаны с угольной промышленностью и из этих 317 патентов 43 (или 14%) касались осушки шахт².

По характеру своей государственной деятельности — и в качестве генерального солиситора, и в качестве лорда-хранителя печати, и, наконец, в качестве лорда-канцлера — Бэкон стоял в центре царившего в то время в стране экономического оживления. Он теснейшим образом соприкасался со всеми насущными экономическими проблемами своего времени, был в курсе всех нужд

¹ Достаточно вспомнить, например, Роберта Гука.

² J. Neff, *The rise of the british coal industry*, v. I, London, 1932, p. 254.

создававшихся новых отраслей промышленности и хорошо знаком был с практикой изобретений и технических усовершенствований в разных отраслях промышленности¹. Горячо ратуя за применение науки к производственным процессам, Бэкон в сущности плыл на гребне волны: этого домогались широкие круги предпринимателей.

Эту важнейшую проблему своего времени Бэкон превратил в генеральную идею своей „Новой Атлантиды“. Таков замысел Соломонова дома.

Ударение в дошедшем до нас фрагменте „Новой Атлантиды“ поставлено не на социальных реформах (которым Бэкон уделил много внимания в своих „Опытах“), а на перестройке производственной базы общества путем применения технических усовершенствований, изобретений, рационализации. Именно поэтому основная цель Соломонова дома формулируется как расширение власти человека над природой до крайних возможных пределов. Только путем объединения науки и производства могло быть, по мысли Бэкона, достигнуто то усиление экономической мощи, то умножение богатств, которые он неустанно проповедовал.

Какое же место занимает Дом Соломона в бенсалемском государстве? Является ли он чисто исследовательским научным обществом, предвосхищением будущего Английского королевского общества, как утверждают некоторые буржуазные авторы? Наука несомненно занимает видное место в работах Соломонова дома. Однако круг деятельности его работников не исчерпывается одним лишь экспериментированием, одной только научной работой. Мы видели, что Дому Соломона принадлежат все основные естественные ресурсы страны, почти все ведущие отрасли промышленности, что он занимается промышленной деятельностью и переоснащением производства с помощью всякого рода изобретений и нововведений как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. И вот

¹ Характерен в этом отношении следующий пример. Среди восторженных учеников Бэкона был горный инженер Томас Бушель (1594—1674), утверждавший, что теорию горного дела и актуальные технические достижения, с ним связанные, он усвоил у Бэкона.

эта-то производственная деятельность Соломонова дома и составляет основу его могущества, его социального веса. К тому же, как мы подчеркивали, производящие переворот открытия Соломонова дома составляют его монополию; он может не доводить их до всеобщего сведения, не делать их всеобщим достоянием, а волен эксплуатировать их по своему усмотрению. Кроме того, Дом Соломона владеет еще одной монополией первостепенной важности: только ему одному, как мы помним, принадлежит монополия международных сношений. Эти функции, несомненно, выходят за пределы компетенции обычного научного общества. Они представляют прерогативы государственной власти, и Соломонов дом, владеющий ими, фактически является в бенсалемском обществе руководящей организацией. Это подтверждается и той исключительно торжественной встречей, которая устраивается приезжающему члену Соломонова дома, — его несут по улицам города в кресле, причем во время этой процессии городские власти следуют позади него. И такое же первенствующее место предоставляется только члену Соломонова дома на семейном празднестве родоначальника — тирсана. Дом Соломона, идея которого призвана показать потенциальную мощь науки в процессе покорения природы и расширения власти человека над ней, вместе с тем показывает, какую власть способны обрести те классы, на службу которым эта наука поставлена.

Встает вопрос: в интересах каких классов английского общества объективно была та программа всемерного развития экономической мощи страны и умножения богатств, которую начертал в „Новой Атлантиде“ Бэкон? Разбирая важнейшие производства, перечисляемые Бэконом при описании деятельности Соломонова дома, мы убедились, что это были главным образом те новые отрасли промышленности, которые развивались на капиталистической основе и организаторами которых выступали представители аристократии и поднимающейся буржуазии вместе с ее союзником — новым дворянством. Об английском новом дворянстве Маркс писал, что „этот связанный с буржуазией класс крупных землевладельцев... находился не в противоречии, а, наоборот,

FRANCISCI
BACONI,
BARONIS DE
VERVLAMIO, VICE-COMITIS
SANCTI ALBANI, OPERVM
MORALIVM ET CIVILIVM

Tomus.

Qui continet { *Historiam Regni Henrici Septimi, Regis Angliæ.*
Sermones Fideles, sive Interiora Rerum.
Tractatus de Sapientiâ Veterum.
Dialogum de Bello Sacro.
Et Novam Atlantidem.

Ab ipso Honoratissimo Auctore, præterquam
in paucis, Latinitate donatus.

Curâ & Fide *Guilielmi Rawley*, Sacræ Theologiæ Doctoris, olim
Dominationi suæ, nunc Serenissimæ Majestati Regiæ, à Sacris.

In hoc volumine, iterum excusi, includuntur

{ *Tractatus de Augmentis Scientiarum.*
Historia Vexillorum.
Historia Vita & Mortis.

Adjecti sunt, in Calce Operis, Libri duo Instaurationis Magnæ.

Cum Privilegio.

LONDINI

Excusum typis *Edwardi Griffini*; Prostant ad Insignia Regiæ in Cæ-
meterio D. Pauli, apud *Richardum Whitakerum*. 1638.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ СОЧИНЕНИЙ БЭКОНА,
где впервые после его смерти были напечатаны
„Опыты“ и „Новая Атлантида“ на латинском языке.

в полном согласии с условиями существования буржуазии¹. Интересам именно этих классов отвечала программа, выдвинутая Бэконом. Она отражала их заветные чаяния и настроения. Действительно, овладение всеми хозяйственными командными высотами, сосредоточение всего экономического могущества в руках растущей буржуазии и нового дворянства должно было привести к их фактическому господству, к завоеванию ими государственной власти. Хотел того Бэкон или нет, но в изображении Соломонова дома он начертал тот путь, который английской буржуазии и новому дворянству предстояло в ближайшее время проделать.

Таким образом, программа общественного преобразования, намеченная Бэконом в его утопии, в идеальном плане отразила ту реальную борьбу, которая происходила в период пролога английской революции в рядах господствующего класса, когда английский абсолютизм превращался уже в обузу для дальнейшего развития буржуазии. Программа Бэкона не только отражала эту борьбу, она формулировала задачи буржуазного развития, указывала путь и предвосхищала победу того класса, который поставлен был английской революцией у власти.

Выражая классовые устремления буржуазии и нового дворянства, Бэкон, однако, придавал им привлекательную форму общечеловеческих интересов, возвел их на ступень „всеобщего блага“. „... Всякий новый класс, — писал по этому поводу Маркс, — который ставит себя на место класса господствовавшего до него, уже ради осуществления своих задач, вынужден изобразить свой интерес как общий интерес всех членов общества... придать своим мыслям форму всеобщности“². Однако Бэкон имел в виду не интересы народных масс; они, разумеется, не могли воспользоваться тем умножением богатств, которое пропагандировал Бэкон, ибо в идеальном бэконовском государстве сохраняется частная собственность и не происходит переворота в общественных отношениях. Счастли-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 279.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 38.

вое бенсалемское общество со всеми его научными достижениями и техническими усовершенствованиями попрежнему покоилось на эксплуатации народных масс. В этом сказалась буржуазная ограниченность Бэкона, идеолога интересов эксплуататорских классов.

Такой же классовый характер носит использование науки в идеальном бенсалемском государстве. Показательно, что даже у ученого с таким исключительно широким кругозором, как Бэкон, наука в его утопии остается привилегией господствующего класса. Так эксплуататорская природа буржуазии проявилась уже на ранних этапах формирования буржуазной идеологии. Бэкон зорко сумел уловить существенные черты некоторых новых явлений в окружающей жизни и в „Новой Атлантиде“ страстно ратует за расширение власти человека над природой до крайних пределов. Однако та новая наука, провозвестником которой выступал Бэкон, призвана была служить не социальному освобождению человека и уничтожению эксплуатации, а усилению власти капитала.

Характеризуя противоположность между наукой капиталистического и наукой социалистического общества, В. И. Ленин вскоре после победы Великой Октябрьской социалистической революции говорил: „Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации“¹.

Эти вещи ленинские предначертания, осуществленные в нашей стране строящегося коммунизма, невольно приходят на ум, когда оцениваешь научную утопию Бэкона, это раннее порождение буржуазного развития Англии.

* *
*

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 436.

II

„Новая Атлантида“ осталась неоконченной. Совсем мало разработана социальная сторона утопии Бэкона. Поэтому для раскрытия и уяснения социально-политических суждений, содержащихся в „Атлантиде“, необходимо привлечь другой материал. Незаменимым источником в этом отношении являются бэконовские „Опыты нравственные и политические“.

При жизни Бэкона „Опыты“, впервые увидевшие свет в 1597 г., переиздавались много раз, и если первоначально их было всего 10, то в издании 1625 г. (вышедшем за год до смерти Бэкона) число их выросло до 58, причем 20 из них были совершенно новые, а остальные 38 значительно дополнены и переработаны¹. „Опыты“ представляют, таким образом, самое законченное и отделанное произведение Бэкона, в котором его социально-политические воззрения, основанные на накопленном им огромном практическом опыте, получили наиболее яркое и полное выражение. Тесную связь „Опытов“ с практическими делами отметил и сам Бэкон в последнем прижизненном издании 1625 г. В обращении к всемогущему временщику, фавориту Якова I, Джорджу Вилльерсу, ставшему герцогом Бекингамом и лордом-адмиралом Англии, которому посвящено было это издание „Опытов“, Бэкон писал: „Сейчас я выпускаю в свет мои „Опыты“, которые из всех моих сочинений получили наибольшее распространение; надо полагать, потому, что они ближе всего к практическим делам и чувствам людей. Я увеличил их число и улучшил достоинство; так что они представляют совершенно новое сочинение... Они принадлежат к лучшим плодам, которые божьей милостью могло принести мое перо“².

Первое издание „Опытов“ содержало следующие очерки: 1. „О занятиях науками“; 2. „Об искусстве беседы“; 3. „О манерах и соблюдении приличий“; 4. „О приближенных и друзьях“;

¹ Титульный лист этого издания см. наст. изд., стр. 87.

² См. наст. изд., стр. 50.

5. „О просителях и ходатаях“; 6. „О расходах“; 7. „О способах сохранить здоровье“; 8. „О почестях и известности“; 9. „О партиях“; 10. „Об искусстве переговоров“.

В посвящении к этому изданию от 30 января 1597 г., адресованном брату Фрэнсиса Бэкона, Антони, автор „Опытов“, сознавая незрелость своего литературного первенца, отмечал: „Любезный брат мой! Я поступаю ныне подобно тем владельцам садов, которые, имея плохих соседей, собирают плоды прежде, чем они созреют, опасаясь, чтобы их не разворовали... Единственно почему я выпускаю их (т. е., „Опыты“ — *Ф. К.-Б.*) неохотно, это потому, что они будут подобны нашим новым полупенсовым монетам: серебро в них полноценно, но монеты очень уж мелки“¹. И действительно, в первоначальном своем виде „Опыты“ представляли еще незрелый плод, они были аморфным произведением, характер которого еще не определился. В этой первой редакции „Опыты“ переиздавались несколько раз, но Бэкон не принимал в этом участия.

Летом 1612 г. Бэкон, уже занимая высокий государственный пост (генерального солиситора), сам подготовил к печати новое издание своих „Опытов“², в котором к 10 первоначальным главам (из коих исключен был опыт „О почестях и известности“), переработанным и расширенным, были прибавлены 29 новых опытов. В посвящении к этому изданию (которое Бэкон предназначал сыну Якова I, Генриху, принцу Уэльскому, умершему, однако, до выхода книги в свет) Бэкон дал следующее объяснение избранному им литературному жанру: „Обстоятельные трактаты, — указывал здесь Бэкон, — требуют досуга пишущего, равно как и досуга читателя; между тем как ваше высочество заняты своими королевскими делами, а я — постоянной службой. Это и вынудило меня избрать иной род: кратких очерков, примечательных скорее содержанием, нежели тщательностью отделки; которые я назвал „Опытами“.

¹ См. наст. изд., стр. 47.

² Титульный лист этого нового издания см. наст. изд., стр. 63.

Слово это новое, сама же вещь отнюдь не нова. Ибо послания Сенеки к Луцилию, если хорошенько в них разобраться, не что иное как „Опыты“, то-есть отрывочные размышления, хотя и облеченные в форму посланий¹. Как истый сын эпохи Возрождения, Бэкон счел нужным в этом несколько торжественно-приподнятом посвящении наследнику престола сослаться на античный пример, но он умолчал о другом литературном образце, гораздо более близком и бывшем у него перед глазами. Бэкон не упомянул о знаменитых „Опытах“ Мишеля Монтеня, вышедших впервые в 1580 г. и оказавших особенно сильное влияние в Англии. Бэкон зачитывался „Опытами“ Монтеня (в оригинале) еще во время пребывания во Франции, где упомянутый брат Бэкона, Антони, был дипломатом (с 1579 по 1592 г.). А в 1600 г. „Опыты“ Монтеня были переведены на английский язык, под названием „The Essayes or Morall, Politike and Millitarie Discourses of Michel Montaigne“, итальянцем Джованни Флорио, преподавателем итальянского языка, жившим при дворе Анны Датской (жены Якова I) и посвятившим ей свой перевод. Шекспир, Бен-Джонсон и другие драматурги елизаветинской эпохи многое восприняли у Монтеня². Шекспировский экземпляр „Опытов“ Монтеня помечен 1603 г.; в этом году монтеневские „Опыты“ в английском переводе были напечатаны вторым изданием. Из этого можно заключить, каким успехом пользовалось это сочинение у англичан, в то время сравнительно мало интересовавшихся французской литературой. Совсем особое впечатление „Опыты“ Монтеня, пронизанные критическим духом и принципиальной ненавистью к схоластике и теологии, произвели на Бэкона. Философия Монтеня, содержащая переоценку важнейших вопросов церковно-феодальной идеологии, апеллировавшая к опыту и чувствам как орудиям познания, и тем самым прокладывавшая

¹ См. наст. изд., стр. 49.

² В Британском музее хранятся экземпляры „Опытов“ Монтеня с собственноручной подписью Шекспира (пока единственная книга, дошедшая до нас из библиотеки великого писателя) и экземпляр, принадлежавший Бен-Джонсону, с его автографом. См. S. A. Tannenbaum. Michel Eyquem de Montaigne, a concise bibliography, New York, 1942.

пути для научного восприятия мира, была особенно близка истинному родоначальнику английского материализма и вообще опытных наук новейшего времени¹. Недаром А. И. Герцен, отмечая преемственную связь между воззрениями Бэкона и Монтеня, писал: „Во Франции, например, гораздо ранее Декарта образовалось *особое, практически-философское* воззрение на вещи, не наукообразное, не имеющее произнесенной теории, не покоренное ни одному абстрактному учению, ничьему авторитету, — воззрение свободное, основанное на жизни, на самомышлении и на отчете о прожитых событиях, отчасти на усвоении, на долгом, живом изучении древних писателей; воззрение это стало просто и прямо смотреть на жизнь, из нее брало материалы и совет; оно казалось поверхностным, потому что оно ясно, человечно и светло... Воззрение Монтеня... имело огромное влияние: впоследствии оно развилось в Вольтера и энциклопедистов; Монтень был в некотором отношении предшественником Бэкона, а Бэкон — гений этого воззрения“².

Философия Бэкона, обращавшаяся к природе как объекту исследования и к наблюдению и эксперименту как средствам познания, была созвучна основным устремлениям Монтеня; при этом Бэкон возвышался над своим старшим современником тем, что материалистически разрешал основной вопрос философии и исходил из признания объективного существования материи, не зависящего от человеческого сознания. Свои философские размышления, близкие по духу монтеневским, Бэкон решил воплотить в ту же, что и Монтень, литературную форму и написал свои *Essays*; а после Бэкона жанр „Опытов“, заимствованный у Монтеня, сделался излюбленным и широко распространенным в Англии.

В „Опытах“ Бэкона обращает на себя внимание довольно большое число очерков на те же темы, что и у Монтеня; так, например, и у Монтеня, и у Бэкона имеются опыты „О дружбе“, „Об искусстве беседы“, „О красоте“, „О смерти“, „О привычке и

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, стр. 157.

² А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, т. IV, Петроград, 1915, стр. 141.

воспитании“, не говоря о ряде других опытов, названия которых не совпадают буквально, как в приведенных случаях, но которые по сути дела трактуют об одних и тех же вещах. Однако при этом бросающемся в глаза внешнем сходстве еще явственнее проступает глубокое отличие „Опытов“ Бэкона от „Опытов“ Монтеня: в первом случае мы имеем дело с произведением крупного государственного деятеля, с головой погруженного в политические контроверзы своего времени, политика до мозга костей, который постиг, как ему кажется, „государственную мудрость“ и стремится одновременно и вербовать сторонников, и поучать, щеголяя временами своей эрудицией и своим политическим опытом. Центральным же объектом „Опытов“ Монтеня является человек как мыслящее и действующее существо, природу которого автор понимает иначе, чем его предшественники, и критическое исследование условий человеческого существования, данное на широком социальном фоне. Итак, у Монтеня на первом плане — проблема человека, у Бэкона — политический интерес. Читая „Опыты“ Бэкона, чувствуешь, говоря словами А. И. Герцена¹, что „... это пишет человек спокойный, человек огромного ума и огромного опыта, канцлер, привыкший к государственным делам, пэр, не имеющий занятия, пэр, вычеркнутый из списка пэров... В душе этого человека, после разрушительного огня самолюбия, честолюбия, власти, почести, богатства, неудач, тюрьмы и унижений, все выгорело, но гениальный ум остался, да осталось еще воображение, настолько охлажденное, подвластное разуму, что оно смело призывалось им бросать пышные цветы поэтической речи по царственному пути его ясной, широкой мысли“.

В первом издании „Опытов“ уже отчетливо выступает яркая и живая литературная манера Бэкона, его писательский почерк, но нельзя еще определить главный нерв произведения: это свободное, беспорядочное сочетание рассуждений и наблюдений, объеди-

¹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. IV, Пгр., 1915, стр. 143. Характеристика, данная Бэкону Герценом, относится к последним годам жизни Бэкона, после крушения всей его карьеры, когда он вынужден был уйти от политической деятельности и предаться научным занятиям.

ненных в очерки, расположенные в совершенно случайной последовательности. Однако эта хаотическая композиция „Опытов“, допускавшаяся избранным Бэконом жанром, приобретает другие очертания по мере того, как с годами — а Бэкон писал, дополнял и изменял свои „Опыты“ на протяжении 28 лет (1597—1625) — все яснее определяется творческий замысел автора и центр тяжести перемещается от „опытов“ на моральные темы, нравственных, к политическим. Это преобладание политических „опытов“ четко выступает уже в издании 1612 г., в котором и следа не осталось от аморфности первоначальной редакции 1597 г. Здесь перед нами прежде всего „опыты“ на социально-политические темы. В этом издании впервые появляются такие „опыты“, как, например, „О дворянстве“, „Об искусстве повелевать“, „Об истинном величии королевств и республик“, „О богатстве“, „О совещаниях и советниках“ и др., в которых раскрываются социально-политические воззрения Бэкона; даже когда Бэкон трактует о человеческих качествах, он преподносит их преимущественно в политическом плане¹. Необходимо, кроме того, учесть следующее важное обстоятельство: некоторые „опыты“ относятся ко времени правления Елизаветы, когда Бэкон имел перед глазами социальные порядки тюдоровского абсолютизма, но он часто исходил в своих рассуждениях из еще более давних социальных отношений, раннетюдоровской эпохи. Это наложило определенный отпечаток на его политический идеал. Изменение социально-политического курса, происшедшее с воцарением первого Стюарта, все более явный переход королевской власти на путь феодальной реакции сопровождалось резким обострением конфликта между королем и парламентом по вопросам налогового обложения, раздачи монополий, линии внешней политики, по религиозному вопросу и вопросу о пределах компетенции парламента. Все это определенно сказалось на политических воззрениях Бэкона и нашло свое яркое отражение в „Опытах“. Таким образом, социально-политическое мировоззрение Бэкона, запечатленное в „Опытах“, представляет сложную картину, в которой политические суждения,

¹ См., например, опыты „О бойкости“, „О доброте и добродушии“ и др.

относящиеся к тюдоровскому абсолютизму, переплетаются с наслоениями стюартовского периода. В комментариях к публикуемым „Опытам“ мы сочли поэтому нужным указать важнейшие изменения и дополнения, вносившиеся Бэконом в переработанные им издания „Опытов“.

Любопытно отметить, что Бэкон принимал деятельное участие в некоторых переводах „Опытов“ на другие языки; так, например, итальянский перевод „Опытов“ 1618 г.¹, сделанный с издания 1612 г., осуществлен был с ведома Бэкона и, может быть, даже по его просьбе. В этом издании впервые опубликован был опыт „О смутах и мятежах“, существовавший в то время только в рукописи убедительное доказательство того, что итальянское издание предпринято было с согласия Бэкона). В 1619 г. вышел французский перевод „Опытов“. Но особый интерес представляет латинский перевод „Опытов“, которому Бэкон придавал важное значение. Недаром он в цитированном выше посвящении Бекингаму писал: „... Я надеюсь, что латинское издание (будучи на языке международном) будет жить, куда живут книги“². В переводе „Опытов“ на латинский язык принимало участие несколько лиц. Так, архиепископ кентерберийский Томас Теннисон (1636—1715) в своей „Васониа“³ сообщает об „Опытах“ следующее: „Латинский перевод их был работой, выполненной несколькими лицами: доктором Хакетом (покойным епископом Личфилдским), мистером Бенджаменом Джонсоном (ученым и искусным поэтом) и некоторыми другими, имена которых мне довелось некогда слышать от доктора Раули⁴, но которых я сейчас не припоминаю“. Кроме этого ценного свидетельства, мы имеем еще одно, исходящее от известного собирателя древностей и автора „Жизнеописания Томаса Гоббса“ Джона

¹ Он назывался: „Saggi Morali del Signore Francesco Bacono, Cavagliere Inglese, Gran Cancelliero D'Inghilterra... In Londra. Appresso di Giovanni Billio. 1618“.

² См. наст. изд., стр. 50.

³ *Vasonia or Certain Genuine Remains of Lord Bacon, L., 1679, стр. 60—61.*

⁴ У. Раули (W. Rawley) — духовник Бэкона и издатель его литературного наследия.

Обри (1626—1697). Касаясь близости Гоббса с Бэконом в период 1621—1626 гг., Обри пишет: „Мистер Томас Гоббс [Malmesburiensis, т. е. из Мальмсбери. — *Ф. К.-Б.*] был очень любим Бэконом, который всегда выражал желание, чтобы Гоббс сопровождал его во время прогулок по его чудесным рощам, ибо когда он размышлял и какая-нибудь мысль приходила ему в голову, то мистер Гоббс был налицо, чтобы записать ее; и Бэкон часто говаривал, что Гоббс делает это лучше, чем кто бы то ни было из его окружающих, так как очень часто, когда Бэкон читал их записи, он не мог понять, что они записали, ибо им самим это было неясно“¹. „Он (т. е. Гоббс. — *Ф. К.-Б.*), — сообщает далее Обри, — помогал Бэкону в переводе многих его опытов на латинский язык; одним из них, как я хорошо помню, был опыт „О величии королевств“, а другие я запомнил“. В другом месте Обри выражается еще более точно: „Он (т. е. Гоббс. — *Ф. К.-Б.*) рассказывал мне, что ему поручен был перевод части „Опытов“, вернее перевод трех опытов, одним из которых был опыт „О величии королевств“, а названия остальных двух я теперь забыл“². Нет никаких сомнений, что Обри имеет в виду опыт „Об истинном величии королевств и республик“, который впервые появился в свет на латинском языке в бэконовском „De Augmentis“. Есть основания предполагать, что двумя другими опытами, переведенными Гоббсом, были опыты „О новшествах“ и „О скрытности и притворстве“. Таким образом, в латинском издании „Опытов“ перед нами памятник совместной работы двух крупнейших умов XVII в. — самого Бэкона и систематика бэконовского материализма³ — Гоббса. Бесспорными признаками участия Бэкона в работе над латинским изданием его „Опытов“ являются внесенные им изменения и поправки к некоторым опытам, сделанные его собственной рукой (например, к опыту „О колониях“ и др.). Этот латинский перевод „Опытов“ под названием „Sermones fideles, sive interiora rerum“ вышел в свет уже после

¹ J. Aubrey. Letters, vol. II, p. 222—223.

² Там же, стр. 602.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 157.

смерти Бэкона, в 1638 г., в томе сочинений Бэкона „*Opus Moraliū et Civilium Tomus*“, опубликованном Паули¹.

В настоящее издание включены все опыты, наиболее ярко отражающие социальное мировоззрение их автора, и отдельные опыты на моральные темы, чтобы читатель мог видеть, как их преподносит Бэкон. Опыт „О занятиях науками“ дается, чтобы показать пример борьбы Бэкона в „*Essays*“ со схоластической наукой и превознесение им эксперимента как основы научного исследования. Наше издание включает более половины бэконовских опытов.

* * *

Для социальных воззрений Бэкона весьма показательным является его отношение к различным классам английского общества. В опыте „О смутах и мятежах“ („*Of Seditious and Troubles*“)² Бэкон, касаясь классового членения окружающего его общества, заявляет: „...напомним, что в каждом государстве имеются (как известно) два сословия: дворянство и простой народ“³. Говоря о дворянстве в целом, Бэкон четко определяет его социальные функции в абсолютной монархии. „Монархия, где вовсе отсутствует дворянство, — пишет Бэкон в опыте „О дворянстве“, — всегда бывает чистым деспотизмом и тиранией, наподобие турецкой“⁴. Таким образом, дворянство в трактовке Бэкона представляет в абсолютной монархии силу, сдерживающую королевский абсолютизм, не дающую ему превратиться в чистый деспотизм. Вслед за тем Бэкон подчеркивает другую, не менее важную функцию дворянства, заключающуюся в том, чтобы держать в узде народные массы. „Хорошо, — указывает здесь же Бэкон, — когда дворянство не более могущественно, чем это необходимо в интересах государя и закона, однакож достаточно сильно, чтобы служить трону оплотом против наглости черни“⁵. „Дворянство умеряет власть монарха, — разви-

¹ Титульный лист этого издания см. наст. изд., стр. 177.

² См. прим. 1 к этому опыту, наст. изд., стр. 210.

³ Там же, стр. 75.

⁴ Там же, стр. 69—70.

⁵ Там же, стр. 70.

вает свою мысль Бэкон, — и отвлекает взоры народа от королевского дома“¹. Итак, две важнейшие социальные функции дворянства в абсолютной монархии были сформулированы Бэконом достаточно точно. При этом Бэкон ясно отдавал себе отчет в том, что дворянство не представляет единого целого, что оно неоднородно: Бэкон различает, с одной стороны, старую феодальную знать, с другой — среднее и мелкое дворянство. Обе эти общественные группы во времена Тюдоров, и именно в начальный период их правления, который имеет здесь в виду Бэкон, относились к королевскому абсолютизму неодинаково: старая феодальная знать относилась к абсолютизму враждебно, между тем как среднее и мелкое дворянство являлось важнейшей опорой королевского абсолютизма. Как смотрит Бэкон на оба эти слоя дворянства? „Что касается высшего дворянства, — отмечает он в опыте „Об искусстве повелевать“, — то государю следует держать его на почтительном от себя расстоянии“², ибо, как указывал Бэкон в опыте „О дворянстве“, „многочисленное и могущественное дворянство придает монарху величие, но ограничивает его власть“³. Бэкон, таким образом, предостерегает государя против центробежных тенденций старой английской феодальной знати, против феодального сепаратизма, против тенденций к ослаблению королевской власти. Любопытно, что Бэкон не делает в этом отношении различия между светской и духовной знатью, хотя корни последней были во времена Бэкона уже основательно подточены. „Надменные и могущественные прелаты, — указывает Бэкон в опыте „Об искусстве повелевать“, — также представляют опасность; так было с Ансельмом и Томасом Бекетом, архиепископами кентерберийскими, которые дерзнули померяться своими епископскими посохами с королевским мечом“⁴. В феодальной знати — светской и духовной — Бэкон видит главное препятствие на пути к дальнейшему развитию страны.

¹ См. наст. изд., стр. 70.

² Там же, стр. 82.

³ Там же, стр. 70.

⁴ Там же, стр. 82.

„Многочисленная знать, — заявляет Бэкон в опыте „О дворянстве“, — несет стране разорение, ибо увеличивает расходы; к тому же многие из ее числа со временем неизбежно впадают в бедность, создавая тем самым несоответствие состояния со званием“.¹ Этой реакционной, тормозящей развитие страны силе Бэкон противопоставляет среднее и мелкое дворянство. Бэкон еще и потому особенно ценит эту часть дворянства, что она, по его мнению, является незаменимой опорой в борьбе с народными движениями. „Что до дворян второго ранга, — пишет Бэкон в опыте „Об искусстве повелевать“, — то они вследствие своей разрозненности не представляют особой опасности. Порой они ведут дерзкие речи², но в этом еще нет большой беды; к тому же они составляют как бы противовес высшему дворянству, не давая ему слишком усилиться; и, наконец, будучи поставлены непосредственно над простым народом, они всего лучше умеряют народные волнения“³. Именно этот слой дворянства, дворянство второго ранга (Second Nobles, как именует его Бэкон), полезен, по мнению Бэкона, для общества. Раскрывая его заслуги, как политического союзника буржуазии, Бэкон прославляет его разнообразную активность. Будучи весьма деятельным в хозяйственной жизни страны, оно стало необходимым членом общества, между тем как „основатели дворянских родов имеют обычно более доблести, но менее добродетелей, нежели их потомки... Знатное рождение обычно отвращает от труда; а кто не трудится, тот завидует прилежанию; к тому же, знатному некуда возвышаться далее“⁴.

Бэкон, таким образом, считал старую феодальную знать паразитическим классом, который „ложится бременем“ на народ, и видел ее историческую обреченность. Его симпатии были на стороне нового дворянства и буржуазии, чаяния и интересы которых он защищал и в своих писаниях, и в своей практической государственной деятельности. В этом нас убеждает та программа экономиче-

¹ См. наст. изд., стр. 70.

² Бэкон имеет в виду их выступления в парламенте.

³ Там же, стр. 83.

⁴ Там же, стр. 70—72.

ских мероприятий, которую отстаивает Бэкон. Но прежде чем перейти к ней, остановимся в нескольких словах на отношении Бэкона к буржуазии. Исчерпывающим образом оно сформулировано в опыте „Об искусстве повелевать“. „Что до купечества, — пишет здесь Бэкон, — то это есть воротная вена политического тела; когда оно не процветает, государство может иметь хорошо сформированные члены, но крови в его сосудах мало, и питание недостаточно. Налоги и пошлины на торговлю редко бывают выгодны королевской казне; ибо то, что она соберет по округу, она потеряет по графству; налог на то или другое возрастет, общий же объем торговли вернее всего сократится“¹. Как видим, Бэкон приписывает первостепенное значение купеческому капиталу. На первом плане у Бэкона — забота о создании благоприятных условий для его роста, среди которых важнейшее — умеренное обложение его. Характерно внимание Бэкона к игравшим столь важную роль в его время монополиям и торговым компаниям. „Верным путем к обогащению, — указывает он в опыте „О богатстве“, — являются также монополии и исключительное право скупки товара, когда они ничем не ограничены“².

Однако, говоря о развитии торговли и промышленности, Бэкон никогда не забывает о сельском хозяйстве, о тех богатых возможностях, которые сулит применение капитала в этой области. „... Когда люди с большими капиталами, — пишет Бэкон в том же опыте „О богатстве“, — берутся за сельское хозяйство, это чрезвычайно умножает их богатства“³. Но для этого, по мнению Бэкона, следует улучшить методы земледелия, интенсифицировать его, применять усовершенствования и изобретения. „Наиболее естественный путь к богатству лежит через увеличение плодородия почвы“⁴, — заявляет здесь же Бэкон. Желая поощрить, толкнуть на этот путь предпринимателей-капиталистов, Бэкон рисует им заманчивые перспективы. Он даже приводит для вящего убеждения

¹ См. наст. изд., стр. 83.

² Там же, стр. 112.

³ Там же, стр. 111.

⁴ Там же.

следующий конкретный пример: „Я знавал в Англии вельможу, имевшего больше доходов, чем любой из моих современников; были у него и пастбища, и овцы, и лес, и зерно, и каменноугольные копи, и свинцовые и железные рудники, и еще многое другое. Земля была для него словно океаном, откуда вылавливал он все новые ценности“¹.

Что касается защищаемой Бэконом экономической программы, то она, по мысли Бэкона, должна состоять из мероприятий, способных обеспечить стране процветание, гражданский мир и предотвращение народных движений. „Цель эта, — пишет Бэкон в опыте „О смутах и мятежах“, — достигается открытием торговых путей и благоприятным торговым балансом; поощрением мануфактур; искоренением праздности; обузданием роскоши и расточительства посредством особых законов; усовершенствованием земледелия; регулированием цен на все предметы торговли; уменьшением налогов и пошлин, и тому подобным“². Мысль Бэкона неустанно занята изысканием различных путей обогащения нового дворянства и буржуазии. Этим вопросам посвящены многие опыты: „О смутах и мятежах“, „О дворянстве“, „Об искусстве повелевать“, „О новшествах“, „Об истинном величии королевств и республик“, „О богатстве“, „О ростовщичестве“, „О колониях“ и др.

Особое внимание Бэкон уделяет одному из рычагов эпохи первоначального накопления — колониальной экспансии. Бэкон постоянно, и практически и теоретически, занимался вопросами активной колониальной политики, в которой заинтересованы были растущая буржуазия и ее союзник — новое дворянство. Уже на этой ранней, мануфактурной стадии капиталистического развития погоня за колониями играла весьма важную роль, так как „колонии обеспечивали рынок сбыта для вновь возникающих мануфактур“³. Говоря о „Новой Атлантиде“, мы указывали, что Бэкон горячо ратовал в парламенте за создание колоний и принимал руководя-

¹ См. наст. изд., стр. 111.

² Там же, стр. 74.

³ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 757.

щее участие в разработке планов колонизации Виргинии, а позднее Ньюфаундленда. Активной колониальной политике посвящены опыт Бэкона „О колониях“, а также его проекты „Начало колонизации Олстера“ и „Некоторые соображения относительно колонизации Ирландии“. Как видим, Бэкон усердно и всесторонне занимался вопросами колониальной экспансии. В своем опыте „О колониях“ Бэкон прежде всего советует при основании всякой колонии выяснить, „какие из местных продуктов могут быть предметом торговли и давать прибыль... как это было в Виргинии с табаком“¹. Затем он стремится заинтересовать предпринимателей, привлечь их внимание к новым землям, указывая на доходные статьи, на возможность найти в колониях „железную руду и потоки, пригодные для водяных колес“, что „при обилии леса“ даст возможность „выгодно добывать железо“². Он отмечает, что „хорошо также выпаривать соль... Выгодно производство растительного шелка... В местах, изобилующих сосной и елью, верную прибыль сулит добывание смолы и вара“. „Весьма прибыльны лекарственные и благовонные растения, — продолжает Бэкон, — а также сода и многие другие предметы“³. Бэкон, как видим, с увлечением рисует программу захвата и эксплуатации колониальных богатств в интересах господствующего класса. Но сознавая, что подобная политика колонизаторов неминуемо должна натолкнуться на сопротивление туземного населения, Бэкон заявляет: „Что до управления (колонией. — Ф. К.-Б.), то пусть оно будет в руках одного человека, а при нем чтобы был совет, и пусть управление будет военным, хотя и с некоторыми ограничениями“⁴.

Итак, и в этом пункте, касающемся колониальной экспансии, Бэкон выступает идеологом растущей буржуазии и нового дворянства, защищая их программу насильственного захвата новых источников накопления капитала, источников обогащения.

¹ См. наст. изд., стр. 108.

² Там же.

³ Там же, стр. 109.

⁴ Там же.

Важнейшим условием экономического процветания Англии и, в частности, расширения ее колониальной политики было, по мнению Бэкона, упрочение ее морского могущества. „Господство на морях, — утверждает Бэкон в опыте „Об истинном величии королевств и республик“, — имеет для королевства первостепенное значение. Цицерон... говорил: „... что господство на море означает господство надо всем...“ Одно, во всяком случае, верно: господствующий над морем действует с полной свободой и распоряжается войной по своему усмотрению... В нынешней Европе преимущества, даваемые силой на морях (ценнейшим наследием, доставшимся нашему британскому королевству), поистине велики; как потому, что большинство государств Европы имеет главным образом морские, а не внутренние границы, так и потому, что господство на морях дает свободный доступ к сокровищам обеих Индий“¹. Как видим, заботы о морском могуществе были у Бэкона неразрывно связаны с планами экспансии и колониальных захватов.

Выразитель стремлений и чаяний английского нового дворянства и буржуазии эпохи первоначального накопления, Бэкон выступает как неутомимый пропагандист всех способов быстрого обогащения. „У богатства, — пишет Бэкон в опыте „О богатстве“, — есть крылья; иногда оно улетает само, иногда же приходится пустить его в далекий полет, чтобы оно привлекло еще большее богатство“². „Не слишком верь тем, — прибавляет Бэкон, — кто заявляет о своем презрении к богатству; ибо презирают его те, кто отчаялся его добыть“³.

Таким образом, программа всемерного расширения экономической мощи буржуазии и нового дворянства была в центре интересов Бэкона. Но как мыслил себе Бэкон проведение в жизнь этой программы, какими средствами должна была она осуществляться? В этой связи следует рассмотреть отношение Бэкона к новшествам, новым общественным явлениям. Сторонник идеи раз-

¹ См. наст. изд., стр. 104.

² Там же, стр. 113.

³ Там же, стр. 112.

вития, идеи прогресса, Бэкон полагает, что „новшества — детища времени“. Время, по мысли Бэкона, должно рождать новые, более совершенные учреждения и обычаи, ибо само время есть величайший новатор.

Время, — указывает Бэкон в опыте „О новшествах“, — „...движется так быстро, что упрямое пристрастие к раз установленному обычаю вносит не меньше смуты, чем новшество; и кто чрезмерно чтит старину, становится в новое время посмешищем“¹. Как видим, идея нового, идея преобразования, составляющая главный нерв философии Бэкона, находит у него применение и в области общественных явлений. Бэкон решительно высказывается за нововведения, говоря, что каждое лекарство есть новшество и кто не хочет применять новые средства, должен ждать новых бед. Однако Бэкон делает при этом весьма важную оговорку: „...хорошо бы людям, вводя новшества, — пишет он в этом же опыте, — брать пример с самого времени, которое производит поистине великие перемены, но исподволь и едва заметно“². Итак, Бэкон против крутых и резких общественных перемен, и причина этой умеренности Бэкона кроется в боязни вызвать революционный взрыв. Во времена Бэкона, — как, впрочем, и позднее, — растущая буржуазия и новое дворянство еще рассчитывали добиться осуществления своих требований путем постепенных реформ. Только давление народных масс и явная невозможность сговора с королевским абсолютизмом могли побудить буржуазию и новое дворянство пойти иным путем. Бэкон так и заявляет в заключение своего опыта „О новшествах“: „Не следует также решаться на новые опыты в государствах, кроме случаев крайней необходимости или очевидной пользы; и надо непременно удостовериться, что именно преобразования повлекут за собой перемены, а не жажда перемен служит предлогом к преобразованию“³. В основе боязни Бэкона и представляемых им обществен-

¹ См. наст. изд., стр. 94.

² Там же.

³ Там же.

ных групп вызвать революционный взрыв лежал страх перед народными массами. В этом мы убедимся, рассмотрев отношение Бэкона к трудящимся классам Англии и их социальным движениям.

Опасность народных движений была во времена Бэкона для господствующего класса Англии не смутной и отдаленной, а весьма реальной угрозой, зловещей тенью, заволакивавшей его политический горизонт. Действительно, крестьянские и городские движения в Англии заполняют часть первой и всю вторую половину XVI в. Забота о предотвращении народных движений, о способах борьбы с ними красной нитью проходит через политические писания Бэкона и пронизывает всю его практическую государственную деятельность.

В опыте „О смутах и мятежах“ Бэкон, пытаясь выяснить, что является причиной народных движений, заявляет: „Что касается материальных причин для мятежей, то они заслуживают пристального внимания; ибо вернейшим средством предотвращения мятежа... является именно устранение его материальной причины; ведь когда горючий материал налицо, можно отовсюду ждать искры, которая воспламенит его“¹. Это установление решающей роли материальной причины мятежей делает честь первому творцу материализма². Однако, правильно подчеркнув важность выяснения материальной причины мятежа, чтобы знать, как предупредить его, Бэкон не связывает причины мятежей с классовым угнетением. Ему представляется, что вся беда в недостаточном экономическом развитии страны; в этом сказывается классовая ограниченность Бэкона.

Однако, анализируя причины народных движений и выдвигая на первый план их материальную подоплеку, Бэкон значительно возвышается над своими предшественниками и большинством своих современников. „Причины же, — пишет он в названном выше опыте, — коими вызываются мятежи, бывают двоякие: великий голод и великое недовольство. Можно сказать наверное: сколько

¹ См. наст. изд., стр. 73.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 157.

в государстве разоренных семейств, столько готовых мятежников¹. Одной из важнейших причин недовольства является, по утверждению Бэкона, — и это один из немногих случаев, когда Бэкон следует за Томасом Мором, — чрезмерный рост классов, не производящих материальных благ, — дворянства и духовенства. „...Чрезмерное размножение дворян и других привилегированных лиц, — указывает Бэкон в опыте „О смутах и мятежах“, — по сравнению с численностью простого народа не замедлит свергнуть страну в нищету; к этому ведет и чрезмерно многочисленное духовенство, ибо оно ничего не вносит в общий запас...“² „Многочисленная знать, — пишет Бэкон в опыте „О дворянстве“, — несет стране разорение, ибо увеличивает расходы“³. Бэкон неоднократно возвращается к этой мысли. „Пусть государства, стремящиеся к могуществу, — пишет он в опыте „Об истинном величии королевств и республик“, — не дают слишком расплодиться знати и дворянству; ибо простой народ становится при этом тупым и забитым и работает только на господ“⁴. Бэкон считает, что численность этих непроизводительных групп населения, обременяющих народ, должна быть ограничена.

Однако понимание термина „народ“ у Бэкона не однозначно: то он понимает под ним трудящиеся массы, то буржуазию. Выражая недовольство буржуазии и обуржуазившегося дворянства политикой королевского абсолютизма, Бэкон отстаивает предоставление этим общественным группам известных политических прав и при этом применяет к ним также термин „народ“. Так, в опыте „О смутах и мятежах“ Бэкон пишет: „Что до недовольства, то оно в организме государственном подобно мокротам в организме человека, имеющим склонность воспаляться“⁵. Бэкон советует поэтому предоставить „народу“, — под которым в дан-

¹ См. наст. изд., стр. 73.

² Там же, стр. 74.

³ Там же, стр. 70.

⁴ Там же, стр. 99—100.

⁵ Там же, стр. 73.

ном случае Бэкон понимает только что названные группы, — возможность заявлять о своем недовольстве. „Даровать народу некоторые вольности, возможность приносить жалобы и изливать недовольство (лишь бы это было без излишней наглости и угроз) тоже будет мерой спасительной; ибо кто загоняет гнилые мокроты внутрь и допускает внутреннее кровоизлияние, вызывает этим злокачественные нарывы и смертоносные язвы“¹. Вслед за тем Бэкон рекомендует еще такой способ усыпления народного недовольства. „В самом деле, — заявляет он в этом же опыте, — искусно и ловко тешить народ надеждами, вести людей от одной надежды к другой есть одно из лучших противоядий против недовольства. Поистине мудро то правительство, которое умеет убаюкивать людей надеждами, когда оно не может удовлетворить их нужды; и ведет дело таким образом, чтобы любое зло смягчено было надеждою, а это не так уж трудно; ибо как отдельные лица, так и целые партии весьма склонны тешить себя надеждами или хотя бы заявлять о них вслух, если уж сами им не верят“².

В этих политических советах Бэкона сказался беззащитный цинизм представителя эксплуататорских классов, для которого политика означала искусство обмана народа, означала демагогическую игру на надеждах народа, искусно разжигаемых и никогда не удовлетворяемых.

Вместе с тем Бэкон неистощим в перечислении всевозможных способов борьбы с народными движениями: тут и методы „разделения и раскалывания всех враждебных государству союзов и партий посредством стравливания их между собой и создания меж ними недоверия“³, тут и метод привлечения на сторону правительства „предводителя“ народа, либо противопоставления ему другого, „принадлежащего к той же партии, чтобы ослабить таким образом его популярность“⁴, и ряд других аналогичных приемов. Всеми этими способами, — убеждает Бэкон, — нельзя пренебре-

¹ См. наст. изд., стр. 75—76.

² Там же, стр. 76.

³ Там же.

⁴ Там же.

гать, «ибо плохо дело, когда сторонники правительства предаются раздорам и разъединены, а противники его сплочены и едины»¹.

Из двух опасных для монархии сил — знати и народа — в случае их выступления Бэкон считает более грозной опасностью народ, ибо вельможи, — пишет Бэкон в опыте „О смутах и мятежах“, — „бессильны, если сам народ не расположен к восстанию“². Но самая опасная ситуация создается для государства, когда обе эти силы объединены и в основе их недовольства лежит материальная причина, которая, как указывал Бэкон, вызывает все эти движения: „...если, — отмечает в этом же опыте Бэкон, — к разорению и оскудению знати прибавляется обнищание простого народа, опасность становится велика и неминуема; ибо мятежи, вызываемые брюхом, есть изо всех наихудшие“³. Формулируя эти положения, Бэкон отнюдь не теоретизировал, а по существу списывал с действительности: перед его мысленным взором, несомненно, стояли некоторые восстания, происходившие при Тюдорах. Причины народных движений Бэкон видит и в тяжелых последствиях огораживаний в Англии, и в экономических последствиях секуляризации, и в расточительности двора, обогащающего фаворитов за счет народа. В отличие от большинства своих современников, Бэкон считал, что крестьянам, работающим на своих господ, должен быть предоставлен такой минимум условий, который обеспечивал бы их дальнейшую эксплуатацию. Указывая в своей „Истории Генриха VII“ на разорение крестьянства в результате огораживаний, Бэкон прославлял дальновидную политику Генриха VII. „...Мудрым и достойным восхищения, — писал Бэкон в опыте „Об истинном величии королевств и республик“, — был статут короля Генриха Седьмого..., установивший размеры ферм и земельных участков, с тем расчетом, чтобы земля обеспечила подданному довольство и независимость, и за плугом

¹ См. наст. изд., стр. 76.

² Там же.

³ Там же, стр. 73.

ходил бы сам владелец его, а не наемный батрак"¹. Бэкон ратует за обеспечение известного минимума трудящимся классам, в частности, потому, что это будет содействовать усилению военной мощи государства. „Никогда один и тот же народ, — замечает Бэкон, — не бывает одновременно и молодым львом и ослом, падающим под бременем ноши; никогда народу, обремененному подавляющими, не быть воинственным и храбрым“².

Бэкон, таким образом, уделяет вопросу о социальных движениях эксплуатируемых классов самое пристальное внимание; он неутомим в изыскании способов, могущих вооружить представляемые им общественные группы в борьбе с народными движениями. Ополчаясь против убийств государей и других подобных деяний, ведущих „к ниспровержению государств и правительств“³, Бэкон требует мобилизации всех средств государственного насилия в интересах представляемых им общественных групп. „Вот почему необходимо, — пишет он в опыте „О единой вере“, — церкви вооружиться своим учением и божественными постановлениями, государям — мечом, а богословию и нравственной философии — как бы жезлом Меркурия, дабы навеки изгнать и предать проклятию все подобные деяния, равно как и учения, им способствующие...“⁴ Как видим, в бэконовской трактовке социальных движений трудящихся ярко проявляется классовая сущность его мировоззрения.

Таково отношение Бэкона к основным классам современного ему английского общества — дворянству, духовенству, буржуазии и трудящимся массам.

В заключение следует остановиться на той форме политического устройства, которую Бэкон считал наилучшей для осуществления выдвигавшейся им программы.

Растущей буржуазии и новому дворянству нужна была сильная централизованная власть, которая могла бы обеспечить им прове-

¹ См. наст. изд., стр. 100.

² Там же, стр. 99.

³ Там же, стр. 53.

⁴ Там же, стр. 54.

дение активной внутренней и внешней политики, широких колониальных захватов; кроме того, сильная центральная власть, ослабляя влияние феодальной знати, должна была в то же время служить надежным оплотом против бурливших в стране социальных движений трудящихся. Как же рисуется Бэкону эта форма правления, соответствующая интересам представляемых им общественных групп? „Не должно щадить никаких усилий, — образно выражает свою мысль Бэкон, — чтобы ствол Навуходоносорова дерева монархии был достаточно мощным для поддержания его ветвей и листьев“¹. Таким образом, хотя Бэкон и воздавал должное республиканскому строю Швейцарии и Нидерландов, для Англии он определенно отстаивал монархическое государственное устройство. Однако важной особенностью защищаемой Бэконом монархии было то, что она мыслилась им обязательно ограниченной парламентом. Следует помнить, что в правление Якова I во всей силе обнаружилось стремление парламента ограничить притязания королевского абсолютизма; не забудем к тому же, что „Петиция о праве“ последовала всего три года спустя после смерти Бэкона², „Хороший государь должен управлять с парламентом“, — заявляет Бэкон. Парламент для Бэкона — не бессловесный придаток к королевской власти, а деятельный политический фактор, воздействующий на королевскую власть. Этот орган имеет важнейшее значение в таком решающем вопросе, как вопрос о налогах. „...Налоги, взимаемые с согласия народа, — пишет Бэкон в опыте „Об истинном величии королевств и республик“, — не так ослабляют его мужество; примером тому могут служить пошлины в Нидерландах и до известной степени субсидии в Англии. . . Подать, взимаемая с согласия народа или без такового, может быть одинакова для кошельков, но неодинаково ее действие на дух народа“³.

¹ См. наст. изд., стр. 100.

² Маркс отмечает, что уже к концу правления Елизаветы, „спор между „Бесс“ (т. е. Елизаветой. — Ф.К.-Б.) и парламентом уже стал спором о правах народа и привилегиях короны (royal privilege)“. К. Маркс. Хронологические выписки, „Архив Маркса и Энгельса“, т. VIII, стр. 89.

³ См. наст. изд., стр. 99.

Суровые кары и самая страшная из них — народное восстание — ожидают страну, в которой монархи, „слишком часто развращенные долгой привычкой властвовать... захватывают всю власть и попирают права и привилегии всех сословий государства; презирают мнение сената (государственного совета, а в Англии — парламента), т. е. пользуются произвольной властью, требуя, чтобы необдуманые их приказания немедленно исполнялись и чтобы прихоть их имела силу закона“¹.

Как видим, Бэкон явно критиковал самовластные тенденции королей и, в частности, Якова I, их попытки придавать своему произволу силу закона. И в своей практической государственной деятельности, в своих советах Якову I, — например, по поводу созыва парламента в 1615 г., — и в своих писаниях Бэкон постоянно настаивал на необходимости регулярных созывов парламента, этого органа „народного представительства“, как он его называет, имея прежде всего в виду представительство буржуазии и нового дворянства, игравших ведущую роль в экономической жизни страны.

„... Соломон сказал, — указывает Бэкон в опыте „О совещаниях и советниках“, — что предприятия получают твердость через совещание... Совещания не только не унижают, а скорее возвеличивают монарха“². Только парламента может исчерпывающим образом осведомить короля о нуждах и пожеланиях народа. Бэкон рекомендует созывать его регулярно и не только для утверждения налогов, но и для законодательных целей. Парламент является, по мнению Бэкона, лучшим помощником королевской власти, посредником между королем и народом. „Государи, которые, несмотря на свое всемогущество, тем не менее позволяют себе склоняться к желаниям своих подданных, нисколько не унижают своего королевского величия“. Бэкон всячески пропагандировал мысль о том, что парламента не только не умаляет власть короны,

¹ См. Ф. Бэкон. Собр. соч., т. II, СПб., 1874, стр. 513 („Тифон, или мятежи“).

² См. наст. изд., стр. 84, 85.

а, напротив, укрепляет и возвеличивает ее. Упорное отстаивание Бэконом парламента при сохранении сильной монархии тюдоровского образца выражало стремление представляемых им общественных групп к участию в государственном управлении, стремление к расширению их политических прав, т. е. настроения, весьма характерные для этих групп в предреволюционный период.

Рассмотрение социально-политических взглядов Бэкона, как они выразились в его „Опытах“, дает возможность проверить и конкретизировать те фрагментарные положения, которые содержатся в „Новой Атлантиде“. Оно доказывает, что в „Опытах“ Бэкона нашли свое отражение основные социально-политические устремления его времени. Недаром Бэкон постоянно высказывал горячее желание быть выразителем нужд и потребностей своего времени и всегда подчеркивал, что его философия — не его личная выдумка, а продукт его века. Но то, что в „Опытах“ являлось реальной программой, поставленной на службу английской буржуазии и новому дворянству, то в „Новой Атлантиде“ обобщено, приукрашено художественной фантазией и в идеализированном виде облечено в форму утопии.

Изучение первого литературного произведения Бэкона — его „Опытов“ — и сопоставление их с написанной в последние годы его жизни „Новой Атлантидой“ позволяют установить, каков был образ мыслей и общественный идеал английской буржуазии в период пролога английской буржуазной революции в изложении „родоначальника английского материализма“.

ПРИМЕЧАНИЯ

К „НОВОЙ АТЛАНТИДЕ“

1. Южные моря — имеется в виду Великий океан.
2. Геркулесовы столбы — древнее название Гибралтара.
3. Камбалу — у мусульманских писателей „Хан-Балык“ (т. е. „город хана“) — часто неправильно произносилось как „Камбалу“; под этим названием известен был (по описанию Марко Поло) в средневековой Европе город, расположенный около нынешнего Пекина. Название „Камбалу“ относится к периоду монгольского владычества; при Минской династии город был переименован в Пекин (т. е. „северная столица“).
4. Кинсаи — под этим названием у Марко Поло описан Ханчжоу.
5. „...одним из ваших великих людей“ — имеется в виду Платон, давший в диалогах „Тимей“ и „Критий“ описание устройства и судеб государства, существовавшего некогда на острове Атлантиде. См. наст. изд., стр. 232—238.
6. *scala coeli* — небесная лестница (лат.).
7. „...великий писатель ваш“ — Платон; см. примеч. 5.
8. „...в одной вашей книге...“ — имеется в виду „Утопия“ Томаса Мора.

К „ОПЫТАМ“

II. О смерти

1. Опыт „О смерти“, характерный для мировоззрения Бэкона, интересен стремлением Бэкона истолковать смерть как естественное явление, с о г л а с н о е с п р и р о д о й, вразрез с церковно-христианским отношением к смерти.

2. „Атрибуты смерти устрашают сильнее самой смерти“. Бэкон не совсем точно цитирует Сенеку (Письма, III, 3, § 14).

3. Марк Сальвий Отон — один из трех римских императоров, которые сменили друг друга за полтора года гражданской войны (68—69 гг. н. э.), знаменовавшей крушение ранней римской империи. Когда войска Отона были разбиты сторонниками другого претендента, Вителлия, Отон покончил с собой, проявив при этом самообладание, поразившее некоторых его приближенных. См. Т а ц и т. Истории, кн. II, 49.

4. „Подумай, как долго делал ты одно и то же; (от этого) не одни лишь храбрецы или несчастливцы захотят умереть, но также и те, кто поразборчивей“. Сенека. Письма, X, 1, § 6.

5. „Ливия, помни о нашей общей жизни и прости“.

Светоний. Жизнеописание двенадцати цезарей. Божественный Август, гл. 99.

6. „Уже Тиберия покидало тело, покидали силы, но не покидало притворство“. Тацит. Летопись, кн. VI, гл. 50.

7. „...я, кажется, становлюсь богом“. Светоний. Жизнеописание двенадцати цезарей. Божественный Веспасиан, гл. 23.

8. „Рази, если это на благо римскому народу“. Тацит. Истории, кн. I, гл. 41; Светоний. Жизнеописание двенадцати цезарей. Гальба, гл. 20.

9. „Приблизься, если мне еще остается что-либо сделать“. Dio Cass., LXXVI, 17.

10. Стоики — философская школа, возникшая в древней Греции около III в. до н. э. (Зенон, Хризипп) и воспринятая Римом (Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий). Говоря о пышных приготовлениях к смерти, Бэкон, вероятно, имеет в виду Сенеку, кончившего жизнь самоубийством.

11. „Что почитает за дар природы предел своей жизни“. Неточная цитата из Ювенала (Сатиры, X, строка 357).

12. „Ныне отпускаеши...“ Евангелие от Луки, гл. II, 29.

13. „...одной только смертью смиряется зависть“. Гораций. Послания, кн. II, 1.

III. О единой вере

1. В латинском издании этот опыт называется „De unitate ecclesiae“ („О единстве церкви“). Он возник из опыта „О религии“, который появился впервые в издании 1612 г., но был Бэконом в дальнейшем значительно изменен и расширен.

2. „Бог ревнитель“. Исход, гл. XX, 5.

3. „Вот он и очутился в пустыне“; „Нет, нет, он вошел в святилище“. Евангелие от Матфея, гл. XXIV, 26.

4. „Не выходите“, там же.

5. „Учитель язычников“ — апостол Павел. Первое послание к коринфянам, гл. XIV, 23.

6. „...не сидит в собрании развратителей“. Неточная цитата. Псалтырь, псалом 1, 1.

7. „Один мастер насмешки“ — Бэкон имеет в виду великого писателя французского Возрождения Франсуа Рабле (1494—1553). В известном эпизоде его романа, когда Пантагрюэль знакомится с каталогом книг библиотеки св. Виктора, Рабле путем перечисления 140 смехотворных книжных заглавий, дает острую и злую сатиру на схоластическую лжеученость. В этой серии издевательских заголовков, вроде „Крысоловки богословов“, „Рагу ханжей“,

„Радостей монашеской жизни“, фигурирует и цитируемая Бэконом „Мавританская пляска еретиков“, — см. „Гаргантюа и Пантагрюэль“, кн. II, гл. 3.

8. „С миром ли? И сказал Ииуй...“ Четвертая книга Царств, гл. IX, 18—19.

9. Лаодикийцы — т. е. равнодушные к делам церкви, по имени Лаодикийской церкви, названной „ни холодной, ни горячей“. Откровение Иоанна Богослова, гл. III, 15.

10. „Кто не с нами, тот против нас...“ Бэкон неточно цитирует евангелие от Матфея, гл. XII, 30 и евангелие от Марка, гл. IX, 40.

11. „... как замечает один из отцов церкви“. Имеется в виду св. Бернар. См. S. Bernardi ad Guillelmi abbati. Apologia (Paris, 1640, p. 983).

12. „Пусть будет пестрота в этой одежде, но не будет разрыва“. Там же. Это одна из излюбленных цитат Бэкона, часто встречающаяся в разных его произведениях.

13. „...отвращайся негодного пустословия и прекословий лжеименного знания“. Первое послание апостола Павла к Тимофею, гл. VI, 20.

14. „...подобны железу и глине в ногах Навуходносорова истукана“ — согласно библейской легенде, царь Навуходносор видел во сне истукана, голова которого была из чистого золота, грудь и руки — из серебра, чрево и бедра — медные, голени железные, а стопы частью железные, частью глиняные. Призванный для объяснения этого сна, пророк Даниил предсказал царю чередование золотого, серебряного и прочих царств, а относительно последнего, „царства разделенного“ сказал, что сила и слабость его смешаются, но не сольются, как железо не смешивается с глиной. Книга пророка Даниила, гл. II, 43.

15. „...разбивать одну скрижаль о другую“: скрижали — две каменные плиты, на которых по преданию были высечены 10 „заповедей Моисея“. По библейской легенде, первые скрижали, принесенные Моисеем с Синая, были разбиты им в приступе ярости, вызванной увлечением народа культом золотого тельца. Исход, гл. XXXII, 19.

16. Агамемнон — в „Илиаде“ легендарный царь Микен, предводитель ахейского войска в Троянской войне. Миф о жертвоприношении Агамемнона гласит: когда греки отправлялись под Трою, Агамемнон оскорбил Артемиду, убив на охоте посвященную ей лань. Прорицатель Калхас объявил, что для того, чтобы очистить греческое войско от его вины, Агамемнон должен принести в жертву Артемиде свою дочь Ифианассу (обычно отождествляемую с Ифигенией). Но когда все уже было готово для жертвы, Артемиде жалилась и в самый момент заклания заменила Ифигению козой, а ее на облаке унесла в Тавриду, где Ифигения стала жрицей.

17. „Вот к злодеяниям каким побуждает религия смертных“. Лукреций. О природе вещей, кн. 1, строка 101.

18. Резня во Франции — Бэкон имеет в виду события Варфоломеевской ночи (24 августа 1572 г.), т. е. в разгар гражданских войн во Франции второй половины XVI в., когда учинено было чудовищное избиение гугенотов в Париже и многих провинциальных городах Франции.

19. „Пороховой заговор в Англии“ — был организован в 1605 г. английскими католиками с целью взорвать парламент вместе с королем Яковом I в ответ на указ против католиков, согласно которому на не-англикан наложены были денежные пени. Руководящую роль в заговоре играли иезуиты, деятельное участие принимали и представители английской католической знати. Заговор был раскрыт и исполнитель его офицер Фокс был застигнут в подвале парламентского здания, где были обнаружены бочки с порохом. Под пыткой Фокс выдал своих сообщников.

20. Анабаптисты (перекрещенцы, назывались так потому, что требовали вторичного крещения в зрелом возрасте) — плебейская секта, состоявшая главным образом из ремесленников и крестьян, появившаяся в Германии перед Великой Крестьянской войной 1525 г. и выражавшая под религиозным покровом социальный протест против феодальной эксплуатации.

21. „Взойду на высоты облачные...“ Книга пророка Исая, гл. XIV, 14.

22. „Убийство государей“ — имеется в виду убийство французского короля Генриха III католическим монахом-фанатиком Жаком Клеманом в 1589 г.

23. Меркурий — у греков Гермес; в греческой мифологии бог пастбищ и стад, дорог, торговли, гимнастики и красноречия. Обычно изображался юношей с жезлом в руке, символизировавшим его власть над душами людей.

24. „Ибо гнев человека не творит правды божией“: Соборное послание апостола Иакова, гл. 1, 20.

V. О бедствиях

1. „... благ процветания следует желать, а благами бедствий восхищаться“: Сенека. Письма, VII, 4, § 29.

2. „... сочетать брэнность человеческую с безмятежностью богов“. Сенека. Письма, VI, 4, § 12. О Сенеке см. примечание 7 к главе XXXIV „О богатстве“.

3. Царь Давид — по библейской мифологии, песнопевец, сочинитель псалмов.

VI. О скрытности и притворстве

1. „Тацит сообщает...“ — см. Тацит. Летопись, кн. V, гл. I.

2. „... Муциан, побуждая Веспасиана выступить с оружием против Вителлия“ — римский наместник в Сирии Г. Лициний Муциан был одним из главных инициаторов военного заговора, имевшего целью посадить на императорский престол Веспасиана (см. прим. 9 к главе XI „О высокой должности“).

3. Тацит. Летопись, кн. III, гл. 70, а также „Агрикола“, гл. 39.

IX. О зависти

1. „Ведь каждый любопытный зложелателен“. Неточная цитата из комедии Плавта „Господа и рабы“ (Stichus), акт II, сцена 1.

2. Нарсес — византийский полководец (472—568), родом армянин; военнопленный и евнух. Возвысился при императоре Юстиниане; возглавлял войска Юстиниана в войне против готов.

3. Агесилай II — спартанский царь (годы царствования 398—361 до н. э.), несмотря на хромоту, получивший известность как полководец. Идеализирован исторической традицией. См. Плутарх. Жизнеописания замечательных людей. Агесилай.

4. Тамерлан (1336—1405) — известный завоеватель. Захватив власть в значительной части Средней Азии, Тамерлан объявил себя потомком Чингис-хана. Совершил ряд опустошительных походов, всюду с исключительной жестокостью расправляясь с теми, кто оказывал ему сопротивление.

5. Публий Элий Адриан (император Цезарь Траян Адриан Август) — римский император в 117—138 гг. н. э. Адриан, поклонник греческой культуры, разносторонне одаренный (он писал стихи, занимался музыкой, живописью, скульптурой, математикой и медициной), был зол и завистлив. Известный архитектор и скульптор Аполлодор, осмелившийся критиковать планы, которые император сделал для храма Венеры в Риме, заплатил за это жизнью. См. Spartian, Vit. Adrian., 15.

6. „Зависть Каина...“ Книга Бытия, гл. IV, 5.

7. „Одним скачком“ (лат.).

8. „Сколько терпим“ (лат.). Слова из молитвы о мертвых в католическом богослужении.

9. „Зависть праздников не соблюдает“. Евангелие от Матфея, гл. XIII, 25.

10. Евангелие от Матфея, гл. XIII, 25.

XI. О высокой должности

1. В латинском издании этот опыт называется „De Magistratibus et dignitatibus“. Впервые опубликован в издании „Опытов“ 1612 г.

2. „Когда ты уже не тот, чем был, у тебя нет причин быть привязанным к жизни“. Цицерон (Epist. Fam., VII, 3).

3. „Смерть страшна, тяжела тому, кто, чрезмерно известный всем, сам до смерти не знал себя“. Сенека а. Тиэст, действие II, строки 470—472.

4. „И увидел бог все, что он создал, и вот, хорошо весьма“. Неточная цитата из Библии. Книга бытия, гл. 1, 31.

5. „de facto“ — фактически (лат.).

6. „Как говорит Соломон. . .“ — Книга притчей Соломоновых, гл. XXVIII, 21.
7. „Место кажет человека“ — древнегреческая поговорка, часто приписываемая Солону.
8. „. . . по согласному мнению всех, был способен управлять империей, если б не был императором“. Тацит. История, кн. I, гл. 49. Сервий Сульпиций Гальба — римский император; в 68—69 гг. н. э. был провозглашен императором в возрасте 70 с лишним лет, главным образом за знатное происхождение. Восстановив против себя армию, Гальба был убит солдатами, провозгласившими императором Марка Сальвия Отона (см. прим. 3 к главе II).
9. „. . . единственный государь, переменявшийся к лучшему“. Тацит. История, кн. I, гл. 50. Тит Флавий Веспасиан (император Цезарь Веспасиан Август) — римский император в 69—70 гг. н. э.

ХII. О бойкости

1. „. . . какой дар всего нужнее оратору? — Жест. . .“ Эти слова Демосфена любил приводить, говоря об ораторском искусстве, знаменитый римский оратор М. Туллий Цицерон (*De oratore*, III, 56, § 213, *De claris oratoribus*, 38, *Orator*, 17).
2. Прославленный афинский оратор Демосфен (384—344 гг. до н. э.) страдал природными недостатками, но не в области жеста, а речи, и преодолел их только упорными упражнениями.

ХIII. О доброте и добродушии

1. Бусбек (или Бюсбек), Ожье Жислен (1522—1592) — австрийский дипломат и ученый. Был послом императора Фердинанда I в Турции и в 1589 г. издал „*Legationis turcicae epistolae*“. Рассказ его Бэкон передает неточно, смягчая жестокость, проявленную христианином. У Бусбека это — венецианский ювелир, который прибил пойманную птицу живьем над дверьми, распялив ей клюв палкой. В латинском издании Бэкон исправил свою неточность. См. названное сочинение, ер. III, р. 133, ed. 1605.
2. „. . . один из итальянских ученых“ — в латинском издании Бэкон вычеркнул эти слова, а в итальянском переводе „Опытов“ заменил словами „нечестивый Маккиавелли“. Приводимое Бэконом высказывание Маккиавелли см. Н. Маккиавелли. Рассуждения на первую декаду Тита Ливия, кн. II, 2. См. также примеч. 1 к главе XXXIX „О привычке и воспитании“.
3. Имеется в виду известная басня о петухе и жемчужном зерне, восходящая к греческому баснописцу Эзопу (VI в. до н. э.); см. также Федр, III, 12; сюжет этой басни обработан также Крыловым.
4. „. . . Он повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми. . .“ Евангелие от Матфея, гл. V, 45.

5. „Все что имеешь, продай и раздай нищим...“ Евангелие от Марка гл. X, 21.

6. Лазарь, согласно евангельской притче, — бедняк, лежавший в лохмотьях и стружьях у ворот богача. Евангелие от Луки, гл. XVI, 20—31.

7. „Человеконенавистники“ (лат.).

8. Тимон — афинский гражданин, по преданию живший во времена Пелопоннесской войны. Язвительно нападая на современные ему нравы, он дошел до полного уединения и стал прототипом мрачного человеконенавистника. Однажды, — рассказывает Плутарх („Жизнеописания замечательных людей“. Антоний), — Тимон обратился к собранию афинян со следующими словами: „Государи мои, при доме моем есть садик; там растет фиговое дерево, на котором повесилось много людей; поскольку я намереваюсь строить на этом месте, я счел нужным оповестить вас об этом, чтобы до того, как дерево будет срублено, те из вас, кто отчаялся, успел повеситься“. Тимон является героем одноименного диалога Лукиана и одноименной же трагедии Шекспира.

9. Послание апостола Павла к римлянам, гл. IX, 3.

XIV. О дворянстве

1. Этот опыт был значительно расширен и исправлен по сравнению с изданием 1612 г. Так, например, начало этого опыта со слов: „О дворянстве я намерен говорить...“ и до слов: „Многочисленное и могущественное дворянство...“ было прибавлено в издании 1625 г.

XV. О смутах и мятежах

1. Опыт „О смутах и мятежах“ был написан Бэконом между 1607 и 1612 гг., но в своем анализе классовой структуры английского общества Бэкон часто исходит здесь из более давних социальных отношений, раннетюдоровского времени. В издании 1612 г. этот опыт не был напечатан и впервые увидел свет в итальянском переводе бэконовских „Опытов“ (см. стр. 186 наст. изд.).

2. „... О смутах незримых оно предвещает

Часто, о кознях и скрытой войне, набухающей тайно“. (Вергилий. Георгики, кн. 1, строки 464—465).

3. „Оную Матерь Земля, на богов распаленная гневом,

Младшую, как повествуют, сестру Энкеладу с Кеем

Произвела...“ (Вергилий. Энеида, кн. IV, строки 179—181).

4. „Раз ставшему ненавистным государю хорошие ли, дурные ли поступки влекли за собой одинаково враждебные толкования“. — Бэкон перефразирует приведенную цитату из Тацита („Истории“, кн. I, гл. 7).

5. „Солдат был бодр, но предпочитал скорее толковать приказания полководцев, чем исполнять их“. — Бэкон неточно цитирует приведенное место из Тацита („Истории“, кн. II, гл. 39).

6. „Как верно подмечает Маккиавелли...“ См. Н. Маккиавелли. Рассуждения на первые три книги Тита Ливия, кн. III, гл. 27, СПб., 1869.

7. Генрих III, король Франции (годы правления 1575—1589), последний представитель династии Валуа. Бэкон имеет в виду следующее событие. Когда в 1576 г. во время гражданской войны образовалась Католическая лига, подлинным вождем которой стал претендент на французскую корону Генрих Гиз, Генрих III, желая парализовать своего противника, объявил себя главой Лиги. Но маневр короля обречен был на неудачу, так как в ходе борьбы Лига фактически превратилась в правительство, противостоявшее королю.

8. *Primum mobile*, т. е. „первый двигатель“, согласно системе мира Аристотеля, а также астрономии Птолемея, — первоисточник, сообщающий движение всему остальному и помещающийся за „крайней внешней сферой небес“, сферой неподвижных звезд.

9. „...так открыто, что можно было подумать, что они забыли о своих повелителях“. — Неточная цитата из Тацита („Летописи“, кн. III, гл. 4).

10. „Сниму поясы с чресл царей“. Книга пророка Исайи, гл. XIV, 1.

11. „Хищный отсюда процент, беспощадные сроки уплаты, —

И поколеблен кредит, и война стала выгодной многим“.

Бэкон неточно цитирует из Лукана („Фарсалия“, или „Поэма о гражданской войне“, кн. 1, строки 181—182, М.—Л., „Литературные памятники“, 1951).

12. „Только для печали есть граница, а для страха—никакой“. Плиний Младший. Письма, кн. VIII, 17, 6, М.—Л., „Литературные памятники“, 1950.

13. „Материал превзошел мастерство...“ Овидий. Метаморфозы, кн. II, 5.

14. Имеется в виду высокий уровень производства в Голландии конца XVI—начала XVII в., а также прибыльные фрахты, составлявшие значительную статью дохода голландцев. Торговый флот Голландии, превосходивший тогда флоты других европейских государств, составлял ее главную силу.

15. Об огораживании см. опыт XXIX „Об истинном величии королевств и республик“ и примечание 12 к нему.

16. Бриарей — в греческой мифологии сторукий великан; в „Теогонии“ Гесиода назван сыном Урана (Неба) и Геи (Земли). Миф, излагаемый Бэконом, приводится в „Илиаде“ (кн. 1, строки 397—407). Но богиней, призвавшей Бриарея на помощь Зевсу, была не Афина Паллада, а Фетида.

17. Эпиметей — брат титана Прометей, похитившего для людей небесный огонь и навлекшего на себя гнев Зевса. Чтобы покарать Прометей, Зевс послал Эпиметею в жены Пандору, которая принесла человечеству все бедствия.

18. „Сулла был неграмотен, а потому не мог диктовать“. (Игра слов: *dictare* — значит „диктовать“, а также — „быть диктатором“). Светоний. Жизнеописание двенадцати цезарей. Божественный Юлий, гл. 77.

19. „Он набирает, а не покупает солдат“. Тацит. Истории, кн. I, гл. 5.

20. „Если буду жив, империя римская не будет больше нуждаться в солдатах“. Flavius Vopiscus. Probus, 20.

21. „... состояние умов было таково, что немногие дерзнули совершить гнуснейшее преступление, многие его хотели и все терпели“. Тацит. Истории, кн. I, гл. 28.

XIX. Об искусстве повелевать

1. Опыт „Об искусстве повелевать“ значительно расширен и исправлен по сравнению с изданием 1612 г.

2. Книга притчей Соломоновых, гл. XXV, 3.

3. Нерон Клавдий Цезарь Август Германик — римский император в 54—68 гг. н. э., публично выступал в Риме и Греции в качестве певца, поэта и актера, причем подкупленные наемные рукоплескатели изображали энтузиазм зрителей. Правление Нерона было отмечено заговорами, восстаниями рабов и населения римских провинций, завершившимися большим восстанием в Галлии. Низложенный сенатом и объявленный вне закона, Нерон бежал из Рима и кончил жизнь самоубийством, не переставая повторять: „Какой артист погибает!“. См. Dio Cass., LXIII, 1.

4. Тит Флавий Домициан — последний римский император в 81—96 гг. н. э. из династии Флавиев. Своей самодержавной политикой и преследованиями senatorской аристократии вызвал сильнейшую оппозицию среди последней. Эти преследования стяжали ему репутацию тирана. В связи с этим часто изображался римской исторической традицией деспотом вроде Нерона или Калигулы. Этой традиции следует в данном случае и Бэкон. См. Светоний. Жизнеописание двенадцати цезарей. Домициан, гл. 19.

5. Коммод (Люций Аврелий Коммод) — римский император в 180—192 гг. н. э. Предоставив управление временщикам, Коммод сам выступал гладиатором в цирках. В то время как империя была охвачена восстаниями, Коммод развлекал римлян цирковыми зрелищами и заискивал у солдат. Был убит своими приближенными. См. Dio Cass., LXXII, 10, 22.

6. Марк Аврелий Север Антонин, прозванный Каракаллой, — римский император в 212—217 гг. н. э. Начав свое правление с убийства брата и отметив его и в дальнейшем многочисленными жестокостями, Каракалла старался удержаться у власти с помощью поблажек и подачек солдатам, но был убит восставшими солдатами во время войны с парфянами. См. Dio Cass., LXXVII, 10.

7. Александр Великий — македонский царь (годы царствования 336—323 до н. э.). Знаменитый полководец и завоеватель, создатель крупнейшей из древ-

них монархий, охватывавшей Малую Азию, часть Средней Азии, Египет и часть Индии. Но это огромное, созданное силой оружия, государство оказалось непрочным и после смерти Александра Македонского распалось на ряд так называемых эллинистических государств.

8. Гай Аврелий Галерий Диоклетиан — римский император в 284—305 гг. н. э. Сын вольноотпущенника, Диоклетиан начал службу простым солдатом и скоро достиг высших чинов. При своем предшественнике — императоре Нумериане — был начальником императорской стражи, а после смерти Нумериана провозглашен был войсками императором. Диоклетиан оказался не только опытным военачальником, но и крупным государственным деятелем. Однако, несмотря на реформы Диоклетиана, упадок империи неуклонно продолжался. В 305 г. Диоклетиан отрекся от власти.

9. Карл V (годы жизни 1500—1558), с 1516 г. король Испании, в 1519 г. был избран (при финансовой поддержке банкиров Фуггеров) германским императором. Лелея реакционный план создания всемирной католической империи, Карл V воевал с турками, угрожавшими его державе с юга; с Францией из-за преобладания в Европе и прежде всего в Италии; и со своими собственными подданными, протестантскими князьями в Германии. Огромная империя Карла была искусственным и непрочным государственным объединением. Крушение политических планов Карла заставило его в 1556 г. отречься от испанского престола в пользу своего сына, Филиппа II, и уступить германский престол своему брату, Фердинанду (1555 г.).

10. Аполлоний Тианский (I в. н. э.) — представитель новопифагорейской философии и „чудотворец“, которого язычники в своей борьбе с христианством противопоставляли Христу. Именно в этих целях в начале III в. н. э. софистом Филостратом Афинским была написана легендарная биография Аполлония. Приводимая Бэконом цитата содержится в указанной биографии, см. *Vita Appoll. Tyanii*, V, 28. Об Аполлонии Тианском см. диссертацию, написанную и защищенную в 1861 г. Писаревым. О Веспасиане см. прим. 9 к главе XI „О высокой должности“.

11. „Желания государя бывают большей частью необузданны и противоречивы“. Цитата (не буквальная) не из Тацита, как ошибочно указывает Бэкон, а из Саллюстия („Югуртинская война“, гл. 113).

12. Бэкон имеет в виду главных участников итальянских войн (1483—1559 гг.). Французский король Франциск I вел с Карлом V на протяжении 20 лет четыре войны. Генрих VIII Английский вместе с папой, Венецией и Швейцарией сначала были на стороне Карла V, но когда последний вытеснил Франциска I из Италии, они, боясь чрезмерного усиления императора, перешли на сторону Франциска I.

13. Союз, оформившийся в 80-х годах XV в. и направленный против растущего могущества Венеции.

14. Гвиччардини Франческо (1483—1540 гг.) — известный итальянский историк, политический деятель и писатель; представитель крупной финансово-ростовщической буржуазии Флоренции. Его главный труд — „История Италии“ (вышел посмертно в 1561—1564 гг.) — охватывает период 1492—1534 гг. См. Guicciardini. Hist., I, 1.

15. Бэкон имеет в виду Фому Аквинского. См. Summa Theologiae, 2^a quaest. XL.

16. Ливия Друзилла — третья жена императора Августа. Своим влиянием на стареющего императора она пользовалась прежде всего для того, чтобы обеспечить престол своему сыну от первого брака, будущему императору Тиберию, которого Август усыновил. Однако обвинение в отравлении Августа, выдвинутое против нее некоторыми современниками, считается недоказанным. См. Dio Cass., LVI, 30.

17. Рокселана, жена турецкого султана Солимана Великолепного (1520—1526), чтобы доставить престол собственному сыну, оклеветала Мустафу, старшего сына султана от другой жены, обвинив его в сношениях с персами. По приказу султана Мустафа был удушен.

18. Изабелла Анжуйская, дочь французского короля Филиппа IV Красивого и жена английского короля Эдуарда II (годы царствования 1307—1327). Потерпев неудачу в своих попытках бороться с фаворитами Эдуарда, Изабелла, вместе со своим возлюбленным Мортимером, удалилась во Францию и, при поддержке Франции, в 1326 г. вторглась в Англию. Используя всеобщую ненависть к Эдуарду и его поражения в войне с Шотландией, Изабелла с помощью Франции сумела лишить Эдуарда престола и заключить его в тюрьму, где он был убит.

19. Один из сыновей султана Солимана от Рокселаны (см. прим. 17).

20. Константин Великий — римский император с 306 по 337 г. н. э. В результате борьбы с другими претендентами, пытавшимися разделить империю после императора Диоклетиана (см. прим. 8), оказался с 324 г. единственным повелителем огромной Римской империи. Помощниками Константина были четыре его сына, управлявшие различными частями империи. Старший сын (от первого брака), Крисп, был казнен вследствие интриг своей мачехи. Вскоре после смерти Константина второй его сын, тоже Константин, выступил против младшего, Константа, но был убит. Констант завладел западом империи, но вскоре также был убит в результате военного заговора. Власть перешла к оставшемуся третьему сыну, Констанцию. Расправившись с несколькими своими дядями и двоюродными братьями, Констанций оставил в живых младшего из них, Юлиана, за которым, однако, с детства учредил тщательный надзор в лице христианских наставников. Войска, расположенные на территории Галлии, провозгласили Юлиана Августом. Он выступил против Констанция, но тот умер раньше, чем произошла встреча их войск. Недолгое царствование

Юлиана (361—363 гг. н. э.), прозванного в христианской историографии „Отступником“, отмечено было попыткой восстановления язычества.

21. Деметрий (ум. в 179 г. до н. э.) — сын македонского царя Филиппа I (а не Филиппа II, как ошибочно указывает Бэкон), был послан в Рим в качестве поручителя за соблюдение Филиппом его договоров. Римляне, стремившиеся воспрепятствовать возрождению македонского могущества, оказывали поддержку Деметрию. Это вызвало против него гнев отца и особенно старшего брата, Персея, для которого Деметрий являлся помехой на пути к престолу. Персей добился от отца казни Деметрия.

22. Когда султан Баязет II (1481—1512) хотел уступить престол своему сыну Ахмету, против него выступил его младший сын, Селим, прозванный Свирепым, который сверг отца, а затем отравил его (1512).

23. Генрих II Английский (годы царствования 1154—1189) — первый английский король из Анжуйской династии (Плантагенетов), которому одновременно принадлежали огромные владения во Франции. Из-за них Генрих II непрерывно воевал с французскими королями, которые поднимали против Генриха II его сыновей (Генриха, Ричарда Львиное Сердце и Иоанна Безземельного) и непокорных ему баронов.

24. Ансельм (1033—1109) — богослов-схоластик и политический деятель, занял должность архиепископа кентерберийского (высшая церковная должность в Англии, так называемый „примас Англии“) после того, как король Вильгельм Рыжий долго держал ее вакантной. Борьба архиепископа с королевской властью, начавшаяся при Вильгельме Рыжем и продолжавшаяся и при его преемнике, Генрихе I, велась из-за права назначения на епископские и другие церковные должности, до тех пор принадлежавшего королю, но которое Ансельм, апеллируя к папе, старался у него изъять.

25. Томас Бекет, архиепископ кентерберийский (1118—1170), воспротивился так называемым „Кларендонским постановлениям“ (1164), которыми английский король Генрих II, проводя политику усиления королевской власти, ограничивал права церкви и церковных судов. Во время этой борьбы Бекет был убит группой рыцарей по наущению короля. Бароны воспользовались этим предлогом, чтобы во всех концах страны подымать народ против короля. Король был вынужден публично покаяться и пойти на уступки в отношении церковных судов.

26. См. Ф. Бэкон. История Генриха VII, гл. 7.

27. „Воротная вена“ (лат.).

28. Янычары (по-турецки—новые войска) возникли в XVI в. из религиозно-ремесленных братств, но вскоре приобрели характер постоянной платной армии османского абсолютизма. Часть янычар исполняла в провинциях функции жандармерии и полиции, составляла свиту губернатора, из янычар состояла личная гвардия султана; они получали крупное жалованье и имели много

привилегий. В XVI—XVIII вв. значение янычар как лучшей пехоты в Европе стало падать. Янычары были распущены в 1826 г.

29. Преторианская гвардия возникла из преторских когорт, являвшихся во времена Римской республики личной стражей полководца (претора). Император Август утроил их число. Преторианцы набирались только из италиков и находились в привилегированном положении. В последующий период постепенного разложения рабовладельческого общества преторианцы, развращенные подачками, были главными участниками дворцовых переворотов, провозглашая, свергая и убивая императоров. В 312 г. н. э. преторианская гвардия была упразднена.

30. „Помни, что ты человек“.

„Помни, что ты бог или наместник его“.

XX. О совещаниях и советниках

1. Книга пророка Исаяи, IX, 6.

2. Книга притчей Соломоновых, гл. XX, 18.

3. Сын Соломона — Ровоам. Согласно библейской легенде, израильтяне просили Ровоама облегчить иго, наложенное на них его отцом Соломоном, обещая за это верно служить ему. Царь Ровоам совещался со старцами, советниками своего отца, но отверг их совет — говорить с народом ласково. Вместо этого он внял совету молодежи: ответить народу угрозами еще более увеличить иго, что привело к смутам и дроблению Царства. См. Третья книга Царств, гл. XII, 6—15.

4. Миф о Юпитере (Зевсе) и Метиде изложен Гесиодом в его „Теогонии“.

5. После этих слов в рукописи Бэкона имелся следующий абзац: „Ибо средство это превращает Метиду-супругу в Метиду-любовницу; иначе говоря, заменяет совет, с которым государь торжественно сочетался, советом лиц, которые обязаны своим положением прежде всего лести и ласке“.

6. „Кругом в дырах, повсюду протекаю я“. Строка из комедии Теренция „Евнух“ (действие I, сцена 2, строка 106).

7. Начиная от слов: „Бывают, конечно, дела, требующие полной тайны. . .“ и кончая словами: „Мортон и Фокса“ вставлено Бэконом в издании 1625 г.

8. Джон Мортон (1420—1500) — архиепископ кентерберийский, кардинал и лорд-канцлер Англии (в 1487—1500 гг.). Ричард Фокс (1448—1528) — епископ Винчестерский, лорд-хранитель печати при королях Генрихе VII и Генрихе VIII. Согласно некоторым историкам, они пользовались особой милостью, ибо сообщали королю все, что выслушивали на исповеди. Бэкон отмечал это и в своей „Истории Генриха VII“.

9. „Найдет ли веру на земле?“. Евангелие от Луки, гл. XVIII, 8.

10. „Главное достоинство государя — знать своих людей“. Марциал. Эпиграммы, кн. VIII, 15.

11. „вообще“, „в целом“ (лат.).

12. „Лучшие советники — мертвые“, т. е. книги. Поговорка эта приписывалась королю Альфонсу Арагонскому (как указано в *Alphonsi regis dict. et fact. Lib. 3, c. 1, auct. Ant. Panormita*), но происхождение ее более древнее: встречается у стоика Зенона, см. Диоген Лаэртий, VII, 1, § 3.

13. Начиная со слов: „В наши дни советы большей частью собираются запросто“ и кончая словами: „запоют Пласебо“, т. е. до конца опыта, вставлено Бэконом в издании 1625 г.

14. „Утро вечера мудренее“ (лат.).

15. Комиссия, оформлявшая в 1603 г. объединение Шотландии и Англии после смерти Елизаветы и вступления на престол Англии шотландского короля Якова Стюарта.

16. „заняться текущими делами“ (лат.).

17. „Как угодно тебе“.

XXII. О хитрости

1. „Отправь обоих нагишом к людям, которые их не знают, и тогда увидишь“. Это изречение древнегреческого философа Аристиппа (V в. до н. э.) приводится у Диогена Лаэртия, см. т. 1, Аристипп.

2. По мнению некоторых комментаторов Бэкона, здесь имеется в виду сэр Фрэнсис Уолсингем (1530—1590), министр Елизаветы, ловкий царедворец, один из главных обвинителей Марии Стюарт, разоблачитель коварных замыслов католических держав, против которых он действовал столь же коварными методами.

3. Книга Неемии, гл. II, 1.

4. Валерия Мессалина, третья жена императора Клавдия (41—54 гг.), известная своим распутством. С ее именем связан ряд скандальных придворных историй, последней из которых было ее решение в отсутствие Клавдия официально выйти замуж за одного из своих любовников, сенатора Гая Силия, строившего планы захвата престола. Как сообщает Тацит („Летопись“, кн. XI, гл. 30), один из главных приближенных Клавдия, Нарцисс, не решаясь сообщить подобную весть императору, поручил это его наложницам, а сам только подтвердил сказанное.

5. По мнению известных знатоков и издателей Бэкона — Следдинга и Райта, этими претендентами были сэр Роберт Сесиль, двоюродный брат Бэкона и вместе с тем его соперник в начале его придворной карьеры, и сэр Томас Бодлей.

6. Софоний Тигеллин — один из временщиков императора Нерона (см. прим. 3 к главе XIX „Об искусстве повелевать“). — Секст Афраний Бурр — наставник Нерона и в первые годы правления один из его ближайших советников. — „Я-то не имею иных интересов, кроме безопасности государя“. См. Тацит. Летопись, кн. XIV, гл. 57.

7. Собор св. Павла в Лондоне был в XVI—XVII вв. излюбленным местом празднующейся публики и всякого рода темных лиц. Это породило даже выражение *Paul's man*, обозначающее праздного гуляку.

8. „Глупый верит всякому слову, благоразумный же внимателен к путям своим“. Книга притчей Соломоновых, гл. XIV, 15.

XXIII. О себялюбивой мудрости

1. Это положение, заимствованное из геоцентрической системы Птолемея, повидимому, приводится Бэконом только ради художественного образа; в этих же целях он неоднократно пользуется и другим понятием, взятым из той же системы, — понятием „первого двигателя“ (см. прим. 8 к главе XV „О смутах и мятежах“).

2. Образ заимствован из популярной английской игры в шары (*bowls*).

3. „Влюбленный в самого себя и не знающий соперников“. *Cicero. Ad Quint. Frat.*, III, 8.

XXIV. О новшествах

1. Неточная цитата из Книги пророка Иеремии, гл. V, 16.

XXIX. Об истинном величии королевств и республик

1. Первоначальным зерном этого опыта явилось не оконченное Бэконом сочинение „Об истинном величии Британского королевства“, написанное в 1608 г. Опыт „Об истинном величии королевств и республик“ был Бэконом сильно изменен и расширен по сравнению с изданием 1612 г. В последнем варианте (который мы помещаем в настоящем издании), но в переводе на латинский язык, он был включен Бэконом в его „*De Augustis*“, VIII, 3. Латинский перевод этого опыта был сделан Томасом Гоббсом (см. наст. изд., стр. 187).

2. Плутарх. Жизнеописания замечательных людей. Фемистокл, 2 (Бэкон цитирует здесь Плутарха по английскому переводу Томаса Норта, сделанному с французского перевода Жака Амио).

Фемистокл (ок. 525—461 гг. до н. э.) — выдающийся афинский политический деятель и полководец в период греко-персидских войн, представитель так называемой „морской“ партии, выражавшей интересы торгово-ремесленных кругов, связанных с морской торговлей. Фемистокл содействовал усилению морской мощи Афин, создав многочисленный флот, превративший Афины в первоклассную морскую державу. Впоследствии Фемистокл был изгнан из Афин противной (землевладельческой) партией.

3. „Удовлетворяют требованиям“ (лат.). См. Тацит. *Летописи*, кн. VI, гл. 39, кн. XVI, гл. 18.

4. Евангелие от Матфея, гл. XIII, 31.

5. Вергилий. Эклоги, VII, 51.

6. Битва в долине Арбелы (331 г. до н. э.), близ развалин древней Ниневии, известная также под названием битвы при Гавгамеле (по имени ближайшей деревни), была третьей и последней из побед, одержанных Александром Великим (об Александре см. прим. 7 к главе XIX „Об искусстве повелевать“) над персидской армией царя Дария III, в результате которых Александр завладел Персией. Бэкон в данном случае цитирует Плутарха. См. П л у т а р х. Александр, 31; в переводе Томаса Норта, стр. 735.

7. Армянский царь Тигран II (95—56 гг. до н. э.) выступил союзником своего тестя, понтийского царя Митридата VI Евпатора (120—63 гг. до н. э.), в одной из его войн с римлянами. Разбив флот Митридата, римляне двинулись на новую столицу Армении, Тигранакерту, где укрылся Митридат, и здесь в 74 г. до н. э. одержали победу над Тиграном II. Бэкон имеет в виду рассказ Плутарха в жизнеописании Лукулла (стр. 560).

8. Беседа греческого мудреца Солона с лидийским царем Крезом (VI в. до н. э.) изображена Лукианом в диалоге „Харон, или Наблюдатели“. При Крезе (имя которого стало нарицательным для обозначения богача) Лидия была завоевана (в 546 г. до н. э.) персидским царем Киром.

9. Библейский Иаков, по преданию, произнося перед смертью благословение (или проклятие) сыновьям — всем „двенадцати коленам израилевым“, назначил Иуде долю льва, а Иссахару — вьючного осла. Книга Бытия, гл. XLIX, 9, 14, 15.

10. Для Голландии в XVII в. и позже было характерно налоговое законодательство в интересах торгово-промышленных слоев: множество косвенных налогов, или пошлин, на предметы широкого потребления и, наоборот, низкое обложение торговли и производства.

11. Субсидиями назывались в Англии денежные суммы, по временам утверждавшиеся парламентом королю для особых нужд и собираемые посредством специального обложения, сверх тех сборов, которые были королевской прерогативой. С началом кризиса абсолютизма парламенты все чаще отказывали короне в субсидиях, что было отражением все возраставшего недовольства буржуазии существующим строем.

12. Маркс рисует в „Капитале“ картину экспроприации английского крестьянства в период так называемого первоначального капиталистического накопления в сельском хозяйстве Англии, и тут же дает оценку всем законам и постановлениям, которыми правительство пыталось якобы бороться с этим бедствием, т. е. обезземелением крестьянства и сгоном его с земли.

На этих страницах „Капитала“ Маркс цитирует и бэконову „Историю Генриха VII“ и отрывок из опыта „Об истинном величии королевств и республик“, где Бэкон восхваляет статут Генриха VII. „Законодательство, — указывает Маркс, — было испугано этим переворотом...“ „Одинаково, — пишет далее

Маркс, — бесплодны были и народные жалобы и законы против экспроприации мелких фермеров и крестьян, издававшиеся в течение 150 лет, начиная с эпохи Генриха VII. Тайну их бесплодности непреднамеренно выдал нам сам Бэкон“ (К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 724). Если королевские статуты требовали, чтобы „земля обеспечила подданному довольство и независимость, и за плугом ходил бы сам владелец его, а не наемный батрак“ (Бэкон), то, — как указывает Маркс, — „капиталистическое производство, наоборот, требовало именно рабского положения народных масс, превращения их самих в наемников и превращения средств их труда в капитал“ (К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 724—725). Проведение статутов в жизнь встречало упорное сопротивление земельных собственников. Но королевское законодательство, потерпев в этом деле полную неудачу, с тем большим усердием обрушилось на жертвы переворота — на согнанных с земли крестьян. Это были законы против бродяг и нищих, „кровавое законодательство против экспропрированных“, как выразился Маркс. Безработных обязывали приискать работу в месячный срок, иначе они считались бродягами. Наказанием были плети, клеймение, а при повторных поимках — казнь. „Люди, выгнанные вследствие роспуска феодальных дружин, — пишет Маркс, — и оторванные от земли насильственной, осуществлявшейся толчками экспроприацией, этот поставленный вне закона пролетариат поглощался развивающейся мануфактурой далеко не с такой быстротой, с какой он появлялся на свет. С другой стороны, люди, внезапно вырванные из обычной жизненной колеи, не могли столь же внезапно освоиться с дисциплиной новой своей обстановки. Они массами превращались в нищих, разбольников, бродяг... в большинстве случаев под давлением необходимости. Поэтому в конце XV и в течение всего XVI в. во всех странах Западной Европы издаются кровавые законы против бродяжничества. Отцы теперешнего рабочего класса были прежде всего подвергнуты наказанию за то, что их насильственно превратили в бродяг и пауперов. Законодательство рассматривало их как «добровольных» преступников, исходя из того предположения, что при желании они могли бы продолжать трудиться при старых, уже не существующих условиях“ (К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 737—738).

13. „... область, оружием сильна и земли плодородьем“. Вергилий. Энеида, кн. I, 531.

14. Согласно одному из библейских мифов, вавилонский царь Навуходоносор увидел однажды сон, предвещавший разрушение его царства. Во сне ему привиделось высокое дерево, вершиной уходившее в небеса; звери укрывались в тени его, птицы гнездились в ветвях, а плоды его питали все живое. Но сошел с небес ангел и повелел срубить дерево, обрубить его ветви, отряхнуть листья и плоды и оставить от него одни корни. См. Книга пророка Даниила, гл. IV, 6 и сл.

15. „Право торговли, право вступления в брак, право наследования“ (лат.).

16. „Избирательные права, право занимать государственные должности“ (лат.).

17. Закон испанского короля Филиппа III (годы царствования 1598—1621), поощрявший деторождение, был попыткой приостановить катастрофический хозяйственный упадок страны.

18. Ромул — легендарный основатель Рима в VIII в. до н. э. О завещании Ромула рассказано у Плутарха (Жизнеописания замечательных людей. Ромул, 28).

19. Так называемая Вторая Македонская война (200—197 гг. до н. э.), начатая Римом из боязни усиления Македонии за счет ослабевшего Египта. В результате победы в этой войне, римляне потребовали от македонского царя Филиппа V вывода македонских гарнизонов из Греции. Грекам это было преподнесено как их освобождение, объявленное в торжественной обстановке истмийских игр 196 г.

20. Пелопоннесская война (431—404 гг. до н. э.) происходила между Спартой и Афинами и их союзниками за преобладание в Греции. Война вызвана была не только политическим противоречием между олигархией Лакедемона (Спарты) и афинской демократией, но и столкновением интересов аграрной Спарты и торговых Афин.

21. „Планы Помпея поистине фемистокловские; он полагает, что господство на море означает господство надо всем“. Цицерон. Письма к Аттику, X, 8

22. Битва при Акции произошла 2 сентября 31 г. до н. э. около берегов Греции, у мыса Акция, между войсками Марка Антония (см. прим. 4 к главе LI „О партиях“) и Октавиана (см. то же примечание) и закончилась поражением Антония, бежавшего в Египет. Когда Октавиан в следующем году повел наступление на Египет, Антоний, не надеясь на победу, лишил себя жизни, а Египет был присоединен к римской державе.

23. Лепанто (древний Навпакт, нынешний Эвпакт) — город у входа в Коринфский залив (Греция). 7 октября 1571 г. объединенный флот Испании, Венецианской республики и папы Пия V, под командованием побочного сына Карла V, дон Хуана Австрийского, одержал там крупную победу над численно превосходившим его турецким флотом. Турецкий флот был почти полностью уничтожен. В числе раненых в Лепантском сражении был автор „Дон-Кихота“ Сервантес.

24. Евангелие от Матфея, гл. VI, 27.

XXXI. О подозрении

1. Генрих VII Английский — Бэкон имеет в виду английского короля Генриха VII (годы правления 1485—1509), первого представителя династии Тюдоров. В своей „Истории Генриха VII“ (гл. VII) Бэкон говорит, что

Генрих VII был „таков, каким должен быть мудрый государь: наружно смел, а про себя опаслив“.

2. „Подозрение освобождает от верности“.

XXXIII. О колониях

1. Опыт „О колониях“ был впервые опубликован в издании 1625 г. В латинском издании он назывался „De plantationibus populorum et coloniis“.

2. См. Лукреций, V, 823—4.

3. „...как это было в Виргинии с табаком“ — Бэкон имеет в виду первую английскую колонию в Америке. Виргинию обследовал в 1584 г. известный пират королевы Елизаветы, В. Ралей. Он и назвал колонию в честь королевы-девственницы. Елизавета пожаловала ему эту землю, но Ралей не успел воспользоваться своим правом. Когда в 1604 г. Ралей был осужден, земли его были конфискованы и переданы Лондонской компании. В 1607 г. на реке Джемс было основано первое поселение, Джемстоун. Охваченная лихорадочной жаждой наживы, компания сразу приступила к созданию по течению реки Джемс табачных плантаций, на которых поселенцы стали эксплуатировать коренное индейское население. Туземцы массами гибли от непосильной работы и жестокого обращения. Истребление туземцев происходило с такой быстротой, что в 1619 г. в колонию стали уже ввозить рабов-негров, а также использовать на подневольной работе ссыльных из Англии преступников. Исполнительная власть в колонии принадлежала губернатору и совету, назначаемым Лондонской компанией. Это именно то управление, которое Бэкон, принимавший руководящее участие в разработке планов колонизации Виргинии, рекомендует в своем опыте. В 1624 г. управление колонией перешло в руки короны.

XXXIV. О богатстве

1. Латинское слово *impedimenta* (мн. от *impedimentum*) имеет два значения: а) помехи, препятствия; б) обоз.

2. Экклезиаст, гл. V, 10.

3. Книга притчей Соломоновых, гл. XVIII, 12.

4. „В своем стремлении увеличить состояние обнаруживал не алчность, но поиски способов делать добро“. Ц и ц е р о н. *Pro Rabir. Post.*, 2.

5. „Кто спешит разбогатеть, тот не останется ненаказанным“. Книга притчей Соломоновых, гл. XXVIII, 20.

6. „В поте чужого лица“. Перефразировка библейского: „в поте лица своего...“

7. „Словно охотничьими сетями захватывает завещания и бездетных людей“. Та ц и т. *Летопись*, кн. XIII, гл. 42. Луций Анней Сенека (ок. 4 г. до н. э. — 65 г. н. э.) — римский философ-стоик. В статье „Бруно Бауэр и раннее

христианство“ Энгельс дает Сенеке следующую характеристику: „Этот стоик, проповедывавший добродетель и воздержание, был первым интриганом при дворе Нерона, причем дело не обходилось без пресмыкательства; он добивался от Нерона подарков деньгами, именьями, садами, дворцами и, проповедуя бедность евангельского Лазаря, сам-то в действительности был богачом из той же притчи“ (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 607).

8. Книга притчей Соломоновых, гл. XXIII, 5.

XXXV. О пророчествах

1. Первая книга Царств, гл. XXVIII, 19.

2. „Будет править отныне троянцами сила Энея,
Также и дети детей, которые позже родятся“.

(Гомер. Илиада, песнь XX, строки 307—308, М.—Л., 1947).

3. „Промчатся годы и чрез много веков
Океан разрешит оковы вещей
И огромная явится взорам земля,
И новые Тифис откроет моря,
И Фула не будет пределом земли“.

(Сенека. Трагедии. Медея, действие II, строки 440—444, М.—Л., 1933).

4. Поликрат (VI в. до н. э.) — тиран Самосский. Рассказ об этом предсказании см. Геродот, кн. III, 124.

5. Филипп Македонский — имеется в виду македонский царь Филипп II (359—336 до н. э.), отец Александра Македонского. Сообщение об этом см. Плутарх. Александр.

6. Марк Юний Брут (85—42 до н. э.) — римский политический деятель. Принимал руководящее участие вместе с Гаем Кассием в заговоре сенаторской знати против Юлия Цезаря. После убийства Цезаря Брут (вместе с Кассием) продолжал борьбу, но, потерпев поражение при Филиппах, покончил с собой. „Явлюсь тебе еще в Филиппах“. Рассказ об этом см. Аппиан. Гражданские войны, кн. IV, 134, Л., 1935.

7. Тиберий — римский император, пасынок Августа, правивший с 14 по 37 г. н. э. Гальба — см. примечание 8 к главе XI „О высокой должности“. „И ты, Гальба, отведаешь самодержавной власти“. Светоний („Жизнеописание двенадцати цезарей“. Гальба, 4) приписывает эти слова не Тиберию, а Августу.

8. Веспасиан — см. прим. 9 к главе XI „О высокой должности“. Тацит. Истории, кн. V, гл. 13.

9. Домициан — последний римский император из династии Флавиев (81—96 гг.). Приводимое Бэконом сообщение см. Светоний. Жизнеописание двенадцати цезарей. Домициан, 23.

10. Генрих VI — английский король (1422—1461) из династии Ланкастеров; начавшаяся при нем (в 1455 г.) война Алой и Белой розы привела к сверже-

нию Генриха VI и к провозглашению королем Эдуарда IV Йорка. Рассказ этот приводится Бэконом в его „Истории Генриха VII“, гл. 7.

11. Бэкон провел во Франции, куда он был послан в составе свиты английского посланника при французском дворе, около 2¹/₂ лет. Из Парижа Бэкон вернулся в феврале 1579 г.

12. Королева-мать — Екатерина Медичи, жена французского короля Генриха II (1547—1559).

13. Астрологом этим был известный составитель гороскопов Нострадамус (1505—1566), занимавшийся врачебной практикой и написавший книгу „Centuries“, в которой среди многих других предсказаний фигурирует и упоминаемое в тексте (см. I cent., 35 quatr., éd. 1568).

14. Буквы, составляющие английское слово henry, или, по старому правописанию, henre (пенька), являются начальными буквами имен Henry, Edward, Mary, Philip, Elizabeth — т. е. имен Елизаветы и ее предшественников на английском престоле.

15. Имеется в виду огромный флот, который испанцы называли „Непобедимой Армадой“ и который в 1588 г. послан был для разгрома Англии испанским королем Филиппом II.

16. Региомонтан — имеется в виду немецкий математик и астроном Иоанн Мюллер (1436—1476), прозванный по городу Кенигсбергу, из которого он был родом, — Региомонтаном (латинское название Кенигсберга). „Восемьдесят восьмой год будет достопамятным“. Предсказание это приводится в „Историческом словаре“ Пьера Бейля (статья Stofler, прим. Д).

17. Клеон — известный афинский демагог времен Перикла. Сатирическое изложение приводимого в тексте сна см. Аристофан. Всадники, строки 195 и сл.

18. „... существует немало законов, коими они строго караются“ — в правление Елизаветы, а также и раньше, при Эдуарде VI и Генрихе VIII, принимались законы против злоупотребления пророчествами и всякого рода предсказаниями. См. Pickering. Statutes at Large, VI, 207, Cambridge, 1763.

19. Бэкон имеет в виду стих из трагедии Сенеки „Медея“, приведенный выше, в прим. 3 данной главы.

20. „... предание, рассказанное Платоном в «Тимее» — см. приложения, стр. 232. — „Атлантик“ — Бэкон имеет в виду платоновский диалог „Критий“, который в латинском переводе Корнария назывался „Критий, или Атлантик“. Отрывок из „Крития“, относящийся к Атлантиде, см. приложения, стр. 233 и сл.

21. Данный опыт Бэкона (в особенности его заключительная часть) характерен для прогрессивного мировоззрения „родоначальника английского материализма“ (Маркс). Бэкон здесь борется с пережитками средневекового мышления, разоблачая такой обман и грубое суеверие, как пророчества и предсказания, которые, по его словам, „причиняют много вреда“. (Больше места Бэкон уделил борьбе с этим явлением в своем „Новом Органоне“, см. Ф. Бэкон. Собр.

соч., т. II, СПб., 1874, стр. 25, 26 и сл.). Насколько злободневным был этот вопрос во времена Бэкона, можно видеть из того, что английское правительство вынуждено было в целях пресечения этого зла принимать особые законодательные постановления (см. выше, прим. 18).

XXXVI. О честолюбии

1. Некоторых птиц, например ястребов, на время приручения ослепляли, зашивая им веки.

2. Преторианский офицер Невий Серторий Макрон был использован императором Тиберием, чтобы восстановить преторианские войска (см. прим. 29 к опыту XIX „Об искусстве повелевать“) против всесильного временщика, префекта претория Элия Луция Сеяна, который, повидимому, лелеял план захвата императорской власти и с этой целью произвел концентрацию преторианских войск в Риме. После раскрытия замыслов Сеяна и его казни (31 г. н. э.) Макрон сменил Сеяна в должности префекта претория. См. Dio Cass., LVII, 9.

XXXVIII. О человеческой природе

1. „Тот всего лучше побеждает свой дух, кто, разорвав цепи, врезавшиеся в тело, тут же перестает и печалиться“. О в и д и й, *Remedia amoris*, 293.

2. Имеется в виду басня Эзопа „Кошка и Афродита“ в переделке позднегреческого баснописца Бабрия.

3. „Долго жила душа моя...“ Псалтырь, псалом CXIX, 6.

XXXIX. О привычке и воспитании

1. Маккиавелли Николло (1469—1527) — известный итальянский государственный деятель и писатель, автор „Рассуждений на первую декаду Тита Ливия“ (которую имеет в тексте в виду Бэкон), „Князя“, „Истории Флоренции“ и ряда других произведений. Страстный поборник объединения Италии, Маккиавелли допускал достижение этой цели любыми средствами.

Цитируемое Бэконом место см. Н. Маккиавелли. *Рассуждения на первые три книги Тита Ливия*, в переводе Н. Курочкина, СПб., 1869, кн. III, 6.

2. Жак Клеман — доминиканский монах, убивший французского короля Генриха III в 1589 г.

3. Франсуа Равальяк — католический фанатик, агент феодально-католической реакции, заколовший в 1610 г. французского короля Генриха IV.

4. Жореги покушался в 1582 г. на Вильгельма Оранского, штатгальтера Голландии, вождя нидерландского национально-освободительного движения против испанского владычества.

5. Балтазар Жерар, католик, служивший Вильгельму Оранскому и выдававший себя за ревностного протестанта. Через два года после Жореги он повторил покушение на Вильгельма и убил его (1584).

6. Когда был схвачен Жореги, при нем оказались два куска заячьей шкурки и две сушеные жабы в качестве амулетов для обеспечения успеха. Тут же были таблички с обетами, относящимися к задуманному убийству, и записи, судя по которым Жореги был убежден, что этот угодный небесам подвиг тотчас же сделает его невидимым.

7. Английское слово *custom* обозначает одновременно и „привычку“ и „обычай“.

8. Эта просьба приписывается ирландцу Брайену о'Рорку, казненному в мае 1597 г.; Бэкон же неточно сообщает, будто это произошло в начале правления Елизаветы. См. С о х. *History of Ireland*, ed. 1692, p. 399.

9. Бэкон, повидимому, интересовался Московским государством и внимательно читал Флетчера, откуда и почерпнуто приводимое Бэконом в тексте сообщение. См. Д. Ф л е т ч е р. *О государстве русском*, СПб., 1906, гл. XXVIII, стр. 125.

XLI. О ростовщичестве

1. Опыт „О ростовщичестве“ написан Бэконом в самом начале 20-х годов XVII в. Вопрос о ростовщичестве был в это время весьма злободневным и усиленно обсуждался. В марте 1623 г. в парламент внесен был билль против ростовщичества, который в апреле прошел через палату общин. А за два года до этого, 18 апреля 1621 г., в парламент также вносился билль о борьбе с ростовщичеством.

2. „Трутней от ульев своих отгоняют, ленивое стадо“. Вергилий. *Георгики*, кн. IV, строка 168.

3. „В поте лица твоего будешь есть хлеб...“ Книга Бытия, гл. III, 19. За этим следует перефразировка Бэкона: „В поте чужого лица“.

4. „уступка по жестокосердию“, см. Евангелие от Матфея, гл. XIX, 8.

5. *vena porta* см. примеч. 27 к главе XIX „Об искусстве повелевать“.

L. О занятиях науками

1. Опыт „О занятиях науками“ был впервые опубликован в 1597 г. и расширен сначала в издании 1612 г., потом в издании 1625 г. В латинском издании он назывался „*De studiis et lectione librorum*“.

2. „Занятия налагают печать на характер“. О в и д и й. *Героики*, XV, 83.

3. „*sumini sectores*“ — „те, кто расщепляют тминные зерна“, т. е. вдаются в чрезмерные тонкости. Так называли за это качество Антонина Пия, см. *Dio Cass.*, LXX, 3.

LI. О партиях

1. Опыт „О партиях“ был впервые опубликован в 1597 г., слегка расширен в издании 1612 г. и значительно дополнен в издании 1625 г.

2. Лукулл Люций Лициний (род. ок. 106 — ум. в 56 г. до н. э.) — римский политический деятель, оптимат и приверженец Суллы. В 74 г. с успехом командовал римской армией во время второй войны с Митридатом и царем Армении Тиграном II (см. прим. 7 к главе XXIX „Об истинном величии королевств и республик“). Недовольство войск не дало ему добиться окончательной победы, а его политические противники добились передачи верховного командования в борьбе с Митридатом Помпею.

3. Гней Помпей (106—48 гг. до н. э.) — римский полководец и политический деятель из среды землевладельческой аристократии. В 60-х годах Помпей заключил союз с Крассом и Цезарем — 1-й триумвират, — за которым стояли демократические силы (этот союз и имеет в виду Бэкон). Однако обеспокоенный ростом популярности и силы Цезаря, Помпей перешел на сторону сенатской олигархии и выступил против Цезаря, но был разбит им наголову в битве при Фарсале (48 г. до н. э.).

Юлий Цезарь (101—44 гг. до н. э.) — крупнейший римский государственный деятель, боровшийся сначала против римской аристократической республики, но став диктатором, начал подготавливать создание в Риме монархии. В результате заговора, в котором приняли участие многие римские вельможи, обеспокоенные монархическими устремлениями Цезаря, он был убит в сенате Гаем Кассием и Марком Юнием Брутом (см. прим. 6 к главе XXXV „О пророчествах“).

4. Марк Антоний (83—30 гг. до н. э.) — римский государственный деятель и полководец. В гражданской войне 49—45 гг. до н. э. — ближайший соратник Юлия Цезаря. После убийства его Антоний попытался стать преемником Цезаря, но, понеся поражение, вынужден был заключить соглашение с Октавианом и Лепидом — 2-й триумвират — для борьбы с вождями сенаторской республиканской партии, убийцами Юлия Цезаря — Кассием и Брутом. В дальнейшем между Антонием и Октавианом началось соперничество, ибо оба триумвира стремились к единовластию. Решительное столкновение между Антонием и Октавианом произошло в битве при Акции (см. прим. 22 к главе XXIX „Об истинном величии королевств и республик“), закончившееся поражением Антония.

Октавиан (с 27 г. до н. э. — 14 н. э.) — император Цезарь Август. Политический строй, установившийся при Августе и получивший название принципата, представлял собой военную диктатуру, направленную на подавление рабов и низших слоев населения (плебса).

5. „общий отец“ (итал.).

6. „стал как один из нас“. Книга Бытия, гл. III, 22.

7. Французская лига — Бэкон имеет в виду Католическую лигу (см. прим. 7 к главе XV „О смутах и мятежах“).
8. См. прим. 8 к главе XV „О смутах и мятежах“.

LV. О почестях и известности

1. „Всякая репутация исходит от тех, с кем мы живем“. *Cicero. De petit. consul., V, 17.*
2. Ромул — см. прим. 18 к главе „Об истинном величии королевств и республик“.
3. Кир — древнеперсидский царь (558—529 до н. э.) в мидо-персидском государстве; по преданию считается первым персидским царем и основателем мировой персидской державы.
4. Цезарь — см. прим. 3 к главе LI „О партиях“.
5. Осман — имеется в виду Осман I (ок. 1259—1326), полулегендарный основатель Османского (турецкого) государства и династии османских султанов.
6. Измаил, вернее, Исмаил (XVI в.) — основатель династии Сефевидов, начавшей объединение Персии и создавшей сильное персидское государство.
7. *perpetui principes* — вечные государи (лат.).
8. Ликург — полулегендарный законодатель древней Спарты, которому приписывали создание всего государственного строя Спарты. Однако законы, приписываемые Ликургу, не могли ему принадлежать, так как они явно относятся к более позднему времени.
9. Солон — афинский политический деятель (ок. 635—580 до н. э.), известный своими реформами, социальный смысл которых заключался в замене аристократической родовой основы государства имущественной, покоящейся на частной собственности.
10. Юстиниан — византийский император (483—565), в правление которого произведена была кодификация права: составление „Юстинианова кодекса“ (529 г.), *Дигест* и *Институций*. Социальный смысл этой кодификации заключался в возвеличении самодержавной власти императора.
11. Эдгар — англо-саксонский король (844—975), с 959 г. — король всей Англии; англо-саксонские хроники приписывают ему активную деятельность по объединению Англии.
12. Альфонсо Кастильский — имеется в виду король Леона и Кастилии Альфонсо I (1252—1284), правление которого было ознаменовано борьбой королевской власти с сепаратистскими стремлениями феодальной вольницы. Ярким проявлением централизаторских тенденций королевской власти было завершение в 1265 г. свода законов — „*Партид*“, в которых фиксировались суверенные права короны.
13. *liberatores* — освободители (лат.); *salvatores* — спасители (лат.).

14. Цезарь Август — см. прим. 4 к главе LI „О партиях“; при нем завершился длительный период гражданских войн в Риме, порожденных кризисом рабовладельческой республики.

15. Веспасиан — см прим. 9 к главе XI „О высокой должности“.

16. Аврелиан — Луций Домиций Аврелиан, римский император в 270—275 гг., при котором империи удалось вернуть почти все отпавшие от нее области.

17. Теодорих — король остготов (493—526); в 488 г. остготы под предводительством Теодориха вторглись в Италию и, без труда справившись с разноплеменными дружинами Одоакра, завладели ею. В 50-х годах VI в. владычество остготов в Италии было уничтожено византийцами.

18. Генрих VII Английский — см. прим. 1 к главе XXXI „О подозрении“. Генрих VII пришел к власти после длительного периода внутренних смут, известных под названием войны Алой и Белой розы.

19. Генрих IV — французский король (1594—1610), первый из династии Бурбонов. С его приходом к власти во Франции завершился продолжительный период гражданских войн (1559—1584).

20. propagatores imperii — расширившие границы государства (лат.).

21. propugnatores imperii — защитники государства (лат.).

22. patres patriae — отцы отечества (лат.).

23. participes curarum — соучастники правления (лат.).

24. duces belli — военачальники (лат.).

25. Регул — Марк Атилий Регул, римский консул в 267 и 256 гг. до н. э. В 256 г. вместе с консулом Вульсоном разбил карфагенский флот и высадился в Африке. Вслед за этим Регул нанес карфагениям новое поражение, но вскоре сам был разбит ими и попал в плен. Приписываемая легендой Регулу мученическая смерть в карфагенском плену — не что иное, как идеализация, ставшая сюжетом национального эпоса.

26. Оба Деция — имеются в виду отец и сын, оба называвшиеся Публий Деций Мус. Согласно легенде, оба они, будучи в разное время консулами, добровольно пожертвовали жизнью в сражениях ради отечества.

LVI. О правосудии

1. Опыт этот, впервые опубликованный в издании 1612 г., был Бэконом значительно расширен в предсмертном издании 1625 г. В латинском переводе „Опытов“ он назывался „Об обязанностях судьи“. Данный опыт представляет большой интерес для характеристики социальных воззрений Бэкона, рисующего в нем ту, выражаясь его же словами, „пытку законом“, которая была обычным явлением в его времена.

2. „толковать и применять, но не создавать закон“ (лат.).

3. Весьма важный выпад Бэкона против католической церкви, против обожествления ее установлений.

4. Второзаконие, XXVII, 17.
5. „Что возмущенный источник и поврежденный родник, то праведник, падающий пред нечестивым“. Книга притчей Соломоновых, гл. XXV, 26.
6. Книга пророка Амоса, V, 7.
7. Книга пророка Исаяи, XL, 4.
8. „Кто сморкается со слишком большим усилием, досморкается до крови“. „Книга притчей Соломоновых“, XXX, 33.
9. „Он пошлет на них дождь тенет“. Псалтирь, XI, 6.
10. „Долг судьи разобрать поступок и время поступка...“
11. Псалтирь, CL, 5. О в и д и й. Скорби (Tristia), I, 1, 37.
12. Послание апостола Якова, IV, 6.
13. Евангелие от Матфея, гл. VII, 16.
14. „Не приверженцы судов, а паразиты“ (лат.).
15. Не в двенадцати таблицах, как указывает Бэкон, а у Цицерона („De Leg.“, III, 3, § 8). „Благо народа — высший закон“.
16. „мое“ и „твое“ (лат.).
17. Третья книга Царств, X, 19—20.
18. „А мы знаем, что закон добр, если кто законно употребляет его“. Первое послание к Тимофею, I, 8.

LVIII. О превратностях

1. Экклезиаст, гл. 1, 9.
2. Plato. Phaed. E.
3. Экклезиаст, гл. 1, 2.
4. Лета — по греческой мифологии, река забвения, протекающая в подземном царстве; испившим ее воды даруется забвение прошлого.
5. Имеется в виду миф об огненных конях Солнца (Гелиоса). Сын Гелиоса Фазтон упросил отца на один день дать ему править конями. Не справившись с ними, юноша едва не сжег мир. Чтобы остановить коней, Зевсу пришлось поразить возницу громовой стрелой.
6. Из библейских мифов. Третья книга Царств, гл. XVII.
7. Платон. Тимей. См. наст. изд., стр. 232 и сл.
8. Н. Маккиавелли. Рассуждения на первые три книги Тита Ливия, СПб., 1868, кн. II, 5.
9. Григорий I — римский папа с 590 по 604 г.; заложил основы светской власти папства. Усердно заботился о материальной основе этой власти — так называемом „патримонии Петра“ (т. е. землях римской церкви); организовал их в округа. — Вслед за Григорием I папой стал Сабиниан (604 г.).
10. См. Платон. Тимей, 38 и сл. Период, в течение которого полюс мира совершает полный оборот около полюса эклиптики. Равен 25 800 лет.

11. Арианство — еретическое движение в христианстве IV и следующих веков, отрицавшее равенство бога-сына с богом-отцом, а частью вообще божественность бога-сына (Христа). Основателем его был александрийский пресвитер Арий, осужденный за это на Никейском соборе (325 г.).

12. Арминиане (ремонстранты) — протестантская секта начала XVII в. в Нидерландах, основанная Яковом Арминием и допускавшая отступления от строгостей кальвинизма. Служила знаменем борьбы голландской буржуазии за федеративное устройство („провинциализм“) против дворян—сторонников централизованной власти.

13. Поход галлов на Малую Азию произошел в начале III в. до н. э. Заселенная ими область в центре Малой Азии получила после этого название Галатии или, иначе, Галлогреции, так как жители ее вскоре эллинизировались.

14. Поход галлов на Рим имел место в 390 г. до н. э.; сведения о нем недостаточны и противоречивы, ибо римские историки старались смягчить позор поражения. Нашествие было вызвано борьбой племен, связанной с начавшимся разложением у галлов родового строя. Одно из племен, под водительством Бренна, появилось в Этрурии. Этруски обратились за помощью к Риму. В ответ на вмешательство римлян галлы разбили их на р. Аллии, разграбили Рим и осадили Капитолий, где укрылась часть сенаторов и остатки войска. С этой осадой связано известное предание о гусях, своим гоготаньем предупредивших защитников Капитолия о ночной атаке врагов. Наконец, за большой выкуп галлы сняли осаду.

15. Империя Карла Великого, выросшая к концу VIII в. из небольшого франкского государства, была сложным объединением племен на разных этапах феодализации. Процесс феодализации развил те центробежные силы, которые привели к распаду империи.

ПЛАТОН

ТИМЕЙ

(отрывок об Атлантиде)

24 Е „Удивительны, [говорит Солону египетский жрец. — Ф.К.-Б.] сохранившиеся у нас описания многих и великих дел вашего города; но выше всех по величию и доблести особенно одно. Записи говорят, какую силу некогда обуздал ваш город; эта сила дерзостно направлялась на всю Европу и на Азию со стороны Атлантического моря. Тогда ведь это море было судоходно, потому что перед устьем его, которое вы по-своему называете Геракловыми столбами, находился остров. Остров этот был больше Ливии и Азии, взятых вместе, и от 25 него открывался плователям доступ к прочим островам, а от тех островов — ко всему материку, лежащему по ту сторону этого настоящего моря. Ведь море, лежащее с внутренней стороны устья, о котором мы говорим¹, в сущности только бухта с узким входом, а то (что с внешней стороны) можно назвать уже настоящим морем, равно как окружающую его землю, по всей справедливости, — истинным и совершенным материком. На этом-то острове Атлантиде сложилась великая и грозная держава царей, власть которых простиралась на весь остров, на многие иные острова и на некоторые части материка. Кроме того, они и на здешней стороне владели Ливией до Египта и В Европой до Тиррении. Вся эта держава, собрав все свои силы, вознамерилась и вашу страну и нашу, и все пространство земли по эту сторону устья поработить одним ударом. Тогда-то, Солон, воинство вашего города прославилось доблестью и твердостью перед всеми людьми. Превосходя всех мужеством и хитростью военных приемов, город ваш то воевал, во главе эллинов, то, С когда другие отступались, противостоял по необходимости один и подвергал себя крайним опасностям; но, наконец, одолев наступающих врагов, торжествовал победу над ними, воспрепятствовал им поработить еще не поработенных, и нам всем вообще живущим по эту сторону Геракловых пределов, безусловно отвоевал свободу. Впоследствии же, когда происходили страшные землетрясения и потопа, в один день и бедственную ночь вся ваша воинская

¹ Имеется в виду Средиземное море.

сила разом провалилась в землю, да и остров Атлантида исчез, погрузившись в море. Поэтому-то и море в этом месте оказывается теперь несудоходным: плаванию препятствует множество окаменелой грязи, которую оставил за собой осевший остров“.

[П л а т о н. Соч., Перевод с греч. проф. Карпова, ч. VI, „Тимей“, М., 1879, стр. 384—385].

ПЛАТОН

КРИТИЙ

(отрывок об Атлантиде)

- 108 E „Прежде всего вспомним, что прошло около девяти тысяч лет с того времени, как происходила, говорят, война между всеми жителями по ту и по эту сторону Геракловых столбов. Эту-то войну надо теперь рассмотреть подробно. Над одной стороной начальствовал наш город и вел, говорят, всю ту войну, а над другой — цари острова Атлантиды.
- 103 B Некогда всю землю, отдельными участками, боги разделили между собой. . .
- 113 C Посейдон получил в удел остров Атлантиду, и там поселил своих потомков, рожденных от смертной жены, в каком-то месте этого острова. С моря, по направлению к середине, лежала по всему острову равнина, говорят, прекраснейшая из всех равнин и достаточно плодородная. При равнине же опять-таки по направлению к середине острова, на расстоянии стадий пятидесяти, была гора, небольшая в окружности. На этой горе жил один из людей, родившихся там с самого начала из земли, по имени Эвенор, вместе с женой своей Левдой киппой; у них была единственная дочь Клито. Когда девушка достигла уже поры замужества, мать и отец ее умерли. Посейдон почувствовал к ней страсть, сочетался с ней, и обнес крепкой оградой холм, на котором она жила, построив одно за другим большие и меньшие кольца, поочередно из морских вод и из земли, и именно два из земли и три из вод, на равном повсюду расстоянии одно от другого, словно выкроил их из середины острова, так что
- E холм этот сделался недоступен для людей; ведь судов и плавания тогда еще не было. Сам же он, как бог, без труда устроил этот срединный остров, выведши из-под земли на поверхность два ключа воды: один теплый, другой холодный, истекавший из родника; пищу же всякого рода произрастил в достаточном количестве из земли. Детей мужского пола родил и воспитал он пять пар — близнецов и, разделив весь остров Атлантиду на десять частей, первому
- 114 A из старшей пары отдал имение матери с окрестным уделом, самым большим и лучшим, и поставил его царем над прочими, а прочих сделал архонтами, ибо дал каждому власть над большим числом людей и большою областью. . .
- 114 C Все они, — сами и потомки их, — жили там в продолжение многих поколений, властвуя также над многими другими островами моря, и даже, как прежде

было сказано, простирала свое владычество до Египта и Тиррении, на местности нашей, внутренней стороны. От Атланта (старшего сына Посейдона) произошел многочисленный и знатный род. В лице царей, всегда старейших в роде и передававших свою власть всегда старейшим же из потомков, он сохранил за собой царство чрез много поколений и собрал такие огромные богатства, каких еще не бывало до тех пор во владении царей, да и впоследствии, когда-нибудь нелегко таким образоваться. У них находилось в полной готовности все, что было предметом производства и в городе, и в прочих местах страны. Многое, правда, благодаря (широкому) господству, прибывало к ним извне; но еще больше для потребностей жизни доставлял сам остров: во-первых, все, что в рудниках добывается из земли твердого и плавимого, — например, одну породу, которая теперь известна только по имени, но тогда была больше, чем именем, — породу орихалка, извлекавшуюся из земли во многих местах острова и, после золота, имевшую наибольшую ценность у людей того времени; далее, он приносил в изобилии все, что доставляет лес для работ мастеров; точно так же и животных он питал вдоволь и ручных, и диких. Была на нем даже многочисленная порода слонов, ибо корму было там вдоволь не только для всех иных животных, водящихся в болотах, озерах и реках, или живущих на горах и питающихся на равнинах; но также и для этого по природе величайшего и самого прожорливого животного. Кроме того, остров производил и прекрасно питал все, что растит ныне земля благовонного, — из корней трав, деревьев, из соков, выступающих каплями, или из цветов и плодов. Далее, и плод мягкий, и плод сухой, который служит для нас продовольствием, и все то, что мы употребляем для приправы, и часть чего называем овощами, и тот древесный плод, что дает и питье, и пищу, и мазь, и тот с трудом сохраняемый плод садовых деревьев, что явился на свет ради развлечения и удовольствия, и те облегчающие от пресыщения, любезные утомленному плоды, что мы подаем после стола, — все это остров, пока был под солнцем, приносил в виде произведений удивительно прекрасных и в бесчисленном множестве. Принимая все эти дары от земли, островитяне устраивали между тем и храмы, и царские дворцы, и гавани, и верфи, и все прочее в стране, — и это дело благоустройства выполняли в таком порядке.

Прежде всего, кольца воды, огибавшие древнюю метрополию, снабдили они мостами и открыли путь от царского дворца и к дворцу. Дворец же царский в этой обители бога и предков соорудили они тотчас же, с самого начала и, затем, каждый, принимая его один от другого и украшая уже украшенное, всегда превосходил в этом по возможности своего предшественника, — пока не отделали они этого жилища так, что величием и красотой работ поражал он зрение. Начиная от моря вплоть до крайнего внешнего кольца, прокопали они канал, в три метра ширины и сто футов глубины, длиною же в пятьдесят стадий, и таким образом открыли доступ к этому кольцу из моря.

как будто в гавань, а устье расширили настолько, что в него могли входить самые большие корабли. Да и в земляных валах, которые разделяли кольца моря, они прорыли такие каналы, что можно было переплывать из одного в другое, имея в ряд по одной триреме, и эти каналы покрыли сверху, так чтобы плавание совершалось вниз, ибо прокопы земляных колец имели достаточную высоту

116 А поверх моря. . . Остров, на котором стоял царский дворец, и кольца, и мост, с обеих сторон обнесли они каменной стеною, и везде при мостах, на проходах к морю, воздвигли башни и ворота. . . Царское же жилье внутри акрополя устроено было так. В середине там оставлен был недоступным священный храм Клито и Посейдона, с золотой кругом оградой, — тот самый, в котором некогда зачали они и родили поколение десяти царевичей. Туда, из всех десяти уделов, приносились ежегодно каждому из них сообразно вреду мени года жертвы. Храм самого Посейдона внешнею представлял что-то варварское. Все это здание снаружи покрыли они серебром, кроме верхушек; верхушки же — золотом. Внутри представлялся зрению потолок слоновой кости, расцвеченный золотом, серебром и орихалком: все же прочее — стены, колонны и пол — одели они кругом (одним) орихалком. Воздвигли также внутри золотые изваяния, — бога, который, стоя в колеснице, правил шестью крылатыми ко

Е нями, а сам, по громадности размеров, касался теменем потолка, и вокруг него, плывущих на дельфинах, сто nereид, ибо столько именно насчитывали их люди того времени. Было внутри храма много и иных статуй, посвященных богу частными людьми. Около же храма, снаружи, стояли золотые изображения всех вообще лиц, — и жен, и всех потомков, которые родились от десяти царей, а также многие другие великие приношения со стороны как царей, так и частных лиц, и из самого города, и из внешних стран, над которыми он господствовал. Да и жертвенник по размерам и отделке вполне соответствовал

117 А такой обстановке храма, и царское жилище точно так же отвечало достойным образом и величию державы, и убранству святилища. Из обоих источников, холодной и теплой воды, которые содержали воду в огромном обилии и отличались каждый, от природы, приятным ее вкусом и высокой годностью к употреблению, они извлекали пользу, расположив вокруг строения и подходящие к свойству вод древесные насаждения и построив около водоемы, один под открытым небом, другие крытые, для теплых на зимнее время ванн, особые — царские и особые — для частных людей, отдельные для женщин, и отдельные для лошадей и прочих рабочих животных, причем дали каждому соответствующее устройство. Стекавшие оттуда воды отвели они к роще Посейдона — группе разнородных деревьев, достигших необычайной красоты и вышины, благодаря плодородию почвы, — и через каналы, по направлению мостов, спустили во внешние (водяные) кольца. . . Все это пространство было густо застроено множеством домов, а водный проход и большая из гаваней кишели судами и прибывающим отовсюду купечеством, толпы которого день и ночь оглашали местность криком, стуком и смешанным шумом.

Итак, о главном городе и обо всем, что имеет отношение к старому населению, передано все почти так, как рассказано, — постараемся же теперь припомнить рассказ и о прочей стране, какова была ее природа и каково ее устройство. . . Местность эта по всему острову была обращена к югу и защищена с севера от ветров. Окружавшие ее горы прославлялись тогда за то, что превосходили все существующие и числом, и величиною, и красотой, причем содержали много богатых жителями селений, реки, озера и пажити, с достаточною пищею для всех ручных и диких животных, также лес, отличавшийся обилием и разнообразием деревьев и богатый материалом для производств, всех вообще и каждого в отдельности. И вот как при помощи природы была возделываема та равнина многими царями в течение долгого времени. В основании лежал большей частью правильный четырехугольник, обведенный вокруг ровом. . . Этот ров принимал сходящие с гор потоки и, будучи обведен кругом равнины так, что прикасался с обеих сторон к городу, давал им таким путем изливаться в море. Сверху были от него прорезаны по равнине прямые каналы, около ста футов шириною, которые направлялись снова в ров, ведущий к морю, отстояли же друг от друга на сто стадий. При их-то посредстве жители сплавливали к городу снятый на горах лес, а также доставляли на судах и другие произведения, смотря по времени года, проводя поперечные протоки из канала в канал и по направлению к городу. И дважды в год пожинали они произведения земли, пользуясь в течение зимы водами небесными, а летом привлекая воду, которую дает земля, через каналы. . .

119 С Что же касается властей и их ответственности, то установлено было с самого начала следующее. Каждый из десяти царей господствовал в своем уделе, прилегающем к его городу; он царил над людьми и самовластно распоряжался большей частью законов, наказывая и присуждая к смерти, кого захочет; взаимные же их отношения и общая власть определялись предписаниями Посейдона, как их передавал закон и надписи, начертанные еще предками на орихалковом столбе, который находился посреди острова, в капище Посейдона.

Д Туда собирались они попеременно, то на пятый, то на шестой год. . . и, собравшись, совещались об общих делах или же разбирали, не сделал ли кто какого проступка, и творили суд. Но, приступая к суду, сперва давали они друг другу вот какое заверение. В виду пасущихся на свободе буйволов, они, в числе десяти, оставшись одни в капище Посейдона и помолившись богу, чтобы им захватить приятную для него жертву, без железа, с одними дубинами и петлями, выходили на ловлю, и пойманного буйвола приводили к столбу и закалывали на вершине его, над надписями. А на столбе, кроме законов, было написано заклятие, призывавшее великие бедствия на непослушных.

120 Так вот, когда, совершив жертвоприношение по своим законам, посвящали они в жертву все члены буйвола, — в это время, замешав предварительно чашу, бросали в нее за каждого по сгустку свернувшейся крови, а прочее, вычистивши столб, предавали огню. Затем, черпая из чаши золотыми кубками

и творя возлияния на огонь, они клялись, что будут судить по начертанным на столбе законам и карать, если кто совершил ранее того какое-нибудь преступление, да и на последующее время не будут нарушать ничего из предписанного и не будут ни сами управлять, ни повиноваться правителю, если **В** им будет приказано что-либо, нарушающее отеческие законы. После того, как каждый из них даст такой обет за себя и за свой род, выпьет и сложит кубок в капище бога, наконец управится со столом и со всеми нуждами, — а между тем стемнеет и жертвенный огонь станет гореть слабее, — все они, облекшись, по возможности, в самую прекрасную темноглубую одежду, среди ночи, по погашении в капище всех огней, **С** пред пламенем клятвенной жертвы и творили суд, либо были судимы, если кто-либо обвинял кого из них в нарушении закона. Постановленные же приговоры они заносили, когда наступал свет, на золотую доску и, как памятник, вместе с плащами, клали ее в капище. Много было и других, особых для каждой местности законов относительно прав царей, но самый важный был тот, чтобы никогда не поднимали они оружие друг против друга и чтобы все вступались, если бы кто-либо из них в каком-нибудь городе задумал истребить **Д** царский род; чтобы сообща, подобно предкам, принимали они решения относительно войны и других предприятий, предоставляя высшее руководство роду Атланта. И царь не властен был приговорить к смерти никого из родственников, если более половины царей, из числа десяти, не будут на этот счет одного мнения.

Эту столь великую и крепкую силу, господствовавшую в тех местах, бог выстроил и направил на нашу страну по причинам следующего рода. В продолжение многих поколений, пока природы божией было в них (людях тех мест) **Е** еще достаточно, они оставались покорны законам и относились дружелюбно к родственному божеству. Ибо они держались образа мыслей праведного и действительно высокого, выказывая смирение и благоразумие во всех обычных случайностях жизни, а также и в отношениях друг к другу. Оттого, **121** взирая с пренебрежением на все, кроме добродетели, они мало дорожили тем, что имели, относились равнодушно, как к бремени, к массе золота и иных богатств, а не падали наземь в опьянении роскошью, теряя из-за богатства власть над самими собою, — нет, трезвым умом они ясно постигали, что все это вырастает из общего дружелюбия и добродетели, а если посвящать богатству много забот и придавать ему большую цену, то рушится и добродетель, да гибнет вместе с ними самое богатство. Благодаря такому взгляду и сохранявшейся в них божественной природе, они преуспевали во всем, на что мы раньше подробно **В** указывали. Но когда доля божественной крови от частых и обильных смешений с смертною природой в них наконец истощилась, нрав же человеческий одержал верх, тогда, не будучи уже в силах выносить настоящее свое счастье, они развратились, и тому, кто в состоянии это различать, казались людьми порочными, потому что из благ наиболее драгоценных губили именно самые

прекрасные: на взгляд же тех, кто не умеет распознавать условия истинно блаженной жизни, они в это-то преимущественно время и были вполне безупречны и счастливы, — когда были преисполнены неправого духа корысти и силы. Бог же богов Зевс, царствующий, согласно законам, как существо, способное это различать, увидел, что честное племя впало в жалкое положение, и, решившись наказать его, чтобы оно, образумившись, стало скромнее, собрал всех богов в самую почетную их обитель, которая приходится в середине всего мира и открывает вид на все, что получило жребий рождения, — собравши же их, сказал. . .“ (На этом месте диалог обрывается).

[Там же, стр. 500—519]

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Портрет Фрэнсиса Бэкона	между стр. 4--5
Заглавная страница „Новой Атлантиды“, первое английское издание 1627 г.	19
Титульный лист „Опытов нравственных и политических“, первое английское издание 1597 г.	43
Титульный лист „Опытов нравственных и политических“ (Лондон, 1612 г.)	63
Титульный лист „Опытов нравственных и политических“ (Лондон, 1625 г.)	87
Титульный лист „Sylva Sylvarum“, или „Естественной истории“ Бэкона (Лондон, 1627 г.)	107
Титульный лист „Новой Атлантиды“, изданной вместе с „Городом Солнца“ Томмазо Кампанеллы (Утрехт, 1643)	165
Титульный лист сочинений Бэкона (Лондон, 1638 г.)	177

СОДЕРЖАНИЕ

Новая Атлантида	5
Опыты и наставления нравственные и политические	45
Посвящение к первому изданию „Опытов“ 1597 г.	45
Посвящение к изданию „Опытов“ 1612 г.	47
Посвящение к изданию „Опытов“ 1625 г.	48
II. О смерти	49
III. О единой вере	50
V. О бедствиях	54
VI. О скрытности и притворстве	55
IX. О зависти	58
XI. О высокой должности	62
XII. О бойкости	66
XIII. О доброте и добродушии	67
XIV. О дворянстве	69
XV. О смутах и мятежах	71
XVIII. О путешествиях	77
XIX. Об искусстве повелевать	79
XX. О совещаниях и советниках	83
XXII. О хитрости	89
XXIII. О себялюбивой мудрости	92
XXIV. О новшествах	93
XXV. О распорядительности	94
XXVIII. О расходах	96
XXIX. Об истинном величии королевств и республик	97
XXXI. О подозрении	105
XXXIII. О колониях	106
XXXIV. О богатстве	110
XXXV. О пророчествах	113
XXXVI. О честолюбии	116
XXXVIII. О человеческой природе	118
XXXIX. О привычке и воспитании	119

XLI. О ростовщичестве	121
XLVII. Об искусстве переговоров	124
XLVIII. О приближенных и друзьях	126
L. О занятиях науками	127
LI. О партиях	129
LV. О почестях и известности	130
LVI. О правосудии	132
LVIII. О превратностях	136
Приложения	141
„Новая Атлантида“ и „Опыты“ Фрэнсиса Бэкона—Ф. А. Коган-Бернштейн	143
Примечания	204
Платон. Тимей (отрывок об Атлантиде)	232
Платон. Критий (отрывок об Атлантиде)	233
Список иллюстраций	239

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *Ц. М. Подгоренская*
Технический редактор *Н. А. Невраева*
Корректор *А. В. Утина*

*

РИСО АН СССР № 5420. Т-06217. Издат. № 622.
Тип. заказ № 1178. Подп. к печ. 30/IX 1954 г. Формат
бум. 70 × 92¹/₁₀. Бум. л. 7,62. Печ. л. 17,84 + 1 вкл.
Уч.-издат. 13,7 + 0,1 вкл. Тираж 8000.

Цена по прейскуранту 1952 г. 10 руб.

1-я тип. Издательства АН СССР
Ленинград, В. О., 9-я л., д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
28	15 сн.	но их речи сильно отличаются	но сильно отличаются
52	11 св.	могут	могу
61	7 сн.	что это любовь	что любовь
123	7 сн.	покупаются на	окупаются за

Фрэнсис Бэкон